



Электронный научный периодический журнал

Издается с 2018 г.

### РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор *К.П. Курьлев*, д.и.н, РУДН, Российская Федерация

Заместитель главного редактора *Н.П. Пархитко*, к.и.н., РУДН, Российская Федерация

Ответственный секретарь *Н.Г. Смолик*, РУДН, Российская Федерация

### РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*Ибрагимов А.Г.*, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры международных отношений Бакинского государственного университета, Республика Азербайджан

*Аглян В.Р.*, к.и.н., заведующий кафедрой государственного управления факультета международных отношений Ереванского государственного университета, Республика Армения

*Достанко Е.А.*, к.п.н., начальник Центра международных исследований факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Республика Беларусь

*Юрчак Д.В.*, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, Республика Беларусь

*Рцхиладзе Г.В.*, к.п.н., директор Института Евразии (Тбилиси), Грузия

*Аджай Кумар Патнайк*, доктор философии по политическим наукам, директор Центра по изучению России и Центральной Азии Университета им. Дж. Неру, Республика Индия

*Дешпанде Санджай*, к.и.н., директор Центра евразийских исследований Университета Мумбаи, Республика Индия

*Губайдулина М.Ш.*, д.и.н., профессор кафедры международных отношений и мировой экономики Казахского национального университета им. Аль-Фараби, Республика Казахстан

*Жолдасбекова А.Н.*, к.и.н., декан Факультета международных отношений Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан

*Ибраева Э.А.*, д.и.н., декан факультета экономики и права Международной Образовательной Корпорации, Республика Казахстан

*Бейбутова Р.А.*, к.и.н., декан факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Кыргызская Республика

*Бредихин А.В.*, к.и.н., советник директора Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук, Россия

*Гущин А.В.*, к.и.н., доцент кафедры постсоветского зарубежья РГГУ, Россия

*Мавлонова А.С.*, к.и.н., старший преподаватель Школы востоковедения НИУ ВШЭ, Россия

*Маркедонов С.М.*, к.и.н., доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики, РГГУ, Российская Федерация

*Сидоров Д.А.*, к.п.н., старший научный сотрудник Центра евразийских исследований Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, Россия

*Федорченко С.Н.*, к.п.н., доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета, Россия

*Мансуров У.А.*, д.ю.н., проректор по международным связям Российско-Таджикского (Славянского) университета, Республика Таджикистан

*Мавланов И.Р.*, д.э.н., заведующий кафедрой международной торговли и инвестиций Университета мировой экономики и дипломатии Республики Узбекистан, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол, Республика Узбекистан

## **ЖУРНАЛ «ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»**

Периодичность – 8 номеров в год.

Тематика журнала в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников:

**07.00.15** – История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

**23.00.04** – Политические проблемы международных отношений и глобального и регионального развития (политические науки)

**07.00.02** – Отечественная история (исторические науки)

**08.00.14** – Мировая Экономика (экономические науки)

### **Цель и тематика**

Перед журналом «Постсоветские исследования» ставится цель публикация материалов на основе комплексного междисциплинарного изучения существующих проблем и тенденций развития постсоветского пространства. В фокусе публикуемых исследований – анализ внешнеполитических концепций, стратегий и приоритетов бывших республик СССР, вызовов и угроз, с которыми они сталкиваются в условиях формирования новой полицентричной системы международных отношений. Тематическая направленность издания обуславливает необходимость привлечения в качестве авторов публикаций представителей экспертно-аналитического сообщества стран-участниц СНГ и Грузии из числа профессорско-преподавательского состава ведущих ВУЗов, независимых исследовательских центров, специалистов и официальных лиц различных уровней.

Характерной чертой журнала является то, что он отражает широкий спектр мнений специалистов, читатель получает комплексное представление о национальных интересах стран СНГ и их преломлении во внешнеполитических доктринах. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внешней политики и вопросов безопасности стран постсоветского зарубежья, внутривнутриполитических процессов, социально-экономических и проблем.

В первую очередь к публикации принимаются статьи по приоритетным постоянным рубрикам журнала, к которым относятся «Страны СНГ в мировой политике и экономике», «Внешняя политика стран СНГ», «Интеграционные процессы в регионе СНГ», «Конфликтный потенциал в регионе СНГ», «Политические портреты». Журнал приветствует публикацию рецензий.

Издается при научно-методической поддержке Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС).

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,  
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

**Свидетельство о регистрации:** ЭЛ № ФС 77 – 71895 от 13 декабря 2017 г.

**ISSN:** 2618-7426

**Учредитель** Курылев Константин Петрович

### **Адрес редакции**

Россия, 117133, г. Москва, ул. академика Бакулева, д. 6, кв. 286

Тел. +7 (903) 127-77-81

<https://www.postussr.org>

[article@postussr.org](mailto:article@postussr.org)



**Electronic journal**  
**Ed. since 2018**

**EDITORIAL COUNCIL**

**Chief Editor** *K.P. Kurylev*, Doctor of History, RUDN University, Russia

**Deputy Chief Editor** *N.P. Parkhitko*, PhD in History, RUDN University, Russia

**Executive Secretary** *N.G. Smolik*, RUDN University, Russia

**EDITORIAL BOARD**

**Ibrahimov A.G.**, PhD in political sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University, Republic of Azerbaijan

**Aglyan V.R.**, PhD in History, Head of the Department of Public Administration, Faculty of International Relations, Yerevan State University, Republic of Armenia

**Dostanko E.A.**, PhD in Politics, Head of the Center for International Studies of the Faculty of International Relations of the Belarusian State University, Republic of Belarus

**Yurchak D.V.**, PhD in History, Associate Professor of History of Belarus at the Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Republic of Belarus

**Rzkhiladze G.V.**, PhD in Politics, Director of the Institute of Eurasia (Tbilisi), Georgia

**Ajay Kumar Patnaik**, PhD in political sciences, professor of the Centre for Russian and Central Asian Studies of the Jawaharlal Nehru University, Republic of India

**Deshpande Sandjaj**, PhD in History, Director of the Center for Eurasian Studies in the University of Mumbai, Republic of India

**Gubaydulina M.Sh.**, Doctor of History, Professor of the Faculty of International Relations and World Economy of the Kazakh Al-Farabi National University, Republic of Kazakhstan

**Zholdasbekova A.N.**, PhD in Politics, Dean of the Faculty of International Relations of the L. N. Gumileva Eurasian National University, Republic of Kazakhstan

**Ibraeva E.A.**, Doctor of History, Dean of the Economic and Law Faculty, International Educational Corporation, Republic of Kazakhstan

**Beibutova R.A.**, PhD in Philology, Dean of the Faculty of International Relations and Oriental Studies of the J. Balasagyn Kyrgyz National University, Kyrgyz Republic

**Bredikhin A.V.**, PhD in History, Advisor of the Director of the Center for Research of Security Problems of RAS, Russia

**Gushchin A.V.**, PhD in History, Associate Professor of the Department of Post-Soviet Abroad, Russian State University for the Humanities, Russia

**Mavlonova A.S.**, PhD in History, Senior Lecturer, School of Oriental Studies, HSE, Russia

**Markedonov S.M.**, PhD in History, Associate Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy, Russian State University for the Humanities, Russia

**Sidorov D.A.**, PhD in Politics, Senior Researcher, Center for Eurasian Studies, Institute for Topical International Problems, Diplomatic Academy, Russian Ministry of Foreign Affairs, Russia

**Fedorchenko S.N.**, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University, Russia

**Mansurov U.A.**, Doctor of Law, Vice-Rector for International Relations of the Russian-Tajik (Slavic) University, Republic of Tajikistan

**Mavlanov I.R.**, Doctor of Economy, Head of the Department of International Trade and Investments, University of Global Economy and Diplomacy, Republic of Uzbekistan, Professor, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Republic of Uzbekistan

## **JOURNAL “POST-SOVIET STUDIES”**

Periodicity – 8 issues per year

Subjects of the journal in terms of the current nomenclature of scientific specialties:

**07.00.15** – History of international relations and foreign policy (Historical sciences)

**23.00.04** – Political problems of international relations and global and regional development (Political science)

**07.00.02** – National History (Historical sciences)

**08.00.14** – World Economy (Economics)

### **Objective and Thematic**

The journal “Post-Soviet Studies” aims to publish materials based on the integrated interdisciplinary study of relevant problems and trends of the post-Soviet region. The research of the journal is focused on the analysis of foreign policy concepts, strategies and priorities of the former Soviet republics, the challenges and threats they face in the context of the formation of the new polycentric system of international relations. Thus, determines the involvement of representatives of the expert and analytical community of the CIS countries and Georgia including the staff of leading universities, independent research centers, specialists and officials of wide professional specters as authors of publications.

A characteristic feature of the journal is that it reflects a wide range of professional opinions and gives the reader a comprehensive idea of the national interests of the CIS countries and their refraction in foreign policy doctrines. The list of thematic sections of the publication includes the headings suggesting the analysis of foreign policy and security issues of the countries of the former Soviet republics, internal political processes, economic and social problems.

First of all, the articles based on the priority permanent agenda that includes "CIS countries in world politics and economy", "Foreign policy of the CIS countries", "Integration processes in the CIS region", "Conflict potential in the CIS region", "Political portraits” are welcomed in journal for further publication.

The journal is published with the scientific and methodological support of the Center for Studies of Post-Soviet Countries (CSPSC).

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, information technologies and mass communications (Roskomnadzor)

**Registration certificate:** ЭЛ № ФС 77 – 71895 from 13.12.2017

**ISSN:** 2618-7426

**Founder:** Konstantin Petrovich Kurylev

### **Address**

academic Bakuleva str. 6-286, Moscow, Russia, 117513

Phone +7 (903) 127-77-81

<https://www.postussr.org>

[article@postussr.org](mailto:article@postussr.org)

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>ОТ РЕДАКЦИИ</b> .....	240
<b>ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО</b>	
<b>Федорченко С.Н.</b> Анализ постсоветских стран через призму коммуникативной теории власти Мануэля Кастельса .....	242
<b>ПОЛИТИКА США НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ</b>	
<b>Курyleв К.П.</b> Украина во внешнеполитической стратегии США .....	251
<b>Трокаль Т.В.</b> Политика США и России в Каспийском регионе .....	260
<b>УКРАИНСКИЙ КРИЗИС</b>	
<b>Бредихин А.В.</b> Кубанский вопрос украинских властей.....	269
<b>ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ</b>	
<b>Рахимов К.Х.</b> Этапы развития интеграционных процессов на пространстве СНГ .....	274
<b>Ни Ваньшу</b> Концептуальные основы проектов Экономический пояс Шелкового пути и ЕАЭС.....	285
<b>ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ</b>	
<b>Ибрагимов А.Г.</b> Турция и Россия: возможно ли стратегическое партнерство?.....	297
<b>Sanjay Deshpande, Shoaib Khan</b> Prehistory of Russia's relationship with NATO in the new era (1991-2012). (Part two) .....	306
<b>ПРОБА ПЕРА</b>	
<b>Аманбекова Ш.</b> Влияние афганского кризиса на процесс исламизации Центральной Азии.....	318
<b>Фомин А.А.</b> Особенности развития украинских политических партий как канала рекрутинга национальных элит после Евромайдана.....	330
<b>НОВОСТИ</b>	
<b>Жигульская Д.В., Сыздыкова Ж.С.</b> Международная научно-практическая конференция «творческое наследие Алишера Навои и современность» .....	334

## CONTENTS

<b>FROM THE EDITORIAL BOARD</b> .....	240
<b>INFORMATIONAL SPACE</b>	
<b>Fedorchenko S.N.</b> Analysis of post-Soviet countries through the prism of Manuel Castells' communicative theory of power .....	242
<b>ПОЛИТИКА США НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ</b>	
<b>Kurylev K.P.</b> Ukraine in the foreign policy vector of the USA.....	251
<b>Trocal' T.V.</b> US and Russian policy in the Caspian region .....	260
<b>THE UKRAINIAN CRYISIS</b>	
<b>Bredikhin A.V.</b> The Kuban issue in the Ukrainian establishment.....	269
<b>INTEGRATOIONAL PROJECTS</b>	
<b>Rakhimov K.Kh.</b> Stages of processes of integration development in the CIS space .....	274
<b>Ni Vanshu</b> Conceptional foundations of the projects "Economic belt of the Silk Road" and EAE Union.....	285
<b>BILATERAL RELATIONS</b>	
<b>Ibragimov A.G.</b> Turkey and Russia: is strategic partnership possible?.....	297
<b>Sanjay Deshpande, Shoaib Khan</b> Prehistory of Russia's relationship with NATO in the new era (1991-2012). (Part two) .....	306
<b>FIRST STEPS</b>	
<b>Amanbekova Sh.</b> Impact of the Afghan crisis on the islamization process in Central Asia .....	318
<b>Fomin A.A.</b> Specific features of development of Ukrainian political parties as a recruiting-channel for national elites after the "Euromaidan" .....	330
<b>NEWS</b>	
<b>Zhigulskaya D.V., Sizdikova Zh.S.</b> International scientific-practical conference «The creative heritage of Alisher Navoi and the present days».....	334

## ОТ РЕДАКЦИИ

*Dimidium facti, qui coepit, habet*  
(Лат. «Начало – половина дела»)

*Gaudium in litteris est*

(Лат. «Утешение – в науке»)

Уважаемые коллеги, дорогие друзья! Коллектив редакционной коллегии приветствует Вас на страницах третьего номера журнала «Постсоветские исследования»!

Рады сообщить, что первые два номера не только успешно вышли в обозначенный редакцией срок, но и привлекли широкий спектр авторов и специалистов по изучаемой нами тематике. Таким образом, авторскому коллективу на страницах нашего журнала удалось рассмотреть животрепещущие проблемы постсоветского региона и предложить собственное видение их преодоления. Одним из основных достижений, помимо безусловной академической ценности предложенных уважаемыми авторами инициатив, коллектив редакционной коллегии считает формирование дружественной атмосферы, сложившейся на академической платформе нашего журнала!

Палитра мнений всегда важна, равно как и недопустимо любое ущемление альтернативных подходов. Как неоднократно отмечалось нами ранее, журнал «Постсоветские исследования» всецело выступает за свободу выражения инициатив и подходов, отвечающих академическим и этическим нормам общения. И как показывает опыт первых двух выпусков журнала, эта цель в значительной степени достигнута не только редакторским коллективом, но и Вами, уважаемые авторы!

Третий номер нашего журнала относится к жанру аналитического обобщения. Иными словами, в указанном номере речь идет о самых разных проблемах и процессах, происходящих на пространстве бывшего СССР и представляющих актуальность как для СНГ, так и для постсоветского региона в целом. Подобные обобщающие номера представляются редакционной коллегии весьма полезными, поскольку именно в них нам удастся выявить наиболее актуальные с точки зрения социально-

политического или политологического подхода темы, заслуживающие впоследствии детального рассмотрения в отдельном номере.

С первого номера журнал заявил о себе как о профессиональном издании, призванном аккумулировать опыт работы авторов, представляющих практически все бывшие союзные республики СССР. Следует особо отметить, что в сферу интересов журнала попала научная проблематика, включающая в себя широкий перечень дисциплин: от экономики и политики до философии и религии. При этом залогом успешного сотрудничества авторского коллектива на страницах нашего журнала, безусловно, является сложившаяся в издании уважительная этика общения, позволяющая авторам с, зачастую, полярными точками зрения не только успешно доносить ее до своих научных оппонентов, но и формировать постоянную читательскую аудиторию.

Также редакционная коллегия хотела бы поделиться с Вами некоторыми своими планами, реализация которых будет способствовать выведению нашего журнала на новый академический уровень. Речь идет о работе по подготовке выпуска печатной версии журнала. Изначально журнал задумывался как электронное издание. Однако, по мере развития и с учетом расширения авторского коллектива, а значит – и числа наших читателей, - редакционной коллегией было принято решение опробовать и «традиционный» формат журнала. В конце концов, подобная практика характерна для любого солидного научного издания и свидетельствует о его качестве и, если угодно, статусе.

В настоящий момент готовится тестовая версия в количестве 30 экземпляров первого номера журнала. Впоследствии редколлегия планирует выпускать авторские экземпляры, которые будут вручаться уважаемым авторам статей и материалов, опубликованных на страницах журнала. Кроме того, ряд экземпляров будет дополнительно предоставляться в научные организации (университеты, институты и т.д.), от имени которых тем или иным автором был предложен соответствующий матери-

ал, если уважаемые авторы изъявят такое желание.

Уважаемые коллеги! Журнал «Постсоветские исследования» открыт для новых дискуссий и предложений и сочтет за честь опубликовать их в наших следующих номерах. Для наших уважаемых авторов подмечаем, что следующий тематический номер (№4) будет посвящен тематике Беларуси и Союзного государства России и Беларуси. В свете этого редакционная коллегия объявляет о готовности принимать материалы по указанной тематике сразу же по выходе №3, который предваряет настоящее приветствие.

Мы приветствуем наших постоянных авторов, но в то же время, всегда рады появлению новых фамилий в списке авторов нашего журнала. Ведь в конечном итоге совместными усилиями мы достигаем единой цели, а кроме того – не в последнюю очередь находим утешение в науке, как говорили древнеримские философы.

Редакционная коллегия желает Вам удачи, новых идей и академического вдохновения и ждет Ваши материалы на страницах журнала «Постсоветские исследования»!

**С уважением, редакция журнала  
«Постсоветские исследования»**

**АНАЛИЗ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН  
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ  
КОММУНИКАТИВНОЙ ТЕОРИИ  
ВЛАСТИ МАНУЭЛЯ КАСТЕЛЬСА**

**С.Н. Федорченко**

Московский государственный областной  
университет, Москва, Россия

*Аннотация.* Исследование специфики постсоветских стран через инструментарий коммуникативной теории власти Мануэля Кастельса – является целью данной статьи. В качестве рабочей методологии используются принципы сравнительной политологической компаративистики, ориентированные на анализ однопорядковых политических институтов, процессов и феноменов. Автор в своем анализе постсоветских стран учитывает следующие тезисы коммуникативной теории власти: человеческим сознанием возможно манипулировать, учитывая его зависимость от политических метафор, нарративов и фреймов; властные отношения характеризуются динамикой между властью и контрвластью в коммуникационной среде; современные политические субъекты – государства, политики, партии, движения (от умеренных до экстремистских) в процессе борьбы за власть вынуждены заменять традиционные формы взаимоотношения с политическими объектами на сетевые. При этом в статье подчеркивается, что подобные политические технологии, практикуемые разными интересантами, в конце концов закольцовываются на условия сетевого развития страны. В ходе исследования автор приходит к выводу, что постсоветские государства не только используют прямую политическую цензуру в Интернете, но и переходят к парадигме формирования лояльных политизированных сетевых сообществ, способствующих активной легитимации существующих политических режимов.

*Ключевые слова:* политические технологии, политические коммуникации, постсоветские страны, Интернет, власть, государство, социальные сети, сетевые сообщества, Мануэль Кастельс.

**Коммуникативная теория власти**

Крупным прорывом для современной социологии и политической науки стали работы испанского ученого Мануэля Кастельса, удачно совмещающего амплуа теоретика в области информационного общества, урбанистики, политической коммуникации с праксисом эмпирических замеров. Постоянно обращаясь к специфике информационного мира, исследователь выявляет его важнейшие процессы и тренды, оказывающие фундаментальное значение на социум через технологический прогресс.

Ключевое утверждение Кастельса заключается в том, что властные отношения характеризуются динамикой между властью и контрвластью, иными словами – между воспроизводством власти, закрепленной в институтах, и теми вызовами, которые предъявляют данной власти социальные акторы, недовольные игнорированием их интересов и ценностей в деятельности этих институтов. Судьба власти и контрвласти зависит от результата баталии за умы людей в пространстве мультимодальных коммуникационных сетей. Если за властью, как правило, стоят определенные институты, то контрвласть питается ростом социальных движений, критикующих работу данных институтов [Кастельс 2017: 35]. Исследователь признает реляционный признак власти, считая, что власть – не атрибут, а именно отношение. С другой стороны, он выделяет у власти признак асимметричности, допуская, что во властных отношениях один из акторов оказывает большее влияние, чем другие. Добавив социально-экономическую базу к политической и культурной надстройке, мы можем получить известную марксистскую модель, однако Кастельса больше интересует именно коммуникационная сфера, чем фактор производительных сил и частная собственность на средства производства. Хотя значение последних он не отвергает. Например, он обращает внимание на то, что чем больше институты демократизируются через интернет-коммуникации, тем дальше отдалается элита от общества [Кастельс 2000: 386-387].

Идеи Кастельса определенным образом пересекаются с теорией гегемонии

неомарксиста Антонио Грамши, который в своих «Тюремных тетрадах» выдвинул тезис о том, что власть определенного класса над другим основывается не только на экономическом и силовом доминировании, но и на гегемонии в интеллектуальной области посредством опоры на интеллигенцию. Органическая интеллигенция при этом полностью создается – обучается, воспитывается господствующим классом и обслуживает его политические интересы, в том числе посредством пропагандистской работы. Традиционная же интеллигенция является носителем исторической памяти, сознания [Грамши 1959: 149-150, 458].

Кроме того, коммуникативная теория власти Кастельса впитала довольно разные идеи: Мишеля Фуко о властном дискурсе (который, как и «правила игры» в обществе, создает особые «дисциплинарные институты») [Фуко 1999: 145-147], Юргена Хабермаса о легитимации (опирающейся на согласие воль, формирующееся в процессе обсуждаемого, конструируемого общего смысла, разделяемого властью и населением, например утверждения «мечты о построении коммунистического общества», «веры в представительную демократию» и т.п.) [Habermas 1996: 359-361], Толкотта Парсонса об отличии транзитивной власти («власть над») от интранзитивной власти («власть для») [Parsons 1963], предполагающей, что акторы имеют возможность осуществлять свою *власть над* другими социальными акторами, чтобы получить *власть для* достижения собственных целей. По этой причине Кастельс выдвигает многомерный подход к анализу формирования власти в обществе: «насилие, угроза обращения к нему, дисциплинарные дискурсы, угроза введения дисциплины, институционализация властных отношений как воспроизводство доминирования и процесс легитимации, посредством которого ценности и правила принимаются субъектами референции, - все является взаимодействующими элементами в процессе производства и воспроизводства властных отношений в социальных практиках и организационных формах» [Кастельс 2017: 58]. Исследователь пишет, что современная власть распре-

делена по всему пространству человеческого действия, а не локализована в одном конкретном институте или социальной сфере. Власть реляционна, тогда как доминирование институционально.

Также у Кастельса есть несколько дополнительных рабочих гипотез. По его предположению, наиболее фундаментальной формой власти выступает способность формировать человеческое сознание. Согласно другому его тезису, чем больше автономии появляется у пользователей с помощью коммуникационных технологий, тем больше шансов, что новые интересы и новые ценности станут появляться в сегменте так называемой массовой самокоммуникации, тем самым достигая массового сознания. Под *массовой самокоммуникацией* социолог называет новые формы сетевой коммуникации, увеличивающие возможности социальных трансформаций. При этом, согласно еще одной его гипотезе, историческое превосходство вертикальных (иерархических) организаций, структур над горизонтальными сетями определяли базовые материальные ограничения, обусловленные недостаточно развитыми технологиями. Иными словами, пока не возникли электронные коммуникации, иерархия господствовала в природе власти.

Социолог отмечает, что сеть – это совокупность взаимосвязанных узлов. Значимость узла проистекает не из его каких-либо качеств, а из его способности внести вклад в эффективность сети. Таким образом единством становится сеть, а не узел. Культура такого глобального сетевого общества означает, согласно Кастельсу, культуру протоколов коммуникации, обеспечивающей коммуникацию между различными культурами на основе разделения ценностей доступной коммуникации. Протоколы коммуникации означают устойчивые и распространенные практики и поддерживающие их соответствующие платформы (метафоры, реклама, язык медиа, брендинг, сетевой цифровой гипертекст). При этом сети постоянно склонны перестраиваться и образовывать коммуникационные потоки, подразумевающие движение информации (например, политической) между узлами. Концентрация сетей происходит вокруг

преобладающих сетей – хабов через эффект синергии (например, крупные медийные конгломераты, агентства, блогеры). Сеть обходит и исключает из своей структуры тех людей, территории, которые представляют незначительную для нее ценность. К тому же сети и их узлы объединяются в особое пространство потоков, предоставляющего технологическую и организационную возможность одновременности взаимодействия различных сфер – политической, финансовой, культурной без прямого тесного пересечения. Пространство потоков растворяет время, формирует «мгновенное время», фактически нарушая привычную последовательность событий, в том числе и политических.

Терминологический аппарат Кастельса довольно разнообразен и адаптивен к анализу современных постсоветских политических процессов. К примеру, социолог разделяет сетевую власть, власть сети, власть в сети и сетесозидающую власть. *Сетевая власть*, согласно его позиции, основана на бинарной сетевой логике и принципе включения/исключения актора в пространство сети. Что, безусловно, перекликается с теорией сетевого гейткипинга [Barzilai-Nahon 2008: 1493-1512], подчеркивающей роль сетей в контроле информационных потоков. Тогда как власть сети предполагает власть стандартов самой сети над ее компонентами, установление правил включения в структуру сети (например, роль «Вашингтонского консенсуса» как операционного принципа глобальной рыночной экономики, правила вхождения в ВТО). Власть в сети означает специфику политического субъекта и его характер действий в сети. Сетесозидающая власть, по мнению Кастельса, это способность конструировать сеть (или сети) и программировать/перепрограммировать работу сети (сетей) для достижения перед сетью целей, способность соединять и организовывать коммуникацию разнообразных сетей на базе единых целей и концентрирования общих ресурсов, одновременно преодолевая конкуренцию с остальными сетями посредством стратегического взаимодействия [Кастельс 2017: 88-91]. Тех, кто обладает способностью создавать и программировать

сети, Кастельс называет программистами, а тех, кто обеспечивает взаимодействие разных сетей, - переключателями.

Важным элементом коммуникативной теории власти Кастельса является возникновение так называемого сетевого государства, характеризующегося подвижностью управленческих практик, процедур, широким разнообразием пространственно-временных отношений между правительством и гражданами по сравнению с предшествующей формой национального государства, а также разделением суверенитета и ответственности между различными странами на различных политических уровнях. Автор прямо говорит, что государство и идеологические аппараты изначально были матрицей медиа больше, чем рынок – в большинстве стран режим регулирования информационных потоков организован через комбинацию государственной собственности и выдачу государственных лицензий бизнес-группам, соглашающимся следовать правилам, ограничивающих их влияние как независимых медийных акторов [Кастельс 2017: 162].

Дополнительные штрихи к этой картине наносит концепция медиатизации политики, по которой в современную политическую жизнь активно вторгаются массмедиа. Политик, не соответствующий правилам медиалогии – телегенности, узнаваемой имиджевой концепции, запросам целевых аудиторий, вряд ли обретет необходимую поддержку электората. Вместе с тем, медиатизация политики способствует снижению уровня дискуссии, трате времени и ресурсов на псевдополитизированные темы, не являющиеся приоритетными для страны и ее регионов, возрастанию популистских решений [Быков 2017: 15-38]. Привносимые элементы шоу-бизнеса заменяют политическое просвещение, гражданскую ответственность на эмоциональное освещение внутривнутриполитических и международных новостей, скандализацию событий. В итоге государство через союзные массмедиа получает уникальную возможность распылять внимание граждан либо перенаправлять на те проблемы, обсуждение которых не опасно для уровня легитимности существующей власти. Государство

становится все более активным игроком сетевой Ойкумены, не только посредством типичной политической цензуры, но и управлением собственными интернет-сегментами [Володенков 2017: 79-100].

Распространенным способом подчинения медийного бизнеса государству выступает распределение лицензии между бизнес-партнерствами, связанными с совершенно разными политическими ориентациями. Тем самым осуществляется информационное влияние на граждан, если же последних данная ситуация не устраивает, формируются социальные, оппозиционные движения. Политические субъекты ведут постоянное соперничество друг с другом за умы масс, пользуясь самыми различными протоколами коммуникации. Кастельс отмечает, что важнейшими протоколами коммуникации выступают так называемые *метафоры*, необходимые для объединения языка и схем в мозгу человека. Посредством метафор конструируются нарративы, которые, в свою очередь, состоят фреймов – нейронных сетей ассоциаций человека. На основе этих фреймов возникают основные социальные роли в той или иной стране. Кастельс больше подходит к решению проблемы власти/контрвласти с точки зрения психологического подхода, отмечая, что социальные перемены являются итогом коммуникативных действий, в ходе которых связи между сетями нейронных сетей человеческого мозга активируются сигналами из коммуникационной сферы, проходящими через сети коммуникации. По Кастельсу активация мозга человека через нейронные паттерны, индуцируемая так называемыми зеркальными нейронами, определяет механизм идентификации (или отрицания), эмпатии с нарративами в Интернете, телевидении, литературе, кино, как и с политическими нарративами кандидатов и партий.

### **Post-Soviet Space 2.0**

Как же можно исследовать постсоветское пространство через коммуникативную теорию власти? Резюмируя тезисы теории Кастельса, важно подчеркнуть, что его модель исходит из несколько представлений:

- человеческим сознанием возможно манипулировать, учитывая его зависимость

от политических метафор, нарративов и фреймов;

- властные отношения характеризуются динамикой между властью и контрвластью в коммуникационной среде;

- современные политические субъекты – государства, политики, партии, движения (от умеренных до экстремистских) в процессе борьбы за власть вынуждены заменять традиционные формы взаимоотношения с политическими объектами на сетевые. Но подобные политические технологии, практикуемые разными интересантами, в конце концов закольцовываются на условия сетевого развития.

Попробуем выявить уровень сетевого развития постсоветских стран, а также определить наиболее распространенные приемы воздействия их государств как важнейших политических субъектов на общественное сознание через сетевые коммуникации.

Есть несколько индексов, которые могут показать портрет сетевого развития стран постсоветского ареала. Так, Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (ICT Development Index), рассчитываемый по методике Международного союза электросвязи при ООН, касается таких показателей как доступ к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ), использование ИКТ. На деле этот индикатор – комбинированный. По Индексу развития информационно-коммуникационных технологий от 2017 г. наиболее высокие показатели у Исландии (8.98), Южной Кореи (8.85) и Швейцарии (8.74 балла), среди постсоветских стран – у Эстонии (8.14), Белоруссии (7.55), Латвии (7.26), Литвы (7.19) и России (7.07 балла). Средние – в Казахстане (6.79), Молдавии (6.45), Азербайджане (6.20), Грузии (5.79), Армении (5.76) и Украине (5.62 балла). Наиболее низкие показатели в Узбекистане (4.90) и Киргизии (4.37 балла). Самые худшие показатели в таких странах как Чад

(1.27), Центрально-Африканская Республика (1.04) и Эритрея (0.96 балла)<sup>1</sup>.

Индекс сетевой готовности (Networked Readiness Index) разрабатывается другой организацией – Всемирным экономическим форумом и международной школой бизнеса. Авторы индекса исходят из гипотезы, согласно которой в мире существует определенная корреляция между развитием ИКТ и экономическим благополучием. Сам индекс измеряет: существование условий для ИКТ (наличие технологической инфраструктуры, инновационного потенциала); готовность граждан, бизнеса и государства в использовании информационных технологий; общий уровень использования подобного рода коммуникаций и технологий. По этому индексу от 2016 г. наилучшими показателями среди постсоветских стран обладают Эстония (5.4), Литва (4.9), Латвия (4.8), Казахстан (4.6) и Россия (4.5 балла). Средние показатели у Азербайджана (4.3), Армении (4.3), Грузии (4.3), Украины (4.2) и Молдавии (4.0 балла). Хуже с сетевой готовностью в Киргизии (3.7) и Таджикистане (3.3)<sup>2</sup>. Как видно, оба рейтинга в целом отражают схожие показатели развития информационного общества в постсоветских странах.

II волна авторского проекта «Глобальное исследование политизации социальных сетей», проведенного в 2016 г., показала, что наиболее политизированные сетевые сообщества постсоветских стран находятся в таких социальных сетях как Facebook, ВКонтакте, Twitter, Одноклассники, YouTube и Instagram. Причем проявление феномена «сетевого государства» очевидно на примере того факта, что большинство политизированных сетевых сообществ постсоветских стран являются провластными (62%) [Лымарь, Федорченко, Рябинкин.2017: 50-77]. Постсоветские государства тем самым переходят от парадигмы прямой политической цензуры к парадигме

формирования лояльных политизированных сетевых сообществ, способствующих активной легитимации существующих политических режимов.

Эстония, как постсоветская страна с наилучшими показателями уровня сетивизации, действительно впервые в мировой и европейской практике попробовала экспериментально внедрить модель сетевого государства через практику интернет-голосования. Данная процедура является дополнительной, а не обязательной [Кадлец 2015: 134-135]. Но здесь следует помнить, что территория Эстонии и других прибалтийских стран совершенно несопоставимы с территорией, к примеру, России или Казахстана, где требуется намного больше ресурсов для создания инфраструктуры, которая устранила бы цифровое неравенство путем обеспечения широкополосного, качественного и дешевого доступа населения к Интернету. Кроме того, сохраняются различия в избирательных правах самих жителей Эстонии, наблюдаются случаи подозрительной активности посредством предварительного голосования.

Нельзя забывать, что в эстонском обществе нет единого мнения по поводу истории страны, советской истории, политике современной России. С одной стороны, эстонское государство официально отвергает цензуру, однако оно использует приемы гибкой политической цензуры и манипуляции. Так, перед выборами в городских сетевых сообществах Facebook наблюдается активизация партийных модераторов, начинающих блокировать при помощи своей власти политические сообщения<sup>3</sup>.

Посмотрим на ситуацию в России. Так называемое поколение Z, рожденное здесь в 1990 – 2000-х гг., намного больше использует социальные сети, чем предыдущее поколение. Социальные сети стали пространством для реализации разных форм социальной активности. Политизация дискурса

<sup>1</sup> IDI 2017 Rank. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.itu.int/net4/ITU-D/idi/2017/index.html> (дата обращения: 15.01.2018).

<sup>2</sup> Networked Readiness Index. [Электронный ресурс]. URL: <http://reports.weforum.org/global-information-technology-report-2016/networked-readiness-index/> (дата обращения: 15.01.2018).

<sup>3</sup> Середенко С. Выборы в Эстонии: цензура или административный ресурс? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/03102017-vybory-v-estonii-tsenzura-ili-administrativnyy-resurs/> (дата обращения: 15.01.2018).

также коснулась российских сообществ социальных сетей. Причем, здесь встречается самые разные идеологические предпочтения – коммунистические, монархистские, анархистские, либеральные и др. Есть и сообщества, насыщенные откровенно экстремистским контентом, где превалируют фашистские либо радикально исламистские взгляды. Исследования показали, что благоприятная экстремистская среда, к примеру, появилась в сети «ВКонтакте» [Шиллер, Шелудков 2013: 124-129]. На этом фоне интересен механизм создания сетевых сообществ. Отечественные специалисты различают два способа конструирования сетевых сообществ в Интернете – органический и инструментальный. В первом варианте органически созданные сообщества вбирают в себя разнообразную палитру сообществ, признающих общие ценности объединившего их сообщества, но имеющих и ценности собственных локальных групп. В качестве примера органического сообщества М.Г. Бреслер приводит проект «Защитим Торатау», соединившего людей с различными взглядами против разработки горы Торатау. Тогда как во втором варианте у инструментального сообщества ценности едины, а иная точка зрения подавляется. Примером инструментального сообщества является движение «АнтиКроношпан», инициированное с целью дискредитации инвестиционной политики властей Башкирии [Бреслер 2017: 39-49].

В России, конечно, запрещена экстремистская пропаганда, как и во многих странах. Это правильная и адекватная мера, учитывая ту активность радикальных террористических группировок, которые занимают мощнейшей пропагандой среди постсоветской молодежи через социальные сети, представляя реальную угрозу национальной безопасности нашей стране. Но о жесткой политической цензуре, «фильтрующей мнение каждого гражданина», говорить совершенно неверно. Тот же Мануэль Кастельс, комментируя ситуацию в России, пишет, что здесь больше действует не политическая цензура, а самоцензура журналистов, медийных менеджеров (в том числе имеющих собственные аккаунты в социальных сетях), при этом, по оценке Кастельса,

не подвергается цензуре пользовательский контент Рунета, содержащий критику правительства [Кастельс 2017: 331].

Несмотря на то, что уровень сетевизации Грузии ниже, чем у Эстонии, Латвии, Литвы, России и Казахстана, по мнению доктора политологии Бека Чедии, здесь социальные сети также становятся артикуляторами политических интересов [Чедия 2011: 163-171]. Грузинские новые медиа сообщили мощный импульс распространению доступного политического контента ограниченных в тиражах традиционных медиа – газет и журналов. Также местные сетевые сообщества позволяют узнать об альтернативных оценках новостей, односторонне представленных телевидением. Между тем факты политической цензуры со стороны грузинского государства также имеют место. К примеру, во время августовской войны 2008 г. грузинское правительство в течении нескольких дней блокировало доступ к российским сайтам. Учитывая тот момент, что новостные сайты являются источником политической повестки в сообществах социальных сетей, данная мера стала существенной в контроле общественного мнения.

Проблема цифрового неравенства (неравного доступа граждан к коммуникационным возможностям новых медиа) остро сохраняется в Киргизии. Проникновение Интернета в повседневную жизнь жителей активно идет лишь в столице страны. Это определяется неравномерным экономическим развитием различных киргизских регионов, отдаленностью, труднодоступностью населенных пунктов, неплатежеспособностью пользователей в сельской местности и малых городах, недостаточным количеством IT-специалистов, проблемами с инфраструктурой и подачей электроэнергии, монополизмом в рынке интернет-провайдеров [Ермаков, Сатыбаев 2014: 88-96]. Вместе с тем, необходимо себе ясно представлять, что без ликвидации диспропорций в экономическом развитии регионов в стране, где не так давно произошли две «цветные революции», будет невозможно полноценно модернизировать хозяйственную и политическую систему. Широкопо-

лосный Интернет при сохранении социально-экономических противоречий населения лишь кристаллизует существующие проблемы и станет ареной для сплочения радикальных организаций. Либо произойдет переход государства к тотальной политической цензуре социальных сетей. Поэтому для начала нужно решить наиболее важные социально-экономические вопросы.

Подводя итоги, важно отметить, что научный аппарат коммуникативной теории власти Мануэля Кастельса дает хороший инструментарий для анализа современных политических процессов, происходящих в постсоветских странах. Здесь появился феномен не просто информационного, а сетевого общества. Это общество характеризуется сетевой властью, подразумевающей распространение сетевых сообществ Интернета с бинарной сетевой логикой и принципом включения/исключения актора в пространство сети на основе его принадлежности к определенным ценностям. В этих условиях властные отношения все больше характеризуются динамикой между властью и контрвластью в коммуникационной среде. Но постсоветские государства отчетливо понимают, как возможности, так и угрозы наступления эры Интернета. Поэтому сетевое общество начинает сосуществовать с сетевым государством. Важна и другая тенденция – постсоветские государства стараются формировать лояльные политизированные сетевые сообщества, способствующие активной легитимации существующих политических режимов. Вместе с тем, сравнительный анализ показал, что коммуникативная теория власти Кастельса лучше работает при учете не только психологических, но и социально-экономических условий развития постсоветских государств.

#### БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бреслер М.Г.* Метод выявления инструментальных сетевых сообществ социальной сети политических коммуникаций //Журнал политических исследований. 2017. Т.1. №4. С. 39-49.
2. *Быков И.А.* Медиатизация политики в эпоху социальных медиа //Журнал политических исследований. 2017. Т.1. №4. С. 15-38.
3. *Володенков С.В.* Интернет как технологическое пространство современных политических коммуникаций: перспективы и сценарии развития //Журнал политических исследований. 2017. Т.1. №3. С. 79-100.
4. *Грамини А.* Избранные произведения. Тюремные тетради. М.: Изд. ин. литературы. 1959. Т. 3. 369 с.
5. *Ермаков А.А., Сатыбаев А.Д.* Обзор и анализ широкополосного интернет соединения в Кыргызстане //Проблемы автоматки и управления. 2014. № 1 (26). С. 88-96.
6. *Кадлец В.А.* Обзор применения интернет-голосования в Эстонии //Международный научно-исследовательский журнал. 2015. №7(38). С. 134-135.
7. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ВШЭ. 2000. 609 с.
8. *Кастельс М.* Власть коммуникации. М.: Изд. дом ВШЭ. 2017. 591 с.
9. *Лымарь Е.М., Федорченко С.Н., Рябинкин Г.Ю.* Политизация социальных сетей: сравнение двух волн проекта //Журнал политических исследований. 2017. Т.1. №4. С. 50-77.
10. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. 1999. 480 с.
11. *Чедия Б.* Новые медиа и трансформация публичной политической сферы Грузии //Центральная Азия и Кавказ. 2011. Т.14. Вып. 4. С. 163-171
12. *Шиллер В.В., Шелудков Н.Н.* Российские социальные сети как потенциальная угроза национальной безопасности России (на примере сайтов «Одноклассники» и «ВКонтакте») //Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 1 (53). С. 124-129.
13. *Barzilai-Nahon T.* Toward a Theory of Network Gatekeeping: A frame-work for Exploring Information Control //Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2008. Vol. 59. №9. P.1493-1512.
14. *Habermas J.* Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge (MA): MIT Press. 1996. 631 p.

15. *Parsons T.* On the Concept of Political Power //Proceeding of the American Philosophical Society. 1963. Vol. 107. №3. P. 232-262.

**Сведения об авторе:** Федорченко Сергей Николаевич – доцент, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета. (sn.fedorchenko@mgou.ru).

**ANALYSIS OF POST-SOVIET COUNTRIES THROUGH THE LENS OF COMMUNICATIVE THEORIES OF POWER MANUEL CASTELLS**

**S.N. Fedorchenko**

Moscow State Region University  
Moscow, Russia

*Abstract.* The study of the specifics of post-Soviet countries using the tools of communicative theories of power Manuel Castells - the purpose of this article. As a working methodology used the principles of comparative political science comparative research, based on analysis of comparable political institutions, processes and phenomena. The author in his analysis of post-Soviet countries takes into account the following points communicative theory of power: the human mind can be manipulated, given its dependence on political metaphors, narratives and frames; power relations are characterized by dynamics between the power and the counter-power in the communication environment; contemporary political actors – the state, politicians, parties, movements (from moderate to extremist) in the process of the struggle for power should replace traditional forms of relationship with political entities in the network. While the article emphasizes that such political technologies, practiced by different stakeholders, eventually focus on the conditions of network development. In the study the Author comes to the conclusion that the post-Soviet States are not only using direct political censorship on the Internet but moving to the paradigm of the formation of politicized loyal online communities that promote active legitimation of the existing political regimes.

*Key words:* political technologies, political communication, post-Soviet countries, Internet, power, state, social network, network community, Manuel Castells.

**REFERENCES**

1. *Bresler M.G.* Metod vyyavleniya instrumental'nykh setevykh soobshchestv sotsial'noy seti politicheskikh kommunikatsiy //Zhurnal politicheskikh issledovaniy. 2017. T.1. №4. S. 39-49.
2. *Bykov I.A.* Mediatizatsiya politiki v epokhu sotsial'nykh media //Zhurnal politicheskikh issledovaniy. 2017. T.1. №4. S. 15-38.
3. *Volodenkov S.V.* Internet kak tekhnologicheskoe prostranstvo sovremennykh politicheskikh kommunikatsiy: perspektivy i stsennariy razvitiya //Zhurnal politicheskikh issledovaniy. 2017. T.1. №3. S. 79-100.
4. *Gramshi A.* Izbrannye proizvedeniya. Tyuremnye tetradi. M.: Izd. in. literatury. 1959. T. 3. 369 s.
5. *Ermakov A.A., Satybaev A.D.* Obzor i analiz shirokopolosnogo internet soedineniya v Kyrgyzstane //Problemy avtomatiki i upravleniya. 2014. № 1 (26). S. 88-96.
6. *Kadlets V.A.* Obzor primeneniya internet-golosovaniya v Estonii //Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal. 2015. №7(38). S. 134-135.
7. *Kastel's M.* Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura. M.: VShE. 2000. 609 s.
8. *Kastel's M.* Vlast' kommunikatsii. M.: Izd. dom VShE. 2017. 591 s.
9. *Lymar' E.M., Fedorchenko S.N., Ryabinkin G.Yu.* Politizatsiya sotsial'nykh setey: sravnenie dvukh voln proekta //Zhurnal politicheskikh issledovaniy. 2017. T.1. №4. S. 50-77.
10. *Fuko M.* Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my. M. 1999. 480 s.
11. *Chediya B.* Novye media i transformatsiya publichnoy politicheskoy sfery Gruzii //Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. 2011. T.14. Vyp. 4. S. 163-171
12. *Shiller V.V., Sheludkov N.N.* Rossiyskie sotsial'nye seti kak potentsial'naya ugroza natsional'noy bezopasnosti Rossii (na primere saytov «Odnoklassniki» i «VKontakte») //Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 1 (53). S. 124-129.

13. *Barzilai-Nahon T.* Toward a Theory of Network Gatekeeping: A frame-work for Exploring Information Control //Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2008. Vol. 59. №9. P.1493-1512.
14. *Habermas J.* Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge (MA): MIT Press. 1996. 631 p.
15. *Parsons T.* On the Concept of Political Power //Proceeding of the American Philosophical Society. 1963. Vol. 107. №3. P. 232-262.

**About the author:** Fedorchenko Sergey Nikolaevich – associate Professor, PhD in Political Sciences, associate Professor of Political Science and law Moscow State Region University (sn.fedorchenko@mgou.ru).

## УКРАИНА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ США

К.П. Курылев

Российский университет дружбы народов,  
Москва, Россия

*Аннотация.* В статье рассматриваются основные аспекты стратегии США в отношении Украины. Развал Советского Союза и, как результат, появление новых независимых государств привели к новой геополитической обстановке не только в Восточной Европе, но и во всем мире. Независимая Украина с населением примерно в 50 млн человек стала одним из важнейших игроков в восточноевропейском пространстве, поэтому западные политики стали с интересом наблюдать за Украиной и её маневрами на внешнеполитической арене. Западная геополитическая мысль относилась Украину то к «расколотым странам», что формировало немалые опасения на ее счет в плане перспектив развития, то оценивала ее как страну, которая своим независимым статусом способна трансформировать всю Евразию. Из этих предпосылок произошла и дилемма реальных политических и экономических стратегий по отношению к Украине: то ли вкладывать в нее огромные ресурсы и финансовые средства в обмен на стратегическую лояльность и возможность быть используемой в антироссийских геополитических комбинациях, то ли отказаться от не оправдывающих себя инвестиций и прочего деятельного участия в ее судьбе, смирившись с ослаблением своего влияния в регионе и даже с возможным усилением позиций России.

*Ключевые слова:* США, Украина, внешнеполитическая стратегия, интересы, геополитика.

### Украина в американских геополитических теориях.

Рассмотрим подходы к Украине С. Хантингтона, Зб. Бжезинского и Г. Киссинджера.

С. Хантингтон в своем исследовании весьма существенное внимание уделил Украине. Объясняется это тем, что, в его представлении, «вторая среди бывших со-

ветских республик после России по населению и важности – это Украина» [Хантингтон 2003: 255]. Именно на ее примере он пытается аргументировать свои теоретические выкладки. Говоря, например, о восточной границе западной цивилизации, один из участков которой проходит через территорию Украины, «отделяя униатский запад от православного русскоязычного востока» [Курылев 2013: 20-31].

С. Хантингтон в своем исследовании относил Украину к «расколотым странам», которые определял следующим образом: в расколотой стране «...большие группы принадлежат к различным цивилизациям... Основные группы из двух или более цивилизаций словно заявляют: «Мы различные народы и принадлежим к различным местам». Расколотые страны, разделенные цивилизационными линиями разлома, сталкиваются с особенно серьезными проблемами по поддержанию своей целостности. Основная группа, принадлежащая к одной цивилизации, пытается определить страну как свой политический инструмент и сделать свой язык, религию и символы государственными» [Хантингтон 2003: 208-209].

Как отмечал С. Хантингтон, «в различные этапы своей истории Украина была независимой, но все же большую часть современной эпохи она являлась частью единой политической структуры, управляемой из Москвы. Решающее событие произошло в 1654 г., когда казак Б. Хмельницкий, предводитель восстания против польского гнета, согласился присягнуть на верность царю в обмен на помощь в борьбе с поляками. С тех пор и вплоть до 1991 г. (если не считать недолгой независимости с 1917 по 1920 г.) то, что сейчас является Украиной, находилось под политическим контролем Москвы. Однако Украина – это расколотая страна с двумя различными культурами. Линия разлома между цивилизациями, отделяющая Запад от православия, проходит прямо по ее центру вот уже несколько столетий. В различные моменты прошлого западная Украина была частью Польши, Литвы и Австро-Венгерской империи. Значительная часть ее населения является приверженцами

униатской церкви, которая совершает православные обряды, но признает власть Папы Римского. Исторически западные украинцы говорили по-украински и были весьма националистичны в своих взглядах. Население Восточной Украины, с другой стороны, было в массе своей православным, и значительная его часть говорила по-русски» [Хантингтон 2003: 255].

Автор «Столкновения цивилизаций» рисовывал несколько возможных сценариев будущего Украины в случае его раскола: 1) вооруженный конфликт между украинцами и русскими – маловероятен; 2) более вероятный вариант развития ситуации – раскол Украины по линии разлома на две части, восточная войдет в состав России. В таком случае «обрезок» униатской и прозападной Украины может стать жизнеспособным только при активной и серьезной поддержке Запада. Такая поддержка может быть оказана только в случае значительно ухудшения отношений между Россией и Западом; 3) наиболее вероятный сценарий: Украина останется единой, останется расколотой, останется независимой, и в целом будет тесно сотрудничать с Россией. Российско-украинские отношения образуют ядро, необходимое для единства православного мира (подобно франко-немецкому ядру Западной Европы)» [Хантингтон 2003: 255].

Большое внимание Украине в своих работах уделял и американский политолог и государственный деятель Зб. Бжезинский.

Являясь американцем польского происхождения, Зб. Бжезинский неоднократно обращался к украинской проблематике. Придавая огромное значение независимой Украине для мировой политики и международных отношений, он в своей известной работе «Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы» отводил именно Украине роль «буферной зоны», которая помогла бы «трансформировать» Россию: «Украина, новое и важное пространство на евразийской шахматной доске, является геополитическим центром потому, что само ее существование как независимого государства помогает трансфор-

мировать Россию. Без Украины Россия перестает быть евразийской империей. Без Украины Россия все еще может бороться за имперский статус, но тогда она стала бы в основном азиатским имперским государством и, скорее всего, была бы втянута в изнуряющие конфликты с поднимающей голову Средней Азией...» [Бжезинский 1998: 62].

Считая Украину геополитическим центром Центральной и Восточной Европы, который существенно влияет на формирование баланса сил на европейском континенте в целом, он указывает, что самым важным аспектом независимости Украины есть ее влияние на Россию, поскольку это гарантирует безболезненную трансформацию последней из империалистической в национальное государство [Курылев 2013: 20-31].

Облекая сказанное в математическую формулу, мы получаем Россия+Украина=Империя и соответственно Россия-Украина=не Империя!

По мнению Зб. Бжезинского, поскольку геополитический вакуум между Россией и Европой опасен, а США не заинтересованы в зоне нестабильности вокруг Европы, актуальной можно считать задачу создания – большого и все более интегрированного единого европейского пространства. Речь идет о создании – Европы от самой западной точки Португалии Карбо де Рока до Камчатки. Украина же, подчеркивает Зб. Бжезинский, является стержнем, чья прочность будет определять – состоится это историческое расширение Европы или нет. Успешная в демократическом и европейском плане Украина необходима для создания «исторической трансконтинентальной Европы»<sup>1</sup>.

В одном из своих выступлений Зб. Бжезинский даже назвал Украину «старшим братом» России. Обращаясь к украинской аудитории, он заметил, что «Вы имеете где-то одну треть русского населения и, в определенном смысле, дальше продвинулись в своем развитии. Вы также в определенном смысле имеете преимущество перед Россией. Вы, полити-

<sup>1</sup> Бжезинский Зб. Европа от Карбо да Рока до Камчатки. // Зеркало недели. 04.12.2005 г.

чески, «старший брат», Россия – «младший брат». Киевская Русь была прообразом Украины. Вы имеете в этом смысле больше связей с Западом, и вы можете помочь России стать частью демократического Запада и играть там важную роль. Следовательно, ваше стратегическое положение дает вам возможность быть творческим двигателем того, что необходимо для мировой стабильности. Иначе Евразийский континент разбалансируется и будет очень неуравновешенным»<sup>1</sup> [6].

В выступлениях Зб. Бжезинского относительно Украины постоянно фигурировали три главных тезиса:

- то, что Украина стала независимым государством, – одно из трех наиболее важных событий в Европе после краха в Первой Мировой войне Германии и Австро-Венгерской империи, раздела континента вследствие Второй мировой войны;

- пока Украина является независимой, восстановление Российской империи невозможно, само ее существование будет подталкивать Российскую Федерацию под давлением демографических проблем и угроз с Востока к европейскому выбору;

- Украина по своим историческим корням и культурным традициям – органическая часть Европы и непременно вернется в ее лоно.

Главный момент концепции Зб. Бжезинского относительно Украины, который следует учитывать, состоит в том, что «Россия не может быть в Европе без Украины, также входящей в состав Европы, в то время как Украина может быть в Европе без России, входящей в состав Европы» [Бжезинский 1998: 149].

Наконец, обратимся к представлениям Г. Киссинджера об Украине. Они во многом схожи с воззрениями С. Хантингтона. Г. Киссинджер считает, что Украина расположена на востоке геополитического пространства, разделяющего два из шести глобальных носителей напряжения – Европу и Россию. Поэтому реализация Аме-

рикой концепции глобального баланса сил включает Украину в круг кандидатов на «уравновешение» России в Европе<sup>2</sup>.

Г. Киссинджер считает, что «вопрос об Украине затрагивает основополагающие представления обеих сторон (России и США) о характере международных отношений. Америка смотрит на ситуацию под углом устранения потенциальной военной угрозы [Курьлев 2013: 20-31]. Для России вопрос отношений с Украиной – это, прежде всего адаптация к мучительной, судьбоносной, кардинальной перемене». Бывший госсекретарь также утверждает, что «подлинная независимость Украины необходима для мирного существования международного сообщества, так что США должны недвусмысленно поддерживать ее»<sup>3</sup>.

### **Этапы формирования стратегии США в отношении Украины.**

Тем не менее, американцы уже разрабатывали свою стратегию по Украине и в целом по Восточной Европе еще в начале XX в. Во время Гражданской войны в России (1917-1923 гг.) западные державы предпочли не замечать молодую Украинскую Народную Республику (УНР) с явным прозападным курсом. Лишь 70 лет спустя председатель Палаты Представителей США, Р. Гефардт, с сожалением отметил в своей речи, что Запад не предоставил никакой поддержки Украине в борьбе с большевиками.<sup>4</sup> Оправданием тому мог бы послужить раскол среди самих украинцев из-за разных политических взглядов, разногласий между лидерами национального движения, неопытности в дипломатии, а также Брест-Литовское соглашение Советской России с Германией в феврале 1918 г., которое предшествовало оккупации Украины немцами в течение шести меся-

<sup>2</sup> Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: // [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/History/kissing/index.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/kissing/index.php)

<sup>3</sup> Киссинджер Г. Найти точки соприкосновения с Россией. // The Washington Post. 8 июля 2008 г.

<sup>4</sup> Выступление сенатора Р. Гефардта на заседании Палаты представителей США от 22.04.1993 г. // [http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/2933/disintegration\\_of\\_the\\_soviet\\_union\\_and\\_the\\_us\\_position\\_on\\_the\\_independence\\_of\\_ukraine.html](http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/2933/disintegration_of_the_soviet_union_and_the_us_position_on_the_independence_of_ukraine.html)

<sup>1</sup> Зб. Бжезинский Украина – «старший брат» России. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: // [http://www.ukrrudprom.ua/news/Zbigne\\_v\\_Bgezinskiy\\_Ukraina\\_starshiy\\_brat\\_Rossii.html](http://www.ukrrudprom.ua/news/Zbigne_v_Bgezinskiy_Ukraina_starshiy_brat_Rossii.html)

цев с марта по ноябрь 1918 г. Несмотря на провозглашенный президентом США В. Вильсоном принцип права на самоопределение наций и уважение Соединенными Штатами этого права, американцы не спешили с признанием УНР.

Однако после окончания Второй мировой войны и с началом Холодной войны ситуация начала в корне меняться. Американцы перешли от прокламаций к делу. Так, ЦРУ начало оказывать материальную поддержку повстанческим отрядам на территории Западной Украины. Вдобавок, в эти годы в США набирает силу и влияние украинская диаспора, которая со временем приобретет вес в американских правительственных кругах. Непосредственно под влиянием национальных лобби, в том числе и украинского, президент США Д. Эйзенхауер, в 1959 г. подписал резолюцию о «Порабощенных народах»<sup>1</sup>, в которой говорилось, что провозглашение независимости угнетенных народов соответствует жизненно важным интересам США, а украинская нация выделялась одной из главных пострадавших.

Резолюция «О порабощенных народах» и проблема прав человека активно использовались президентом США Р. Рейганом в его антисоветской политике. Именно он сделал «Неделю памяти о порабощенных народах» общегосударственным мероприятием. В 1988 г. Р. Рейган отклонил приглашение президента СССР М.С. Горбачева посетить Москву для празднования тысячелетия Крещения Киевской Руси. Причиной отказа послужило неприятие США запрета Советской властью украинской греко-католической и автокефальной церковей. Безусловно, и этот шаг, и общая внешняя политика США в отношении СССР и его союзников послужили развитию диссидентского движения среди украинских националистов.

На Западе никто и не ожидал, что после «перестройки» Советский Союз канет в лету. Неудивительно, что США очень осторожно отнеслись к маршу суверените-

тов 1989-1990 гг., поскольку, несмотря на все идеологические разногласия, СССР и США сотрудничали по многим вопросам мировой стабильности и безопасности.

Провозглашение независимости Украины состоялось де-факто в июле 1990 г., хотя уже в октябре этого же года на втором съезде «Народного Руха Украины», первой украинской партии, созданной в 1989 году под влиянием перестройки, делегаты окончательно приняли декларацию о суверенитете. Тем не менее, американские официальные лица все еще рассматривали Украину и Беларусь как одних из главных сторонников сохранения СССР только уже в новом формате. Более того, последствия распада союза никак не могли устраивать американские власти из-за непредсказуемости развития ситуации: возможное распространение ядерного оружия, появление исламского фундаментализма на территории Средней Азии, массовая эмиграция и проч. Официальной позицией США было лишь намерение расширять контакты с союзными республиками не через центр, Москву, а напрямую. В то же время, советник госсекретаря США, Р. Зеллик, отмечал, что США не поддерживают развал СССР, и Государственный Департамент не собирается спекулировать на теме возможных причин для изменения американской риторики по вопросу развала СССР. Однако, по его словам, прецедент суверенитета прибалтийских государств, что соответствовало интересам США, разнится с положением дел в других союзных республиках.<sup>2</sup>

Однако в отличие от Белого дома и Госдепа США американские конгрессмены были куда более подготовленными к дезинтеграции СССР и суверенитету Украины, и именно они стали основателями современного подхода США к Украине. В-первых, это обуславливалось мощным украинским лобби в Сенате и Палате представителей. Во-вторых, многие члены Кон-

<sup>1</sup> Закон США №86-90 «О порабощенных народах» от 17.07.1959 г. - <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v10p1/d109>;

<sup>2</sup> Заявление госсекретаря США Р. Зеллика на заседании комитета Сената США по международным делам - [http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/2933/disintegration\\_of\\_the\\_soviet\\_union\\_and\\_the\\_us\\_position\\_on\\_the\\_independence\\_of\\_ukraine.html](http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/2933/disintegration_of_the_soviet_union_and_the_us_position_on_the_independence_of_ukraine.html);

гресса в 1970-1980 гг. занимались вопросами соблюдения прав человека на Украине. Таким образом, в это время американскими законодателями были приняты документы по Украине: 15 ноября 1989 г. письмо Конгресса президенту США с просьбой заставить М.С. Горбачева легализовать украинские национальные церкви<sup>1</sup>, а также Резолюция 1990 г., учреждавшая отныне в США неделю памяти жертв голодомора 1932-1933 гг. в Украине.<sup>2</sup> К тому же, 165 конгрессменов направили совместное письмо М.С. Горбачеву с требованием отпустить на свободу С. Хмару, одного из радикальных националистов парламентариев украинской Рады, арестованного в ноябре 1990 г. КГБ. Именно этот момент можно считать отправным в установлении и развитии сотрудничества по линии Вашингтон-Киев.

Официальные визиты в США представителей партии «Народный Рух Украины» оказали должный эффект на поддержку сепаратистских настроений в Украине со стороны Вашингтона. Одним из наиболее продуктивных и успешных визитов украинских националистов в США состоялся в сентябре 1990 г. Тогда украинскую сторону представлял диссидент, М. Горынь, один из основателей Украинской республиканской партии и Украинского хельсинского союза, спикер партии «Народный Рух Украины». Несмотря на то, что М. Горбачеву удалось убедить Дж. Буша-старшего не встречаться с диссидентом, ряд членов американской администрации, а также глава Пентагона Р. Чейни, встретили на высоком уровне гостя из Украины.

На протяжении лет, непосредственно предшествовавших обретению Украиной независимости, власти США оказывали политическую поддержку движению за независимость и демократию. Однако ве-

дущим партнером в этом регионе оставалась Россия и во многом это обстоятельство определяло политику по отношению к другим республикам СССР. Первоначальная позиция США в отношении Украины определялась тем, что с личностью Президента СССР М.С. Горбачева связывалась политика реформ, проводившаяся в СССР, и его поддержка со стороны Запада была одним из ключевых факторов стабильности в мире и регионе. Помимо того Запад опасался, что развал СССР приведет к дестабилизации ситуации в регионе.

Эта позиция четко была выражена президентом США Дж. Бушем в начале августа 1991 г. во время его визита в Киев. Он заявил, что США будут поддерживать свободу в Украине, но не независимость от СССР.

Двадцатиминутная речь Президента США начиналась американской интерпретацией происхождения названия Украина: «государство на границе между Западом и Востоком». «Сегодня ваши люди учатся свободе... Я приехал сюда, чтобы сказать вам: «Мы поддерживаем борьбу в этой большой стране за демократию и экономические реформы». После этого Буш объяснил тогдашний американский принцип – поддержка центра и развитие отношений с республиками. При этом США четко задекларировали поддержку целостности СССР: «Мы не будем стараться собирать победителей или тех, кто проигрывает в борьбе между республиками или центром и республиками. Это ваше дело, это не дело США»<sup>3</sup>.

После этого Дж. Буш извинился за лекторские нотки в своем докладе и рассказал парламентариям УССР, что такое свобода по-американски. «Когда американцы говорят о свободе, они имеют в виду право каждого человека жить без страха перед своеволием правительства». Дж. Буш цитировал апостола Павла и объяснял, что свобода – это, прежде всего, «толерантность». Свобода не может процветать на угнетении меньшинств. Печальным напоминанием об этом, как сказал амери-

<sup>1</sup>Письмо Конгресса президенту США от 15.11.1989 г. - [http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/2933/disintegration\\_of\\_the\\_soviet\\_union\\_and\\_the\\_us\\_position\\_on\\_the\\_independence\\_of\\_ukraine.html](http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/2933/disintegration_of_the_soviet_union_and_the_us_position_on_the_independence_of_ukraine.html);

<sup>2</sup>Резолюция № 312 Конгресса США от 20.06.1990 г. - [http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/2933/disintegration\\_of\\_the\\_soviet\\_union\\_and\\_the\\_us\\_position\\_on\\_the\\_independence\\_of\\_ukraine.html](http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/2933/disintegration_of_the_soviet_union_and_the_us_position_on_the_independence_of_ukraine.html);

<sup>3</sup> «Chicken Kiev speech by George H.W. Bush». [Электронный ресурс]. – [http://en.wikisource.org/wiki/Chicken\\_Kiev\\_speech](http://en.wikisource.org/wiki/Chicken_Kiev_speech)

канский президент, для него стал Бабий Яр, который он посетил как раз перед выступлением в Верховной Раде.

«Вместе с тем свобода – это то же, что и независимость. Американцы не поддержат тех, кто ищет независимости ради того, чтобы сменить долго длившуюся тиранию на местный деспотизм. Они не будут помогать тем, кто оказывает содействие самоубийственному национализму, который основывается на этнической ненависти»<sup>1</sup>.

Последние предложения, которые и дали название целому докладу, на долгие годы закрепили Дж. Буша-старшего как украиноненавистника. Украинская диаспора в США, которая традиционно считалась республиканским электоратом 1992 г., даже после признания Вашингтоном независимости Киева проголосовала за выдвиженца от Демократической партии, малоизвестного губернатора штата Арканзас Б. Клинтона. Выступление Дж. Буша-старшего, а Верховной Раде в 1991 г. вошло в историю под названием «Chicken Kiev Speech»<sup>2</sup>.

Подобная позиция США была основана на мнении советника по безопасности Президента США К. Райс, которая в то время занималась пересмотром внешней политики США по отношению к СССР и рекомендовала с осторожностью относиться к реформам М.С. Горбачева, предпочитая стабильность демократической революции.

Всего через три недели после этого Украина объявила о своей независимости. Во время визита председателя Верховной Рады Украины Л. Кравчука в США в сентябре 1991 г. Президент Дж. Буш предложил Украине участие в отдельной программе Корпуса Мира США\US Peace Corps<sup>3</sup> вместо ожидаемой поддержки украинской независимости.

Несмотря на некоторое нежелание или даже неспособность Вашингтона призна-

вать уже очевидные и реальные дезинтеграционные процессы в Советском Союзе, 28 ноября 1991 г. президент США Дж. Буш на встрече с украинской диаспорой заявил, что США признают независимость Украины после референдума по соответствующему вопросу, который был намечен на 1 декабря того же года. При этом американский лидер подчеркивал, что США уже не будут ждать признания результатов всенародного голосования со стороны Москвы и лично от М.С. Горбачева. Это стало поворотной точкой в украинской политике Вашингтона.

Было очевидно, что после развала СССР политика США в отношении Украины должна быть изменена. Президенту Дж. Бушу советовали увязать признание Украины с требованием демонтажа ядерного оружия. Однако такая позиция в совокупности с недавним предостережением о «самоубийственном национализме» могла показаться антиукраинской.

25 декабря 1991 г. США официально признали Украину и 2 января 1992 г. установили с ней дипломатические отношения.

Говоря о стратегии США по Украине в это время, стоит отметить, что целью Вашингтона на тот момент было лишь обеспечение безъядерного статуса Украины. Порой это походило на ультимативный и жесткий диалог, поскольку обе страны преследовали свои жизненно важные цели: США – нераспространение ядерного оружия, Украина – стремление доказать свою самостоятельность, а также желание получить финансирование на проведение демократических либеральных реформ в экономике, поскольку доходы молодого украинского государства в тот момент были крайне низкими.

После смены администраций в Белом доме, к власти пришел Б. Клинтон, американцы выбрали иную стратегию двухсторонних отношений с Киевом: «Совместное преодоление кризиса доверия»<sup>4</sup>. Это подразумевало включение Украины в мировые финансовые институты через посредниче-

<sup>1</sup> «Chicken Kiev speech by George H.W. Bush». [Электронный ресурс]. – [http://en.wikisource.org/wiki/Chicken\\_Kiev\\_speech](http://en.wikisource.org/wiki/Chicken_Kiev_speech)

<sup>2</sup> Eng - «малодушная», «боязливая» речь.

<sup>3</sup> Федеральное Агентство Правительства США. – [Электронный ресурс]. – <http://www.peacecorps.gov>

<sup>4</sup> Заявление Госдепартамента США в апреле 1993 года - <http://mir-prekrasen.net/referat/2307-ukrainskie-amerikanske-otnosheniya.html>;

ство США, присоединение Киева к программе «Партнерство ради мира» в рамках НАТО. Более того, укреплявшемуся сотрудничеству способствовали хорошие отношения президентов двух стран, Б. Клинтона и Л.Д. Кучмы. На базе таких теплых дружеских отношений стороны пришли к интенсификации сотрудничества в рамках двухсторонних договоров-хартий. Таким образом, США вместе со своими союзниками гарантировали Украине безопасность, суверенность территориальную целостность, вовлеченность в мировую финансовую рыночную систему.

Однако период активного партнерства сменился некоторым застоем. Стратегия США по Украине буксовала из-за внутренней нестабильности украинского государства: проблема коррупции и необеспеченности политической сферы страны грамотными, компетентными кадрами не позволяла инспирированным из США реформам реализовываться быстро и четко. Администрация Б. Клинтона призывала Киев к «должному очищению правительства».

С приходом в Белый дом Дж. Буша-младшего подход к Украине мало чем стал отличаться. Изменился лишь формат: от двухсторонней кооперации в высших кругах все перешло в одностороннюю деятельность Белого дома. Из-за океана настаивали на продолжении отраслевых реформ. Однако с приближавшимися президентскими выборами американцы начали интенсифицировать контакты лично с представителями украинской оппозиции и олигархами. Увеличилось финансирование из бюджета США некоммерческих организаций в Украине. Задача состояла в том, чтобы в кооперации с крупным украинским бизнесом продолжить внутренние реформы, а также гарантировать прозападный внешнеполитический курс поддерживаемой финансово Вашингтоном политической элиты и олигархата. Данный подход прослеживается в поддержке Вашингтоном «Оранжевого движения» и новоизбранного «оранжевого» президента В.А. Ющенко в 2005 г.

После победы на президентских выборах в США демократа Б. Обамы, амери-

канцами была провозглашена политика «перезагрузки» отношений с Россией. Только после прихода в очередной раз к власти В.В. Путина риторика Вашингтона в отношении России ужесточается, а политика США в Восточной Европе становится «наступательной». Украине с подачи Белого дома прочат ассоциацию с ЕС и интенсификацию сотрудничества с НАТО. После свержения В.Ф. Януковича с поста президента, Украина встает на исключительно евроатлантический вектор развития. На законодательном уровне американские конгрессмены 19 декабря 2014 г. отводят Украине союзническую роль вне Североатлантического альянса. В ответ украинские парламентарии отменяют внеблочный статус страны 28 декабря 2014 г.

Мало-помалу, стратегия США по Украине менялась: от сугубо формального сотрудничества и преследования единственной цели (безъядерный статус Украины после развала СССР) к многопрофильному партнерству и в итоге стратегическому союзничеству. Безусловно, на американскую стратегию по Украине оказывали влияние российская концепция развития, внешняя политика и планы по перевооружения страны. Конечно, со времен обретения независимости Украина обладала исключительно стратегическим расположением, чем она неоднократно «шантажировала» как США, так и Россию. Однако эта геолокация определяла ход истории лишь в удобное для этого время, при определенных обстоятельствах («Оранжевая революция», события 2013-2015 гг.). Стратегия США по Украине циклична и подвержена влиянию внешней экономической конъюнктуры, геополитических реалий, а также личных идеологических и культурных взглядов американских политиков. К сожалению, Украина не была способна и до сих пор не в силах изменить подход США к двухстороннему диалогу между странами. Это зависит лишь от желания и намерений Вашингтона вершить ход истории в Европе, в частности, на подступах к России.

Таким образом, противоречивые представления относительно Украины в США, в разбросе – от «расколота страна» [Хан-

тингтон 2003] с неясными перспективами – до «краеугольного камня расчленения советского геополитического пространства» [Бжезінський 1992], привели к тому, что с одной стороны, совсем не случайно Дж. Буш-старший в 1991 г. скептически относился к возможному обретению Украиной независимости, а с другой стороны, стремление превратить Украину в «санитарный кордон» вокруг России. Из этих предпосылок произошла и дилемма реальных политических и экономических стратегий по отношению к Украине: то ли вкладывать в нее огромные ресурсы и финансовые средства в обмен на стратегическую лояльность и возможность быть используемой в антироссийских геополитических комбинациях, то ли отказаться от не оправдывающих себя инвестиций и прочего деятельного участия в ее судьбе, смирившись с ослаблением своего влияния в регионе и даже с возможным усилением позиций России.

#### БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бжезінський Зб.* Україна має стати європейською державою». Сучасність, 1992
2. *Бжезінський Зб.* Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М., 1998.
3. *Курьлев К.П.* Украина в западных геополитических концепциях. // Статья. // Вестник РУДН, серия Международные отношения. Россия, Москва: Изд-во РУДН, 2013, №4. С. 20-31.
4. *Курьлев К.П.* Внешняя политика Украины в контексте формирования региональной системы безопасности в Европе. М.: Изд-во РУДН, 2014.
5. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. // М.: «Издательство АСТ», 2003.

**Сведения об авторе:** Курьлев Константин Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН (e-mail: kurylev\_kp@rudn.university).

#### UKRAINE IN THE FOREIGN POLICY VECTOR OF THE USA

K.P. Kurylev

RUDN University, Moscow, Russia

*Abstract.* The article researches the main aspects of the US strategy towards Ukraine. The collapse of the Soviet Union and, as a result, the emergence of new independent states led to a new geopolitical situation both in Eastern Europe and throughout the world. Independent Ukraine with a population of over 50 million people has become in a moment one of the most important players in the Eastern European space, so Western politicians began to observe with interest Ukraine and its maneuvers in the sphere of foreign policy. Western geopolitical thought referred Ukraine to the "divided countries", which formed considerable fears on its account in terms of development prospects, then assessed it as a country that, by its independent status, is capable of transforming the whole Eurasia. Proceeding from these aspects, the dilemma of real political and economic strategies towards Ukraine occurred: whether to invest in its huge resources and financial potential in exchange for strategic loyalty and the ability to be used in anti-Russian geopolitical combinations, or to refuse from investments and other active participation in its destiny that are not that worthy, having reconciled with the weakening of their influence in the region and even with the possible strengthening of Russia's positions.

*Key words:* USA, Ukraine, strategy of foreign policy, interests, geopolitics.

#### REFERENCES

1. *Brzezinski Zb.* Ukraine is a European state. " Su-chastnost, 1992
2. *Brzezinski Zb.* Great chess board (Dominance of America and its geo-strategic imperatives). М., 1998.
3. *Kurylev K.P.* Ukraine in Western geopolitical concepts. // State. // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia, series International Relations. Russia, Moscow: Publishing House of the Peoples' Friendship University of Russia, 2013, No. 4. Pp. 20-31.
4. *Kurylev K.P.* Foreign policy of Ukraine in the context of the formation of a regional security system in Europe. Moscow: Publishing House of the Peoples' Friendship University of Russia, 2014.

5. *Huntington C.* The clash of civilizations. /  
М.: "Publishing house AST", 2003.

**About the author:** Kurylev Konstantin  
Petrovich — Doctor of Historical Sciences,  
Professor of the Department of Theory and  
History of International Relations, Peoples'  
Friendship University of Russia (RUDN Uni-  
versity) (e-mail:  
kurylev\_kp@rudn.university).

## ПОЛИТИКА США И РОССИИ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ<sup>1</sup>

Т.В. Трокаль

Российский новый университет (РосНОУ),  
Москва, Россия

*Аннотация.* Целью данной статьи является анализ внешней политики России и США в Каспийском регионе, а именно в отношении Азербайджана, Казахстана и Туркменистана. После распада СССР данный регион стал объектом особо пристального внимания со стороны крупнейших региональных игроков. Неразрешённый до сих пор вопрос правового статуса Каспийского моря, проблема надёжной транспортировки углеводородов, а также проблемы безопасности играют ключевую роль в данном регионе Евразии.

По мнению автора статьи, и США и РФ на сегодняшний момент активно используют политику "мягкой силы" для продвижения своих интересов в данном регионе. Автор статьи, проанализировав основные особенности внешней политики США и РФ в Каспийском регионе, пришёл к выводу, что если основными ключевыми инструментами для продвижения интересов США в данном регионе являются многочисленные неправительственные организации (НПО) - главные проводники политики "мягкой силы" США, то для России основным инструментом для продвижения её интересов является политика экономической интеграции, что находит своё отражение в создании политико-экономических союзов (например Евразийский экономический союз ЕАЭС), а также развитие многочисленных культурных связей.

В работе делается вывод, что политические интересы России и США в Каспийском регионе будут обостряться и в дальнейшем, что связано с продолжающейся политикой США (начатой ещё при администрации Б.Обамы), направленной на достижение энергетической независимости и вытеснение России из региона, несмотря

на то, что привлечение ресурсов Каспия будет для США сравнительно дорогостоящим проектом.

*Ключевые слова:* «мягкая сила», энергетический потенциал, правовой статус, геополитический интерес, политические и культурные ценности, неправительственные организации, газопроводы, энергетическое сотрудничество

Последние 20 лет проблема использования энергетического потенциала Каспийского региона не исчезает с политической повестки для крупнейших государств мира. Для США и России доступ к каспийским энергоносителям, укрепление своего влияния в данном регионе является одним из приоритетов во внешней политике. С учётом сложной внутривосточной ситуации зона Каспийского моря представляя собой поле столкновения геополитических интересов крупнейших мировых игроков, остаётся одним из самых взрывоопасных регионов Евразии.

Конкурентная борьба внешних игроков на Каспии проявляется во всех сферах регионального развития. Регион является сосредоточением многочисленных важнейших геополитических проблем, среди которых наиважнейшими являются :

1. Неразрешённый вопрос правового статуса Каспийского моря;
2. Обеспечение надёжной транспортировки каспийских углеводородов;
3. Проблемы безопасности на фоне милитаризации Каспийского моря;
4. Иранский фактор в международной политике.[ Айвазян 2013: 29-49]

Необходимо отметить, что подходы в решении данных международных проблем для России и США являются диаметрально противоположными.

Созданию общего контекста нестабильности в регионе способствуют внутривосточные проблемы каспийских стран. Россия сталкивается с необходимостью быстрого реагирования на новые региональные вызовы на Каспии, связанные с активным проникновением новых внешних игроков (здесь имеется

<sup>1</sup> Статья подготовлена по материалам выступления автора на Международной научной конференции

«Внешняя политика России на пространстве СНГ», состоявшейся в РУДН 15.12.2017 г.

ввиду КНР). Внешние игроки активно решают свои геополитические задачи в зоне Каспия. Конкуренция между ними за использование энергетического потенциала на Каспии и геополитическое влияние в регионе нарастает.

В теории международных отношений защита национальных интересов как основа взаимодействия субъектов (авторов) международных отношений, которыми, главным образом, выступают государства, получила своё закрепление в традиции политического реализма. Данная традиция выступает одним из основополагающих геополитических учений, интерпретирующим международные отношения. В рамках данной традиции развивалась «теоретическая мысль, связанная с осмыслением пространственного и географического факторов в международной политике».

Американский социолог, политик и государственный деятель Зб. Бжезинский в своей книге «План игры» охарактеризовал соперничество США и (тогда ещё) СССР в том числе в районе Каспийского региона как геополитическую борьбу за контроль над всей Евразией. А в своей знаменитой работе «Великая шахматная доска» (1998 г.) он призывает разработать и применять комплексную долгосрочную стратегию по отношению ко всей Евразии. Согласно данной стратегии США управляют главными геостратегическими фигурами на евразийской «шахматной доске» в соответствии со своими интересами и руководят ключевыми геополитическими центрами Евразии для сохранения своей ведущей роли в мире. [Бжезинский 2016: 5-7]

В период с 1946 по 1989 гг. США и СССР находились в состоянии «холодной войны», обе стороны участвовали в длительной гонке вооружений, однако в то время понятия «мягкой силы» еще не существовало. Вместо этого была пропаганда двух стран друг против друга. Затем после «затихания» холодной войны произошел распад СССР, и мир, который ранее был биполярным, стал однополярным с одним лидером в лице Соединенных Штатов. США моментально стали лидерами как в военной сфере, так и во всех остальных. На данный

момент США все еще остаются признанным мировым лидером, однако мир снова перестраивается из однополярного, возглавляемого Америкой, в многополярный, поскольку на мировой арене появляются новые центры силы такие как Китай, Индия, Турция, Иран. Россия также возвращает свой статус одного из мировых лидеров. И на данном этапе международные отношения определяются не только использованием «жесткой силы». В эпоху технологий и информации «мягкая сила» как никогда оказывает значительное влияние на мировую политику.

Концепция «мягкой силы» была разработана профессором Гарвардского университета Дж. Наем (Joseph S. Nye). Она была обрисована в его книге 2004 г. «Мягкая сила. Средства достижения успеха в мировой политике» (Soft Power: Means to success in World Politics). Этот труд полностью раскрывает значимость и потенциальную эффективность политики «мягкой силы», став одной из самых популярных идей ведения внешней политики США. Согласно его теории «мягкая сила» предполагает достижение внешнеполитических целей на основе привлечения, убеждения и добровольного участия субъектов международных отношений в отличие от применения принудительных мер [Агеева 2016: 38-48].

Сила - это способность оказывать влияние на поведение других государств и акторов для того, чтобы добиваться собственных целей. Если «жесткая сила» заключается в принуждении и подкуплении, то «мягкая» - в добровольном привлечении. «Умная сила» - в использовании и того, и другого. Дж. Най отмечает, что настоящая «умная сила» заключается в «достижении экономического развития, улучшении и сохранении здоровья граждан, борьбе с экологическими проблемами, в открытости и стабильности», и все это должно дополняться «военной и экономической мощью с инвестированием в «мягкую силу».

В качестве «мягкой силы» выступают политические, культурные ценности. США и ЕС в качестве «мягкой силы» для

реализации своих внешнеполитических целей, в том числе в Каспийском регионе, используют демократические ценности, ценности прав и свободы человека.

В основе привлекательности «мягкой силы» США лежат несколько факторов. Первый из них – привлекательность американского стиля жизни, а именно культуры Америки и образа «американской мечты», где каждый может достичь любых высот, если человек готов усердно трудиться и работать.

Согласно Дж.Наю, если есть возможность заставить других восхищаться своими идеалами, то ты потратишь меньше средств на «кнуты и пряники», чтобы заставить их двигаться в нужном направлении. Соблазнение (*seduction*) гораздо более эффективно, чем принуждение, а такие вещи как демократия, права человека и личные возможности – очень соблазнительны. Однако, если использовать эту возможность неразумно и высокомерно, то все это вызовет обратный эффект – отторжение.

Однако, как результат, можно увидеть, что Америка является одной из лидирующих стран по популярности выпускаемой ею телепродукции, музыки. Также США лидирует по количеству принимаемых иностранных студентов, и различных научных деятелей.

Вторым, не менее важным фактором привлекательности «мягкой силы» США является ее идеология, которая находит поддержку у других стран, поскольку большинство считает основными ценностями политики США – демократию и рыночную экономику. Но все же, основной задачей «мягкой политики» остается улучшение и пропаганда американского имиджа за рубежом.

Это достигается через такие компоненты как американская попкультура, американская телеиндустрия, производство голливудских фильмов в огромном количестве, музыка, шоу-бизнес и, соответственно, американский образ жизни.

Также к рычагам «мягкой силы» можно отнести следующие вещи, привлекательные для людей за рубежом, а

именно: более свободный доступ к образованию, что способствует большому притоку иностранных студентов, которые впоследствии будут проводниками американских идей у себя на родине, прозрачность и грамотное использование институтов власти, а также высоко ценимая личная свобода каждого члена общества.

Научно-технический прогресс способствует появлению новых технологий использования и применения «мягкой силы». С наступлением цифровой эры компьютеров и интернета, происходит стремительное развитие сетевых электронных технологий, которые охватывают все большее и большее количество людей, поскольку уже почти у каждого есть личные электронные гаджеты дающие доступ к Интернету, важнейшей технологии «мягкой силы» [Усачёва 2016 : 7-10].

В настоящий момент основными инструментами по продвижению политики «мягкой силы» США в Каспийском регионе являются сотни так называемых неправительственных организаций (НПО), на деятельность которых Вашингтон ежегодно выделяет миллиардные средства, поступающие для финансирования НПО через «Национальный фонд демократии» - организацию, ответственную за бесчисленное множество государственных переворотов по всему миру, Агентство по международному развитию США (USAID), ЦРУ, а также многочисленные частные фонды, поддерживаемые частными финансистами вроде Дж. Сороса.

Девизом имплантируемых Вашингтоном НПО может служить выражение американского военного исследователя Ральфа Петерса: «Оккупация иностранных государств в идеале должна начинаться с фильмов Голливуда и закусок Макдональдса, после чего прилетают крылатые ракеты фирмы Макдональд Дуглас, и устанавливается американский флаг». Главная цель всех американских НПО, действующих в тех или иных регионах - подрыв легитимности местной неудобной Вашингтону власти и её последующая смена на более лояльное правительство.

Новейший опыт указывает на то, что особенно благодатную почву для подрыва легитимности существующей власти создают разоблачения коррупции в её высших эшелонах. Эта тема используется практически во всех "бархатных революциях". Другой темой является преступность и преступное насилие в правоохранительных органах. Здесь также идёт накопление материала для вброса в массовое сознание через СМИ. Если перехват власти проводится в момент выборов, эффективным приёмом является создание обстановки максимально "грязных выборов - с тем, чтобы возникло ощущение их фальсификации. При этом возникает обширная зона неопределённости, что даёт повод для большого спектакля с выходом на какой-нибудь "майдан" (или, например, захват власти в какой-нибудь отдалённой от Центра провинции). Разработка и применение "оранжевых" технологий ведутся на высоком творческом уровне, сопровождаются оригинальными находками и в настоящее время стали важным проявлением высокого научно-технического потенциала Запада.

В **Казахстане** в настоящий момент действуют тысячи американских НПО, среди которых наиболее крупными являются: Национальный Демократический институт, Фонд Сорос-Казахстан, Фридом-Хаус и Международный Республиканский институт. Руководство Фридом-Хаус, недавно открывшее своё представительство в республике и уже на первой своей пресс-конференции, грубо вмешалась во внутренние дела РК почти в ультимативной форме потребовав от Н. Назарбаева отменить постановление суда о ликвидации оппозиционной партии «Демократический выбор Казахстана». Необходимо также отметить, что американские НПО уделяют большое внимание проблемам привлечения местной молодёжи в западную систему образования. Так, в Алма-Ате на протяжении многих лет функционирует

Казахско-Американский университет (КАУ), который синтезировал американскую и казахстанскую системы высшего образования и стал членом ассоциации американских колледжей и университетов. Кроме того, американские компании являются лидерами по объёму инвестиций в энергетический комплекс Казахстана.<sup>1</sup>

В **Туркменистане** в отличие от Казахстана действуют в настоящий момент не более 30 общественных организаций. Надо отдать должное представителям туркменских властей, которые создают порой непреодолимые препятствия для деятельности американских НПО. Основная сложность для них заключается в получении регистрации. Власти Туркмении искусственно затягивают время регистрации иностранных НПО, отказывая многим из них. Закон об общественных и религиозных объединениях, принятый ещё в 1991 г., не претерпел никаких изменений. Согласно ему, любая незаконная общественная деятельность строго пресекается властями. С приходом к власти президента Г. Бердымухамедова государство взяло под контроль все финансовые потоки, поступающие из-за рубежа на общественную деятельность. Теперь общественные организации, выигравшие гранты, сдают документы в министерство экономики и финансов. Государство устанавливает "пороговую сумму", которую не должен превышать размер гранта. По мнению местного активиста, «создается впечатление, что власти трактуют размер этой суммы как хотят для каждой организации и каждого гранта». Введение «пороговой суммы» является порой непреодолимой преградой для НПО, желающих осуществлять свою деятельность законно.<sup>2</sup>

В **Азербайджане**, где до недавнего времени действовали тысячи западных НПО, за последние годы произошли серьёзные изменения. В феврале 2014 г. в Азербайджане были приняты поправки, в соот-

<sup>1</sup> Россия – Казахстан [Электронный ресурс]// Сайт Посольства РФ в Казахстане. – Режим доступа: [http://www.rfembassy.kz/lm/dvustoronnie\\_otnosheniya/rossiya-kazakhstan/](http://www.rfembassy.kz/lm/dvustoronnie_otnosheniya/rossiya-kazakhstan/) (дата обращения 16.05.2016).

<sup>2</sup> <http://www.dw.com/ru>

ветствии с которыми незарегистрированные Минюстом НПО фактически потеряли возможность пользоваться грантами. Теперь законодательство обязывает НПО каждые 90 дней сообщать в госорганы об изменениях в своих реестровых списках, введены новые правила проверок деятельности НПО и установлены новые виды нарушений, за которые полагаются крупные штрафы для НПО и их руководителей.

А 21 октября 2016 г. президент Азербайджана И. Алиев подписал указ «О применении принципа «единого окна» при выдаче иностранных грантов на территории Азербайджана». Документ вступил в силу с 1 января 2017 г. Координирующим государственным органом при выдаче грантов коммерческим структурам является Минэкономики, религиозным организациям – Госкомитет по работе с религиозными структурами, а остальным НПО и физическим лицам – Минюст. Благодаря принятым данным законодательным актам деятельность большинства местных западных НПО оказалась парализованной.<sup>1</sup>

Сегодня концепция «мягкой силы» и возможности ее применения приобретают для России особо важное значение. События 2014-2015 гг. – присоединение Крымского полуострова к России, участие в боевых действиях в Сирии – доказывают, что военные инструменты способны обеспечить реализацию внешнеполитических целей только в краткосрочной перспективе. Для долгосрочного взаимовыгодного международного партнерства, которое способно обеспечить стабильное внутриэкономическое развитие страны, необходимы другие механизмы.

Политика «мягкой силы» дает возможность активизировать те ресурсы внешнего влияния, которые могут оказаться более действенными в современном мире в контексте глобализации. Российское руководство признает необходимость обновления внешнеполитического инструментария. Сегодня в России на самом высоком политическом уровне ведется

работа по концептуализации российской модели «мягкой силы», а также предпринимаются практические шаги по выстраиванию системы оказания «мягкого воздействия» на участников международного диалога.

Одним из наиболее действенных инструментов российской «мягкой силы» на постсоветском пространстве является политика экономической интеграции, что находит своё отражение в создании политико-экономических союзов (например Евразийский экономический союз ЕАЭС). Созданию ЕАЭС предшествовала работа в форматах СНГ, ЕврАзЭС, Единого экономического пространства, Таможенного союза. В ЕАЭС вошли участники Таможенного союза – Россия, Белоруссия, Казахстан. Чуть позже к ним присоединились Армения и Киргизия. Союз предполагает создание единого рынка товаров, услуг, капитала и труда, а также проведение согласованной макроэкономической, торговой и миграционной политики.

Между Россией и **Казахстаном** действуют программы экономического сотрудничества на 2012-2020 гг. В Казахстане работает 20 крупных российских компаний, а всего действует 5600 компаний с российским участием, в основном, в сфере добычи нефти и газа, обрабатывающей промышленности, транспорта, связи, машиностроения, сотрудничества в космической сфере и мирном использовании атомной энергии.

Из стратегически важных постсоветских партнеров, расположенных в Евразии, особые отношения у России складываются с **Туркменистаном**. С самого начала суверенного существования, республика дистанцировалась от союзов и объединений с бывшими советскими странами. Даже к СНГ Туркменистан присоединился только в качестве ассоциированного члена. У России нет существенных политических и социально-экономических рычагов давления на Туркмению: численность трудовых мигрантов-туркмен в России

<sup>1</sup> <http://russia-armenia.info>

незначительна, денежные переводы, получаемые от мигрантов не имеют существенного влияния на экономику страны.

Вторым, не менее важным направлением экономической политики России в Каспийском регионе является энергетическая политика. В настоящее время энергетическая политика России на Каспии сконцентрирована вокруг следующих позиций:

- стремление к контролю как можно большего объема углеводородов, экспортируемых из региона;
- расширение своего участия в нефте- и газодобывающих проектах в Каспийском регионе (преимущественно в секторе акватории, принадлежащей Казахстану).

Одним из компонентов энергетического сотрудничества России со странами Каспийского региона является взаимная торговля нефтью, нефтепродуктами и природным газом, анализ которой показывает, что тесные связи сохраняются только с Казахстаном. Россия является для Казахстана и главным стратегическим партнером в области энергетики. Новые перспективы российско-казахстанскому сотрудничеству в нефтегазовой сфере открыл подписанный в мае 2002 г. Протокол к Соглашению о разграничении дна северной части Каспийского моря, который конкретизирует линию разграничения северной части Каспия между Россией и Казахстаном, устанавливает порядок совместного освоения ресурсов геологических структур «Курмангазы» (Казахстан), «Центральная» (Россия) и месторождения «Хвалынское» (Россия). Казахстанская нефть транспортируется по трубопроводу Атырау – Самара. Ежегодный объем прокачки нефти составляет более 15 млн.т. Наши страны являются основными акционерами Каспийского трубопроводного консорциума.<sup>1</sup>

В связи с увеличением добычи и реализации казахстанского газа активизировалось взаимодействие по переработке

газа в России и использованию российской транспортной инфраструктуры для его экспорта. Важное значение имеет создание Оренбургского газоперерабатывающего завода, на котором предполагается перерабатывать газ с Карачаганакского месторождения. В перспективе объем переработки казахстанского газа должен составить 15 млрд. куб. м в год. В области транспортировки среднеазиатского газа Россия и Казахстан совместно участвуют в проекте модернизации газотранспортной системы Средняя Азия – Центр (САЦ). В частности, в рамках программы реконструкции системы газопроводов в настоящее время предусматривается постепенное увеличение мощности САЦ с существующих 54,6 млрд. куб. м до 80 млрд. куб. м в год.

В настоящее время в акватории Каспийского моря наиболее продвинутыми и крупными нефтедобычными проектами являются:

- месторождения Азери-Чираг-Гюнешли (азербайджанский сектор);
- месторождение Шах-Дениз (Азербайджан);
- Северо-Каспийский проект (в первую очередь месторождение Кашаган, Казахстан)
- месторождения российского Северного блока – им. Ю.Корчагина, им. В.Филановского, Сарматское, Ракушечное, трансграничное Хвалынское (все – проекты российской нефтяной компании «ЛУКОЙЛ»);
- месторождение Челекен (туркменский сектор);
- месторождения блока 1 (также Туркменистан).<sup>2</sup>

Помимо экономического направления важную часть российской внешнеполитической "мягкой силы" составляет культурный аспект. В последние года российская дипломатия активизировала свою работу в сфере культуры, языка, образования, науки на пространстве Евразии. Активную просветительскую работу на постсоветском пространстве проводит Россотрудничество

<sup>1</sup> <http://www.kazportal.kz/vneshneekonomicheskie-svyazi-kazahstana/> Все о Казахстане (история, культура, искусство, законы и т.п.)

<sup>2</sup> <https://rogtecmagazine.com.//> Шельфовые проекты в Каспийском, Черном и Азовском морях: проблемы и решения Problems and Solutions for Shelf Projects in the Caspian Sea, Black Sea and Sea of Azov

и Фонд поддержки развития публичной дипломатии им. Горчакова. В научно-образовательных проектах, реализуемых фондом им. Горчакова, особое внимание уделяется пространству Евразии: в регулярном режиме проводятся Кавказский диалог (Абхазия, Азербайджан, Армения, Грузия, Иран, Словения, Турция и Южная Осетия), Академия ОДКБ, Школа молодых экспертов по Центральной Азии, (Иран, Азербайджан, Туркменистан и Казахстан), Российско-грузинский диалог.

Успех российской «мягкой силы» в будущем будет зависеть от реализации привлекательной социально-экономической модели внутри страны. Ведь только успешное развитие страны, которое выражается в росте производства и реальном улучшении качества жизни ее граждан, сделает ее привлекательной в глазах международного сообщества [Агеева 2016: 170-215].

Оценивая геополитическое положение Каспийского региона в целом, необходимо отметить, что Россия стремится не допустить доминирование третьих стран в регионе, нарастить экспорт нефти и газа из региона, расширить своё участие в нефтегазовых проектах Каспия. Азербайджан всё в большей степени стремится к формированию альтернативных маршрутов экспорта своих энергоресурсов. Туркменистан, в силу своего внутриконтинентального географического положения, пока ещё ограничен в проведении независимой энергетической политики. Казахстан стремится к параллельному развитию энергетического сотрудничества одновременно с Россией, США и ЕС.

По всей видимости, политические интересы России и США в Каспийском регионе будут обостряться и в дальнейшем, что связано с продолжающейся политикой США (начатой ещё при администрации Б. Обамы), направленной на достижение энергетической независимости и вытеснение России из региона, несмотря на то, что привлечение ресурсов Каспия будет для США сравнительно дорогостоящим проектом.

## БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Агеева В.Д.* Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации (диссертация кандидата политических наук). Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург. 2016. С. 5-168.
2. *Айвазян Д.С.* Каспийский регион в системе геополитических интересов США, ЕС и КНР (диссертация кандидата политических наук). Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» // Москва. 2013 г. С. 4-180.
3. *Братерский М.В., Скриба А.С.* Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США. М.: НИУ ВШЭ. 2014 г. С. 130-143.
4. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М.: «Астрель», 2016 г. С. 5-7.
5. *Гегелашвили Н.А.* Каспийский регион в контексте российско-американских отношений // «Развитие научного потенциала высшей школы». Проект № 2.1.3/7428 «Проблемы международной безопасности в многополярном мире», 2012 г. С. 32.
6. *Конюхевич Ю.В.* «Мягкая сила» во внешней политике Соединенных Штатов Америки (в годы президентства Дж. Буша младшего). М, 2006. С. 17
7. *Курамышин Д.Р.* Современные направления энергетической стратегии России в Каспийском регионе (автореферат диссертации кандидата экономических наук). Государственный университет управления. М., 2016. С. 4 - 20.
8. *Литвиненко О.М.* Трансграничное сотрудничество как механизм обеспечения национальных интересов современной России в Каспийском регионе (автореферат диссертации кандидата политических наук). Пятигорский Государственный лингвистический университет. Пятигорск, 2015. С. 3-25
9. *Чихарев И.А., Столетов О.В.* Мягкая сила. К вопросу разумного использования мягкой силы во внешней политике

России // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки, 2014 г. № 4. С. 50-55.

10. *Усачёва Э.И.* «Мягкая сила» во внешней политике США на современном этапе. М.: Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2016 г. С. 62.

**Сведения об авторе:** Трокаль Тарас Владимирович – к.и.н., старший преподаватель колледжа Российского Нового Университета ( e-mail: taras142@mail.ru).

## **POLICY OF THE UNITED STATES AND RUSSIA IN THE CASPIAN REGION**

**T.V. Trokal**

Russian New University, Moscow, Russia

*Abstract.* The purpose of this article is to analyze the foreign policy of Russia and the USA in the Caspian region, namely Azerbaijan, Kazakhstan and Turkmenistan. After the collapse of the Soviet Union the region became the object of particular attention by the major regional players. Unresolved question of the legal status of the Caspian sea, the problem of reliable transportation of hydrocarbons, as well as security issues play a key role in this region of Eurasia. In the opinion of the author, and the United States and the Russian Federation at the moment are actively using a policy of "soft power" to advance its interests in the region. The author, after analyzing the main features of foreign policy of the US and Russia in the Caspian region, came to the conclusion that if the main key tools for promoting US interests in the region are the numerous non-governmental organizations (NGOs) - the main conductors of a policy of "soft power" of the United States, for Russia the main tool to promote its interests is a policy of economic integration that is reflected in creating political-economic unions (such as the Eurasian economic Union EAEU) and the development of numerous cultural ties. The work concludes that the political interests of Russia and the USA in the Caspian region will escalate in the future because of the continued US policy (begun under the Obama administration), aimed at achieving energy independence and oust Russia from the region, despite the fact that the attraction of resources of the Caspian sea will be

for the United States is relatively expensive project.

*Key words:* soft power, power capacity, legal status, geopolitical interests, political and cultural values, non-governmental organizations, pipelines, energy cooperation

### **REFERENCES**

1. *Ageeva V.D.* the role of the tools of "soft power" in foreign policy of the Russian Federation in the context of globalization (thesis of candidate of political Sciences). Saint-Petersburg state University. Saint-Petersburg. 2016. С. 5 - 168.
2. *Ayvazian D.S.* Caspian region in the system of geopolitical interests of the US, EU and China (thesis of candidate of political Sciences). National research University "Higher school of Economics"]. 2013 page 4 - 180.
3. *Braterskiy M.V., Scriba A. S.* The Concept of "soft power" foreign policy strategy of the United States. М.: higher school of Economics. 2014, 130 - 143.
4. *Brzezinski Z.* Great chess Board: domination of America and its geostrategic imperatives. - М.: Astrel, 2016, Pp. 5 - 7.
5. *Gegelashvili N.A.* The Caspian region in the context of Russian-American relations // "Development of scientific potential of higher school". Project № 2.1.3/7428 "Problems of international security in a multipolar world", 2012 32.
6. *Konjevic Y.V.*, "Soft power" in foreign policy of the United States (during the presidency of George. Bush the younger). М; 2006. С - 17
7. *Kuramshin D.R.* Modern directions of Russia's energy strategy in the Caspian region (abstract of thesis of candidate of economic Sciences). State University of management.- Moscow, 2016. S. 4 - 20.
8. *Litvinenko O.M.* Cross-border cooperation as a mechanism of ensuring the national interests of modern Russia in the Caspian region (abstract of thesis of candidate of political Sciences). Pyatigorsk State linguistic University. Pyatigorsk. 2015. S. 3-25
9. *Chikharev I.A., Stoletov O.V.* Soft power. To the rational use of soft power in Russian foreign policy// Vestnik of Moscow University. Episode 12. Political science - 2014- № 4 - p. 50 - 55.
10. *Usacheva E.I.* "Soft power" in US foreign policy at the present stage,

Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of foreign Affairs of the Russian Federation, 2016, From 62.

**About the author:** Trokal' Taras Vladimirovich - cand. historical. sciences, senior lecturer of the College of the Russian New University ( e-mail: taras142@mail.ru).

## КУБАНСКИЙ ВОПРОС УКРАИНСКИХ ВЛАСТЕЙ<sup>1</sup>

А.В. Бредихин

*Аннотация.* Политический кризис в российско-украинских отношениях способствовал активизации националистических и экстремистских группировок, ставящих своей задачей предъявление территориальных претензий к Российской Федерации. Российско-украинские территориальные споры имели значимое место в 1920-х гг., стали они актуальными и сейчас. Автор в статье поднимает вопрос территориальных претензий официального Киева на территорию Краснодарского края.

*Ключевые слова:* казаки, Кубань, Правый сектор, территориальные претензии, Украина

Российско-украинские отношения на современном этапе переживают сложные и достаточно напряженные времена. «Русская весна», референдум и возвращение Крымского полуострова в состав Российской Федерации, провозглашение независимости Донецкой и Луганской народных республик и проведение т.н. АТО в Донбассе, наряду с радикализацией украинского общества и активной пропагандой идеологии национализма, выступили факторами усиления в украинском политическом дискурсе тематики территориальных претензий к нашей стране. И они не ограничиваются исключительно Крымом и Севастополем [Бредихин 2017: 37-47], но и расширяются на ряд приграничных регионов, в том числе Краснодарский край.

Этот южнороссийский регион входит в число геополитических интересов Украины в рамках реализации ее великодержавного проекта, что неоднократно рассматривалось идеологами украинского национализма и государственности. Более подробно исторический аспект нами был изложен в работе по проблеме проектов

<sup>1</sup> Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 17-68-00001 «Влияние институциональной нестабильности сопредельных стран на деятельность экстремистских организаций Юга России»). ФГБУН Центр исследования проблем безопасности РАН.

«Прометей» и «Великая Украина» [Бредихин 2017: 28-32]. В данном исследовании мы более подробно остановимся на современном факторе украинской внешней политики по отношению к Кубанскому региону.

Задачами исследования выступают:

- определение роли украинского этнического меньшинства в Краснодарском крае;
- рассмотрение территориальных претензий украинских политиков к российской Кубани;
- анализ основных векторов украинской политики по отношению к Краснодарскому краю.

Проблема исследования выступает достаточно новым и перспективным направлением, непосредственно связанным с межэтническими отношениями в Краснодарском крае. Вопросы развития украинской диаспоры на Кубани в аспекте сотрудничества Кубань-Украина рассматривают И.Ю. Васильев [Васильев 2014: 44-47], проблемы украинской населения в дореволюционный период выделяет В.К. Чумаченко [Чумаченко 2015: 98-119], данная тема выступала предметом дискуссий в ходе конференций «Кубань-Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия» [Скибицкая 2010: 118-119]. Значителен пласт работ по вопросам украинизации населения региона советскими властями<sup>2</sup>. В тоже время проблема территориальных претензий официального Киева к России в кубанском направлении не находилось в поле изучения современных исследователей.

Краснодарский край выступает регионом, история населения которого непосредственно связана с Запорожской Сечью. После разгрома вольницы запорожских казаков Екатериной II им было раз-

<sup>2</sup>Васильев И.Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917-1932 гг. - Краснодар, 2010. - 163 с.; Скорик А.П., Бондарев В.А. Украинизация на Юге России как национально-политическая кампания: осуществление и ликвидация (1920-е - нач. 1930-х гг.)// История в подробностях, 2013. № 10 (40). С. 62-71.; Хлынина Т.П. Украинизация Кубани и ее последствия// Былые годы. Российский исторический журнал, 2010. № 3 (17). С. 97-98.

решено поселиться на Кубани. Там запорожцы совместно с линейцами (верховые донские казаки) и сформировали Черноморское казачье войско. Как говорят казаки, что настоящий кубанец всегда будет иметь в своей родословной героя-сечевика.

Развал СССР, подписание 31 мая 1997 г. Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной и 28 января 2003 г. Договора между Российской Федерацией и Украиной должны были определить российско-украинскую границу. Однако официальный Киев на Юге России продвигал политику «мягкой силы», активного сотрудничества с украинской диаспорой. В связи с чем в период президентства В.А. Ющенко был подписан Указ Президента Украины № 875/2006 от 13 октября 2006 г. «О национальной концепции сотрудничества с заграничными украинцами», обеспечивающий оказание материальной помощи проектам, направленным на популяризацию украинского языка и культуры в странах диаспоры<sup>1</sup>.

Данное направление украинской внешней политики достаточно актуально для Краснодарского края. Так, по данным Министерства юстиции Российской Федерации в регионе зарегистрирован ряд некоммерческих организаций, направленных на развитие украинской культуры, диаспоры, усиление украино-кубанских связей. Это в частности, Краснодарская краевая общественная организация «Национально-культурное общество украинцев Кубани», Новороссийская городская общественная организация «Общество украинцев "Славутич"», Общественная организация Украинский культурный центр г. Сочи, Краснодарская краевая общественная организация «Содружество Кубань-Украина».

Третий Президент Украины В.А. Ющенко рассматривал приграничные российские регионы в качестве частей «Соборной Украины». В 2010 г. в ходе митинга во Львове лидер праворадикальной партии

УНА-УНСО<sup>2</sup> Юрий Шухевич заявил: «Когда я учился в школе в 1947 г., у нас был атлас, где население этих областей было отмечено как украинское. Они должны осознать свое происхождение и сами заявить о желании присоединиться к Украине. Когда россияне в очередной захотят наш полуостров (*Крымский полуостров - авт.*), нужно им напомнить про украин-



скую Кубань»<sup>3</sup>.

**Рисунок 1. Карта этнического расселения украинцев, распространяемая украинскими националистическими организациями.**

События 2013-2014 гг. заострили кубанский вопрос в украинской политической повестке дня. Активно развивается пропаганда того, что жители Краснодарского края являются этническими украинцами, хотя согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г. при численности населения Краснодарского края 5 226 647 чел. количество украинцев состав-

<sup>1</sup> Попов Э.А. Украинские НПО на юге России: пережить «оранжевый» синдром// Российский институт стратегических исследований. URL: <https://riss.ru/smi/3643/> (дата обращения: 18.01.2018).

<sup>2</sup> Организация запрещена на территории РФ

<sup>3</sup> Сын Романа Шухевича призывает отнять у России Белгород, Кубань и Южный Дон// Антифашист. URL: <http://antifashist.com/latest-news/204-syn-romana-shuhevicha-prizyvaet.html> (дата обращения: 19.01.2018).

вило 84 746 чел. или 1,6%<sup>1</sup>. При этом к казакам себя отнесли 5 261 чел. (0,1 %), а согласно отчетам Кубанского войскового казачьего общества за 2017 г. в нем состоят 52 тыс. чел. без членов семей (1%) [Бредихин 2017].

Глава Донецкой военно-гражданской администрации П.И. Жебриевский в 2016 г. говорил о претензиях на целый ряд субъектов: «Рано или поздно мы должны вернуть исконно украинские земли - Курскую, Брянскую, Воронежскую, Ростовскую области и Краснодарский край. Это там, где есть украинская сущность, украинская ментальность»<sup>2</sup>. В 2015 г. глава украинского СНБО А.В. Турчинов, выступая инициатором т.н. АТО в Донбассе и противником идеи расширения прав для Донбасса выступил с инициативой о том, что «на правах автономии мы готовы вернуть в состав Украины только Кубань. Все остальные территории, входящие в состав Украины сейчас и признанные украинским и мировым сообществом, имеют и будут иметь права такие же как и все остальные регионы Украины, согласно действующей Конституции Украины»<sup>3</sup>.

Вопрос российской принадлежности Кубани в 2017 г. интересовал и депутата Верховной Рады Украины Д.А. Яроша в связи со строительством моста через Керченский пролив: «Кубань будет наша. Если они вдруг мост построят, он как раз нам будет нужен: здесь Крым наш, а здесь Кубань наша. А еще Белгородчина, Воронежчина. У нас есть перспектива расширения нашей державы»<sup>4</sup>. Отметим, что ранее в 2014 г. он выступил инициатором прове-

дения импровизированного референдума в Черкассах по вопросу вхождения Кубани в состав Украины: «Черкассы радушно примут организацию референдума в себя. "Правый Сектор"<sup>5</sup> организует на центральной улице города блокпосты, которые будут служить избирательными участками. Каждый вольный казак или симпатик имеет право голоса, в праве высказать свое мнение».

Выступил по этому поводу, и украинский министр инфраструктуры В.В. Омельян который получил ответ от губернатора Краснодарского края В.И. Кондратьева, посоветовавшего ему не дразнить казачество: «Мы готовы отправить министру Омельяну партию учебников по истории и географии для восполнения пробела в знаниях. И не надо дразнить казачество, которое всегда защищало Кубань как часть российской земли. Кубань никогда не была и не будет украинской»<sup>6</sup>.

### Рисунок 2. Планы военных операций Украины по захвату Крыма и Кубани<sup>7</sup>.

Не ограничиваясь политическими военными, на Украине распространяются карты и агитационные ролики военных операций по захвату Крымского полуострова, Кубани и Дона. Но большая часть подобных заявлений остаются в теоретической плоскости, чем, например, отличаются от действий официального Киева по отношению к прифронтовой Ростовской области, которая неоднократно подвергалась обстрелам и на территории которой сотрудниками органов безопасности нейтрализован ряд диверсионных и националистических групп.

Но есть и примеры того, как представители украинского радикального движе-

<sup>1</sup> Всероссийская перепись населения 2010. URL: [http://www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/perepis2010/croc/perepis\\_itogi1612.htm](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm) (дата обращения: 18.01.2018).

<sup>2</sup> Донецкий губернатор хочет вернуть Украине Курск, Воронеж и Кубань// ТВЦ. URL: <http://www.tvc.ru/news/show/id/93937> (дата обращения: 23.09.2017).

<sup>3</sup> Константин Косачев рассказал о крымском сценарии для Донбасса// Газета.ру. URL:

<sup>5</sup> Организация запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>6</sup> Учить историю и не дразнить казаков: глава Кубани ответил украинскому министру// Федеральное агентство новостей. URL: <https://riafan.ru/758733-uchit-istoriyu-i-ne-draznit-kazakov-glava-kubani-otvetil-ukrainskomu-ministru> (дата обращения 12.08.2017).

<sup>7</sup> Украинцы рисуют карты вторжения в Крым и на Кубань при поддержке НАТО// Политнавигатор. URL: <http://www.politnavigator.net/ukraincy-risuyut-karty-vtorzheniya-v-kryma-i-na-kuban-pri-podderzhke-nato.html> (дата обращения: 18.01.2018).



ния продолжают свою работу в Краснодарском крае в качестве общественных организаций. Так в 2017 г. в г. Новороссийске был задержан сторонник «Правого Сектора»<sup>1</sup> и координатора «Евромайдана» в г. Одессе, член батальона «Аскер», созданного для блокады Крымского полуострова, Николай Дадеу, занимавшийся сомнительным видом благотворительности в регионе<sup>2</sup>.

Как видим, украинские политики и националисты апеллируют к тому, что кубанские казаки имеют украинское происхождение и в период Гражданской войны строили федеративное государство с Украинской державой гетмана П.П. Скоропадского. В тоже время в настоящее время украинцы на Кубани составляют этническое меньшинство, а представители кубанского казачества не только не аффилируют себя с украинским народом, но и выступают форпостом Российской государственности. Политика советской «украинизации» 1920-30-х гг. была более направлена на расказачивание региона, и кубанцы записывались в украинцы в целях избежания репрессий.

Вместе с тем, официальным Киевом рассматривается возможность поддержки радикальных меньшинств Краснодарского края. После обращения группы активистов по вопросу признания т.н. «черкесского вопроса», ряд украинских политиков, в том числе и лидер Радикальной партии Украины Олег Ляшко высказались за признание «геноцида черкесов» в Российской империи. Немаловажным остается и возможность поддержки ячеек запрещенного в Российской Федерации «Исламского Государства» ввиду того, что на территории Херсонской области и подконтрольной Киеву территории Донбасса располагаются базы ИГ<sup>3</sup>.

#### БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бредихин А.В.* Геополитические проекты «Прометей» и «Великая Украина»:

<sup>1</sup> Организация запрещена на территории РФ

<sup>2</sup> Сторонник запрещенного в РФ «Правого сектора» Николай Дадеу задержан на Кубани// Краснодар Медиа. URL: <http://krasnodarmedia.su/news/606084/> (дата обращения: 19.01.2018).

<sup>3</sup> Организация запрещена на территории РФ

вызовы для Юга России// Культура: управление, экономика, право, 2017. № 4. С. 28-32.

2. *Бредихин А.В.* Казачий Дон: между Украиной и Россией. - М.: ИИУ МГОУ, 2017. - 124 с.
3. *Бредихин А.В.* Крымскотатарский вопрос во внешней политике украинских властей (2014-2017 гг.)// Россия и новые государства Евразии, 2017. № 4. С. 37-47.
4. *Васильев И.Ю.* Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917-1932 гг. - Краснодар, 2010. - 163 с.
5. *Васильев И.Ю.* Украинцы Кубани в постсоветский период: этносоциологический аспект// Теория и практика общественного развития, 2014. № 13. С. 44-47.
6. *Скибицкая И.М.* VI Международная конференция «Кубань-Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия»// Культурная жизнь Юга России, 2010. № 2. С. 118-119.
7. *Скорик А.П., Бондарев В.А.* Украинизация на Юге России как национально-политическая кампания: осуществление и ликвидация (1920-е - нач. 1930-х гг.)// История в подробностях, 2013. № 10 (40). С. 62-71.
8. *Хлынина Т.П.* Украинизация Кубани и ее последствия// Былые годы. Российский исторический журнал, 2010. № 3 (17). С. 97-98.
9. *Чумаченко В.К.* Украинский анклав Кубани: поиск национальной идентичности в контексте национальной политики Российской империи// Религиозная и национально-культурная политика государственной власти в Российской империи. Сб. статей. - М., Краснодар: Принт сервис групп, 2015. С. 98-119.

**Сведения об авторе:** Бредихин Антон Викторович кандидат исторических наук, советник Директора ФГБУН Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук (bredikhin90@yandex.ru)

**KUBAN QUESTION  
BY THE UKRAINIAN AUTHORITIES**

*Abstract.* The political crisis in Russian-Ukrainian relations helped strengthen the nationalist and extremist groups, aiming at the presentation of territorial claims to the Russian Federation. The Russian-Ukrainian territorial disputes had a significant place in the 1920s, they became relevant now. The author of the article raises the issue of the territorial claims of official Kiev on the territory of Krasnodar region.

*Key words:* Cossacks, the Kuban, the Right sector, territorial claims, Ukraine

**About the author:** Bredikhin Anton Viktorovich, Candidate of Historical Sciences, Advisor to the Director of the Centre of security studies of the Russian Academy of Sciences (bredikhin90@yandex.ru)

#### REFERENCES

1. *Bredikhin A.V.* Geopolitical projects "Prometheus" and "Great Ukraine": challenges for the South of Russia // Culture: management, economics, law, 2017. № 4. P. 28-32.
2. *Bredikhin A.V.* Cossack Don: between Ukraine and Russia. - Moscow: AIU MGOU, 2017. - 124 p.
3. *Bredikhin A.V.* The Crimean Tatar issue in the foreign policy of the Ukrainian authorities (2014-2017) // Russia and the new states of Eurasia, 2017. № 4. P. 37-47.
4. *Vasilyev I.Yu.* The Ukrainian national movement and Ukrainization in the Kuban in 1917-1932. - Krasnodar, 2010. - 163 p.
5. *Vasilev I.Yu.* Ukrainians of the Kuban in the post-Soviet period: the ethnosociological aspect // Theory and practice of social development, 2014. № 13. P. 44-47.
6. *Skibitskaya I.M.* VI International Conference "Kuban-Ukraine: Issues of Historical and Cultural Interaction" // Cultural Life of the South of Russia, 2010. No. 2. P. 118-119.
7. *Skoryk A.P., Bondarev V.A.* Ukraine in the South of Russia as a national-political campaign: implementation and liquidation (1920s - early 1930s) // History in details, 2013. No. 10 (40). Pp. 62-71.
8. *Khlinina T.P.* Ukrainization of the Kuban and its consequences // The former years. Russian Historical Journal, 2010. № 3 (17). Pp. 97-98.
9. *Chumachenko V.K.* Ukrainian enclave of the Kuban: search for national identity in the context of the national policy of the Russian Empire // Religious and national cultural policy of state power in the Russian Empire. Sat. articles. - M., Krasnodar: Print service groups, 2015. P. 98-119.

## ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

К.Х. Рахимов

Российский университет дружбы народов,  
Москва, Россия

*Аннотация.* В настоящей статье рассмотрены вопросы, касающиеся этапов развития интеграционных процессов на пространстве СНГ; ШОС – как один из форматов интеграции государств СНГ;

В работе подтверждается мысль о том, что за короткий исторический отрезок времени ШОС прошла эволюцию от консультативного механизма соседних государств по урегулированию пограничных вопросов и укреплению мер доверия в военной области до многопрофильной международной организации со значительным военно-экономическим потенциалом. Начав с сотрудничества в борьбе против международного терроризма, сепаратизма и политического экстремизма, она расширила рамки своей деятельности на экономическую сферу, а затем и на такие области, как здравоохранение, образование, культура, туризм и др., что свидетельствует о том, что Организация создана не только для содержания деструктивных сил, но и для сближения народов стран-участниц в целях дальнейшего роста их экономик и улучшения благосостояния граждан.

*Ключевые слова:* интеграция, СНГ, безопасность, ШОС, ОДКБ.

Страны — участницы СНГ долгое время входили в сферу влияния России. Между ними имеется историческая, географическая, экономическая, культурная, языковая общности, что придает их отношениям особый характер. СНГ для России — это средство для создания фундамента, который позволит усилить ее влияние в мире в качестве доминантной державы [Курылев, Нарышкин, Озинковская, Рахимов 2016: 77].

С 1991 по 2011 гг. на постсоветском пространстве сформировалась сложная система интеграционных связей и объединений, большая часть из которых инициирована Россией и которые начинают

играть всё более значимую роль в развитии российской экономики и обеспечении национальной безопасности России [Перебоев 2012: 3-8].

Интеграционные процессы имеют важнейшее значение как фактор восстановления и развития стран Содружества.

Развитие интеграционных процессов в СНГ – прямое отражение внутренних политических и социально-экономических проблем государств-участников. Существующие различия в структуре экономики и степени ее реформирования, социально-экономическом положении, геополитической ориентации государств СНГ определяют выбор и уровень их социально-экономического и военно-политического взаимодействия [Курылев 2009: 22].

В истории становления СНГ можно выделить несколько этапов. **Первый этап (1991-1996 гг.).** Модель интеграции в первую пятилетку после распада СССР отличалась инертностью, заимствовала свой потенциал из не успевших разрушиться хозяйственных и политических связей. Основной целью создания СНГ было провозглашено обеспечение взаимного и равноправного сотрудничества стран, выделившихся из СССР, поддержание и дальнейшее развитие существовавших в СССР хозяйственных и торгово-экономических связей, культурное и гуманитарное сотрудничество.

Как оказалось, у лидеров постсоветских стран отсутствовала политическая воля и стремление к интеграции. Национальные элиты пришедшие к власти и получившие долгожданную свободу и суверенитет, были заняты другими делами – вопросами обеспечения собственного политического статуса внутри страны и на международной арене, вопросами преемственности власти, получения наиболее выгодных предложений по экономическому сотрудничеству. Подобные мысли владели и умами российских руководителей начала 1990-х гг., что в большей степени и явилось

причиной снижения авторитета России в целом среди стран СНГ.

**Второй этап (1996–2001 гг.).** Этот этап характеризуется переходом к «поисковой» модели интеграции, которой присущи нестабильность, дисбаланс между интересами национальных элит и потребностями населения, попытками определить для себя наиболее выгодных экономических и политических партнеров. Создание и формирование субрегиональных интеграционных объединений стало осуществлением на практике концепции разноформатной и разнотемпной интеграции. Первыми стали Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Союзное государство России и Белоруссии, ГУАМ и Центрально-Азиатское Сообщество (ЦАС), которые отличались между собой по целям, составу участников, характеру прорабатываемых вопросов.

Причиной стремления государств к осуществлению собственного интеграционного проекта стало осознание лидерами этих стран стратегической значимости своего региона, в котором интересы России столкнулись с экономическими, политическими, военными, культурными интересами других государств. В результате все политические акторы, заинтересованные в сотрудничестве с регионом, приступают к развитию собственной стратегии введения Центральной Азии в процессы глобализации, регионализации и интернационализации. Как отмечает И. Звягельская, «в 1990-е гг. шел весьма хаотичный процесс, в котором внешние силы, обладающие различными возможностями и ресурсами, пытались получить выгоды от проникновения в ранее закрытый для них район мира» [Звягельская 2004: 12]. Вместе с Россией в разных аспектах заинтересованность проявили Турция, Израиль, Индия, страны Азиатско-Тихоокеанского региона, а также западные государства.

Есть определенная доля вины России в том, что процессы интеграции в Центральной Азии были упущены на самотек, поскольку Россия на момент

распада СССР и образования СНГ не обладала четкой позицией в отношении выбора партнеров среди бывших советских республик.

Соответственно, интеграционному потенциалу республик Центральной Азии не было уделено должное внимание, вследствие чего влияние России в регионе было нивелировано. Мировое общественное мнение в лице СМИ фактически отказало России в возможности проводить свои интересы в регионе, говоря «об уходе России из Центральной Азии» [Исламова 2004: 67].

Говоря о моменте выбора государствами Центральной Азии вектора интеграции, стоит отметить, что, безусловно, важным фактором, повлиявшим на этот выбор, стали особенности политических режимов – авторитарно или демократически ориентированных, а также предпочтение рыночной или командно-административной модели [Казанцев 2002: 19].

На данном этапе эффективному развитию интеграции препятствовали ограниченные возможности внутренних рынков государств, дефицит товаров и капиталов, территориальные, конфессионально – этнические и водные проблемы, а также значительные различия экономических, политических и военных потенциалов. Здесь же стоит выделить такие факторы, как низкий уровень жизни населения, «семейно-клановый» характер власти, размежевание политических элит, которые привели к перманентной политической напряженности в странах СНГ.

Совокупность этих факторов на фоне нарастающей кооперации с исламскими государствами – Турцией, Саудовской Аравией, Ираном – также отрицательным образом сказывается на политическом сотрудничестве России с государствами СНГ. Естественно, что исламская радикализация и медленные темпы демократизации власти в этих странах соответствуют политическим интересам России.

Многовекторность политики стран

СНГ, неспособность выделить стратегических партнеров, стремление к присутствию во всех мировых интеграционных структурах также стали причинами торможения политических преобразований.

#### **Третий этап (2001-2005 гг.).**

Данный этап характеризуется созданием таких организаций как Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС) (2001 г.) и Договора о коллективной безопасности (2002 г.), на основе которого 18 сентября 2003 г. была создана Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В этом же году инициирован второй проект Единого экономического пространства (ЕЭП) с участием Украины, но уже в 2004 г. этот проект не получает никакого развития.

#### **Четвертый этап (2005-2007 гг.).**

В данном случае происходит реанимирование экономического сотрудничества. В 2006 Россия и Казахстан выдвинули новую инициативу по региональному сотрудничеству, в результате чего произошли экономические споры между государствами Содружества.

Важным шагом в формировании СНГ стало принятие в 2007 г. Концепции дальнейшего развития СНГ, где зафиксированы перспективы Содружества и приоритетные направления его деятельности с целью формирования в долгосрочной перспективе интегрированного экономического и политического объединения заинтересованных государств, обеспечивающего эффективное развитие каждого из них. Повышению эффективности СНГ способствовало введение единого «сквозного» председательства в уставных органах СНГ, практики объявления и проведения тематических годов в СНГ, учреждение национальных координаторов, осуществляющих в своих государствах контроль за реализацией документов, принятых в СНГ<sup>1</sup>.

Россия с 2008 г. начала выстраивать новый курс, пытаясь сохранить и вывести из тупика внутрирегиональную интеграцию. Но ей это не удалось, из-за усиления экономического разделения стран, конкуренции других государств за влияние в регионе, мирового финансового кризиса и российско-грузинского вооружённого конфликта в 2008 г., в результате которого обострились отношения России с Западом и отдалилось её вступление в ВТО.

На следующем этапе (2009-2011 гг.) происходит возобновление и ускорение интеграции. В результате мирового финансового кризиса внерегиональные государства снизили свое влияние на пространстве СНГ. Россия сделала упор на территории своего традиционного влияния, ориентируясь на интеграционные проекты с наиболее подготовленными партнерами в регионе на основе равноправия, уважения и учёта взаимных интересов.

Важным фактором явилось проявление политической воли руководства трех стран ЕврАзЭС – России, Белоруссии и Казахстана к углублению экономической интеграции. Кроме того, в этот период Россией был утверждён принцип взаимосвязи экономики и безопасности, в соответствии с которым ЕврАзЭС и реализуемый в его рамках проект ТС – ЕЭП рассматривается Россией в качестве ядра экономической интеграции, а ОДКБ – в качестве ключевого инструмента обеспечения безопасности. При этом российским руководством на данном этапе предложено постепенно распространить процессы интеграции на всю территорию Евразии. В этих условиях Россия предприняла попытку форсировать проекты экономической интеграции (в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства), воспользовавшись ослаблением влияния западных акторов и общим посткризисным состоянием государств региона, а также усилить военно-политическую интеграцию (в рамках ОДКБ) [Перебоев 2012: 3-8].

<sup>1</sup> Решение о Концепции дальнейшего развития СНГ и Плана основных мероприятий по ее реализации. г. Душанбе 5 октября 2007 г.

Стоит обратить внимание, что именно к 2011 г. на постсоветском пространстве сформировался ряд предпосылок и факторов, которые способствуют реальной интеграции.

Образованное в конце 1991 г. на волне глобальных геополитических перемен, Содружество содействовало решению сложнейших проблем, связанных с распадом СССР, способствовало становлению суверенных независимых государств, сохранению и дальнейшему развитию исторически сложившихся связей на постсоветском пространстве<sup>1</sup>.

В целом за 25 лет Содружество состоялось как уникальная региональная межгосударственная организация и механизм взаимодействия в решении ключевых вопросов развития, входящих в него государств, включая экономику, безопасность, политическое и гуманитарное сотрудничество, миграцию и развитие контактов между гражданами государств – участников Содружества. И при этом, что не менее важно, интеграция позволила сохранить национальные особенности интегрирующихся стран и их суверенитет.

#### **ШОС – как один из форматов интеграции государств СНГ**

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) – субрегиональная международная организация взаимозащиты, основанная в 2001 г. лидерами Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана. За исключением Узбекистана, остальные страны являлись участницами Шанхайской пятёрки, основанной в результате подписания в 1996-1997 гг. между Казахстаном, Киргизией, Китаем, Россией и Таджикистаном соглашений об укреплении доверия в военной области и о взаимном сокращении вооружённых сил в районе границы; после включения Узбекистана в 2001 г. участники переименовали организацию. Общая территория входящих в ШОС стран составляет 61% территории Евразии. Её совокупный демографический потенциал – четвёртая часть населения планеты, а

экономический потенциал включает самую мощную после США китайскую экономику. Официальные рабочие языки – русский и китайский. Штаб-квартира организации расположена в Пекине [Курылев, Савичева 2010: 95-96].

Можно выделить несколько этапов развития организации. **В качестве даты, положившей начало первому этапу формирования ШОС**, мы можем принять сентябрь 1992 г., когда состоялись переговоры заместителей министров иностранных дел Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана по проблеме государственных границ указанных стран с КНР [Атакаева 2003: 55-60]. На первом этапе существования «пятерки» приоритетными были вопросы предотвращения любых возможных конфликтов между ее участниками и преодоление взаимного недоверия, уходящего корнями в события 50-60-х гг. XX в.

**В качестве отправной точки второго этапа можно принять 1999 г.** На первый план вышли проблемы более широкого порядка, в том числе сотрудничество в сфере безопасности, экономики и культуры, а также борьба с проявлениями терроризма, экстремизма и сепаратизма. В решении этих проблем были заинтересованы все участники «шанхайского процесса».

Россия стала инициатором совместной борьбы с терроризмом и экстремизмом. В августе 1999 г., за два года до сентябрьских событий в США, в Бишкеке был проведен четвертый саммит «шанхайской пятёрки», в ходе которого было поддержано российское предложение провести встречи руководителей правоохранительных органов и спецслужб, министров обороны и иностранных дел. В ноябре 2000 г. в Москве прошли специальные консультации по положению в Афганистане. Внеочередное заседание национальных координаторов «Шанхайской пятёрки» состоялось 6-7 апреля 2001 г. в Алматы. На этом заседании рассмотрели проект итогового документа китайской стороны –

<sup>1</sup> Аналитический доклад «Итоги деятельности СНГ за 20 лет и задачи на перспективу». - Режим доступа:

<http://e-cis.info/index.php?id=662> (дата обращения 10.01.2018).

Декларации о создании ШОС. 2-7 апреля 2001 г. в Пекине эксперты подготовили и представили на рассмотрение министров иностранных дел в Москве проект Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Конвенция была подписана на саммите «пятерки» в Шанхае 1-15 июня 2001 года. В Конвенции появились определения таких терминов, как «терроризм», «сепаратизм» и «экстремизм». Она же предусматривала создание антитеррористической структуры ШОС. 15 июня 2001 г. в Шанхае была подписана Декларация о создании ШОС, в которую наряду с членами «пятерки» вошел Узбекистан.

**Начало третьему этапу процесса формирования ШОС** положили события 11 сентября 2001 г. в США. Эти события заставили всех участников переосмыслить цели и задачи организации, ее предназначение и роль в современном мире. Вне всякого сомнения, новые геополитические реалии существенно повлияли на позиции всех сторон<sup>1</sup>. 7 июня 2002 г. на саммите ШОС в Санкт-Петербурге была принята Хартия – базовый уставной документ, фиксирующий цели и принципы ШОС, ее структуру и основные направления деятельности.

29 мая 2003 г. в Москве было фактически завершено формирование Организации: утверждены документы, регламентирующие деятельность ее уставных органов, символика, кандидатура первого исполнительного секретаря ШОС, подписано Соглашение о порядке формирования и исполнения бюджета ШОС. Президент Казахстана Н.А. Назарбаев по этому поводу заявил, что ШОС завершает этап становления и обретает легитимность<sup>2</sup>.

С января 2004 г. начал работать Секретариат в Пекине и ШОС начала

функционировать как полноценная международная организация.

**Ташкентский саммит ШОС, состоявшийся 16-17 июня 2004 г. положил начало четвертому этапу в деятельности ШОС.** На саммите было завершено структурное формирование ШОС и официально открыта штаб-квартира РАТС ШОС. С этого момента ШОС перешла в режим деятельности по всем заявленным направлениям, очерченным в Хартии<sup>3</sup>. По итогам саммита было подписано около десяти важнейших соглашений, призванных вдохнуть новый импульс в деятельность организации. В канун саммита был создан новый и очень важный механизм взаимодействия регулярных встреч секретарей советов безопасности шести стран, главной целью которых станет координация сотрудничества в рамках ШОС компетентных органов сторон в борьбе с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых, отравляющих, ядовитых и радиоактивных веществ, наемничеством. Был подписан Протокол о сотрудничестве и координации деятельности между МИДами шести стран. Наконец, было принято положение о статусе наблюдателя при ШОС, что имеет чрезвычайно важное значение для перспектив ШОС. 5 июля 2005 г. в Астане состоялся саммит глав государств-членов ШОС. Участники саммита приняли совместную декларацию. С 14 по 16 сентября 2005 г. ШОС во главе с Исполнительным секретарем организации Чжан Дэгуаном по приглашению Генерального секретаря ООН К. Аннана принимала участие в Пленарном заседании высокого уровня 60-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в качестве наблюдателя. В ходе Пленарного заседания Исполнительный секретарь ШОС выступил с заявлением.

<sup>1</sup> Шанхайская Организация Сотрудничества – фундамент для многостороннего сотрудничества в Азии [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://infoshos.ru/ru/?idn=8692> (дата обращения 15.01.2018).

<sup>2</sup> Стрешнев Р. Саммит – импульс сотрудничеству [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [http://old.redstar.ru/2003/05/30\\_05/1\\_02.html](http://old.redstar.ru/2003/05/30_05/1_02.html)

<sup>3</sup> О Ташкентском заседании Совета глав государств – членов ШОС [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://infoshos.ru/ru/?id=70>

**Пятый этап наступил в 2006 г.**, когда ШОС отметила свое пятилетие. 15 июня 2006 г. в Шанхае состоялся саммит глав государств-членов ШОС. В итоговой декларации участники отметили, что залог успешного развития ШОС состоит в том, что она неизменно руководствуется и неуклонно следует «шанхайскому духу», для которого характерны взаимное доверие, взаимная выгода, равенство, взаимные консультации, уважение многообразия культур, стремление к совместному развитию. По мнению участников встречи, «Шанхайский дух» является основным целостным понятием и важнейшим принципом деятельности ШОС, который обогатил теорию и практику современных международных отношений, претворяя в жизнь всеобщее стремление мирового сообщества к демократизации международных отношений. Кроме того, на саммите было принято Заявление по международной информационной безопасности.

16 августа в Бишкеке состоялось 7-е заседание глав государств-участников ШОС, по итогам которого было опубликовано Совместное коммюнике.

Отмечены эффективность совместных антитеррористических учений и важное значение договоренностей, достигнутых в ходе состоявшихся в Бишкеке третьей встречи Секретарей Советов безопасности государств-участников ШОС от 25 мая 2007 г. и Совещания министров обороны государств-участников ШОС от 27 июня 2007 г. Главы государств приняли приглашение Президента РФ В.В. Путина присутствовать 17 августа 2007 г. на активной фазе совместных антитеррористических учений вооруженных сил государств-участников ШОС «Мирная миссия-2007» на территории РФ<sup>1</sup>.

28 августа 2008 г. в столице Таджикистана Душанбе прошел Восьмой саммит глав государств-членов ШОС. Кроме декларации и совместного коммюнике по итогам Душанбинского

саммита ШОС были подписаны следующие документы: Соглашение о порядке организации и проведения совместных антитеррористических учений государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества; Соглашение о сотрудничестве между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ; Меморандум об основах партнерских отношений между Межбанковским объединением ШОС и Евразийским банком развития. На заседании в Душанбе 28 августа Россия приняла председательство в ШОС на предстоящий год.

ШОС, в течение четырех лет после создания, проделала огромную плодотворную работу для содействия интеграционных процессов. За 2009-2011 гг. Организация укрепила сотрудничество в следующих направлениях:

- обеспечение региональной безопасности;
- создание региональной антитеррористической структуры;
- борьба с наркобизнесом;
- разработка механизма встреч секретарей Совбезов стран-членов;
- сотрудничество в торгово-экономической сфере
- активизация процесса многосторонних консультаций по транспортным вопросам.

Одним из значимых для жизнедеятельности государств-членов ШОС и их народов является гуманитарная составляющая. В ШОС объединились уникальные цивилизации и их тесное сотрудничество неизбежно является источником обогащения каждой в отдельности. Интеграция научных потенциалов закономерно способствует развитию инновационных технологий во всех сферах жизни наших обществ. Происходит продвижение участников ШОС в области обучения молодежи и подготовки кадров. Важным фактором обеспечения будущего ШОС, создания

<sup>1</sup> Совместное коммюнике по итогам заседания Совета государств-участников ШОС. 2007/08/18. [Электронный ресурс]. - Режим доступа:

<http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/gb/t353700.htm>  
(дата обращения 20.01.2018).

прочной социальной базы может стать организация Молодежной ассоциации сотрудничества. Также в Декларации о создании ШОС участники заявили и о необходимости развивать и культурное сотрудничество.

ШОС является ярким примером международной межправительственной организации, которая за исторически небольшой отрезок времени совершила качественную и количественную эволюцию, в ходе которой смещались приоритеты организации, претерпевали определенные изменения цели и задачи организации. За небольшое время ШОС совершило эволюцию от консультативного механизма пяти соседних государств в военной области до региональной международной организации<sup>1</sup>.

По своей сути, ШОС является такой же международной организацией, как и СНГ, которое является неким региональным специалистом по всему. В связи с этим к её целям относится сотрудничество во всех существующих сферах: культурной, экономической, правоохранительной, оборонной, кредитно-финансовой, образовательной, природоохранной и иных. Другими словами, можно назвать любую область, где страны могут сотрудничать друг с другом, и не ошибиться. При этом данные сферы, как сказано в хартии, могут также и расширяться по согласию стран-участников [Рахимов 2018: 49].

В результате можно подчеркнуть, что ШОС является ярким примером интеграционных процессов в формате СНГ. Следует отметить, что интеграция в рамках ШОС должна быть равнозначной и не представлять собой конкуренцию между странами-лидерами. Позиции России и Китая уравнивают свои позиции и других возможных конкурентов, создавая предпосылки для предотвращения соперничества в политической области. Весьма важную роль в рамках ШОС играют страны Центральной Азии, сглаживая

возможные противоречия между ними, а также выступая в роли некоей третьей силы уравнивающего механизма в сторону объединения. Именно государства Центральной Азии призваны стать связующим звеном и консолидирующей силой в рамках ШОС с целью создания единой и универсальной евразийской системы безопасности. Тем самым формат ШОС имеет все возможности создать идеальные рамки для интеграции, когда ни один из членов организации не допустит возникновения серьезного конфликта с интересами другого.

Как полагает и. о директора Института Дальнего Востока РАН, профессор МГИМО С. Лузянин, Запад «проморгал» становление и расширение ШОС как полноценной евразийской организации.

ШОС воспринималась всегда на Западе в качестве узкоутилитарной группы, занимавшейся региональными делами. И тут произошел прорыв на саммите ШОС в г. Уфа: расширение ШОС с помощью присоединения Пакистана и Индии, рост числа государств-наблюдателей. И, что является самым главным, формируется единое евразийское пространство за счет стыка Евразийского экономического союза и Великого шелкового пути. ШОС в этом качестве превращается в диспетчера Евразии [Рахимов 2016: 32].

Во время уфимского саммита все срослось, что является результатом кропотливой десятилетней работы. Так как вступление Пакистана и Индии в ШОС готовилось очень тщательно и долго. В свою очередь, Россия становится одним из лидеров незападного многополярного мира. Кроме этого, является очень важным то, что одновременно с саммитом ШОС проводится также и встреча БРИКС, что выводит на глобальный уровень интеграцию незападного мира, в особенности в финансовом и экономическом плане, – добавляет С. Лузянин<sup>2</sup>.

<sup>1</sup>В Пекин прибыли главы МИД стран-членов ШОС [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1074091080> (дата обращения: 20.02.2018).

<sup>2</sup> Запад с опаской реагирует на расширение ШОС // Взгляд: деловая газета. Режим доступа: <https://www.vz.ru/politics/2015/7/10/755521.html>

В ближайшие десятки лет, скорее всего, незападный мир и западный будут параллельно развиваться. Вместе с тем, с усилением Китая будет расширяться и усиливаться формат ШОС. Лузянин не исключает, что в ближайшем будущем к ШОС также будет присоединен и Иран. В свою очередь, к БРИКС может быть присоединена Индонезия. Иначе говоря, усиливается незападный мир, что для Запада, естественно, не является положительным явлением, – отмечено С. Лузяниным<sup>1</sup>.

ШОС имеет сегодня ряд следующих качеств интеграционного объединения нового поколения: внутренняя многоуровневость (в процессы интеграции вовлечены субъекты макро- и микроуровней, с различными интеграционными потенциалами, между которыми налаживаются горизонтальные и вертикальные отношения, которые связывают субъекты в единую систему), внешнюю поливекторность (параллельное развитие внешнеэкономических и внутрирегиональных отношений с третьими странами, незамкнутость процесса на странах-участниках, одновременное вовлечение партнеров из разных регионов в мире, а также углубление внутрирегиональных форм сотрудничества).

Выше указанные трансформации изменяют представление об интеграции в качестве стадийного процесса (шкала Белы Балашши): в качестве основы интеграции в рамках ШОС предположительно должно послужить интеграционное ядро (РФ и КНР являются таким ядром), которое вокруг себя формирует геоэкономические сложные пространства. В процессе разработки дальнейшей стратегии интеграции следует учитывать предполагаемое расширение интеграционного сотрудничества без продвижения по стадийной модели [Казанцев 2002: 19].

На сегодняшний день продолжает оставаться ряд серьезных проблем, с

которыми могут столкнуться в процессе интеграции государства-участницы: различия подходов к программным целям ШОС; эгоцентризм в проведении внешнеполитического курса (в особенности это касается России и Китая); допущение внерегиональных стран (Японии, США, европейских стран) к интеграционным процессам в Среднеазиатском регионе; столкновение интересов (Казахстан и Россия, обладая значительными запасами нефти, являются конкурентами за право ее поставки). Вместе с тем, также произошло формирование и положительных тенденций: усиление совокупной мощи Китая и России; экономический подъем Азии; концентрация запасов энергоресурсов в рамках ШОС; смещение в сторону Азии центра глобальных интеграционных процессов; согласованная позиция по ограничению влияния вне региональных государств; постепенное перемещение пространства ШОС в зону взаимодействия по самым основным вопросам современной системы международных отношений.

Исследователь отмечает [Абашидзе 2016: 597], что экономическая интеграция представляет собой своеобразный фундамент, на котором, в свой черед, могут быть основаны конструкции региональной безопасности и осуществляться сотрудничество в прочих сферах международных отношений (охраны окружающей среды, культуры, науки).

Эффективные интеграционные мероприятия могут быть построены на основании экономического прагматизма [Мезенцев 2015], в то время, как последующая инфраструктура интеграции может быть выстроена вокруг соглашений, которые в том или ином виде регулируют торговые отношения между сторонами. Тот факт, что ШОС в настоящее время еще не занимается реализацией определенных проектов, она только создает правовые рамки и помогает находить инвесторов для того, чтобы реализовать их, находится в

<sup>1</sup> Запад с опаской реагирует на расширение ШОС // Взгляд: деловая газета. Режим доступа: <https://www.vz.ru/politics/2015/7/10/755521.html>

полном соответствии с этапом развития организации, потому что интеграция создается почти что с нуля и должна являться естественной, что представляет собой залог ее эффективности.

В рамках саммита, прошедшего 2015 г., в г. Уфа, фактически произошло объединение встреч деловых кругов из БРИКС и ШОС. Две этих структуры отчасти, в том числе в связи с возможным вступлением в ШОС Индии, соединяются в экономической деятельности [Бордачев, Лихачева, Чжан Синь, 2015: 101], несмотря на то, что все же совсем не исключено то, что также будет и политическое слияние. Россия, Бразилия, Китай и Индия имеют значительный интеграционный потенциал, имеет место взаимодополняемость экономик: Индия и Китай видятся в качестве глобальных поставщиков промышленных товаров, а Россия и Бразилия – в качестве поставщиков сырья. Создание Банка развития стран БРИКС (на чьем запуске нацелена сконцентрировать главное внимание РФ в рамках своего председательства в БРИКС), а также прогнозируемое вхождение Индии в число государств-участников ШОС могут повлечь за собой трансформацию последней в эффективную основу экономической интеграции.

Соединение капиталов, природных ресурсов, человеческого потенциала позволило бы этому новому объединению являться конкурентоспособным и обеспечить стабильную положительную динамику глобального развития.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что реализация интеграционных мероприятий в рамках ШОС взаимосвязана с прогнозируемыми темпами экономического развития основных государств-участников, и с вхождением в состав организации новых стран и новых проектов, что будет способствовать выходу ШОС на более значимый уровень геополитического влияния.

Подытожив всё вышесказанное, можно умозаключить, что форум «Шанхайской пятёрки» не остался лишь декларируемым явлением. Он привнес огромное значение в

решении взаимных пригранично-территориальных вопросов, а также стал прообразом системы безопасности и сотрудничества в регионе. Этот момент говорит о желании стран-участниц и к дальнейшему продвижению работы в лице ШОС по делу строительства взаимовыгодной и общепризнанной интегральной структуры, которая сможет вжиться в мировую паутину международных отношений, и в дальнейшем оказывать немалую роль на прилегающие в ней процессы.

#### БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Акатаева А.А.* Шанхайская организация Сотрудничества как фактор региональной безопасности // НАТО и Центральная Азия: региональная и национальная безопасность и стратегическое партнерство. – Алматы: КазНУ им. Аль-Фараби, 2003. - С. 55-60.
2. *Бордачев Т., Лихачева А., Чжан Синь.* Чего хочет Азия? // Россия в глобальной политике. - №1. - 2015. – С.101.
3. Внешняя политика стран СНГ // Учебное пособие. М.: Аспект-Пресс, 2017. – 550 с.
4. *Звягельская И. Д.* Россия и Центральная Азия (проблемы безопасности) //Центральная Азия и Южный Кавказ. Насущные проблемы. – 2004. - С. 12.
5. *Исламова М.* Субрегиональные интеграционные группировки на экономическом пространстве СНГ: Дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14. – М.: 2004. - С. 67.
6. *Курылев К.П., Нарышкин В.С., Озинковская Е., Рахимов К.Х.* Евразийский Экономический Союз во внешнеполитической стратегии России. // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 1. С. 77.
7. *Курылев К.П.* Специфика интеграционных процессов в СНГ. // в сборнике: СНГ: проблемы, поиск, решения: 2010. Ежегодник. 2009. С. 22.
8. *Курылев К.П., Савичева Е.М.* Содружество независимых государств. // Учебно-методическое пособие для бакалавров и магистров направлений подготовки «Международные отношения», «Политология», «История» 2-е издание, переработанное и дополненное. М.: Изд-во РУДН, 2010 г. – С.95-96.

9. *Казанцев А.А.* Центральная Азия: институциональная структура международных взаимодействий в становящемся регионе // «Полис». – 2002. – № 5. – С. 19.

10. *Курьлев К.П., Рахимов К.Х.* ЕАЭС как новый тип интеграции на пространстве СНГ: проблемы и перспективы развития // Вестник Таджикского Национального Университета (научный журнал) №3/6 (211), 2016 г., С. 88-93.

11. *Перебоев В.С.* Интеграционная политика России на постсоветском пространстве: этапы и стратегия/ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». - М.: 2012. - С.3- 8.

12. Право международных организаций: учебник / под ред. А. Х. Абашидзе. - М.: РУДН, 2016. – С. 317.

13. *Рахимов К.Х.* Перспективы интеграции Таджикистана в ЕАЭС //Евразийский юридический журнал №3 (94) 2016, С.31-33.

14. *Рахимов К.Х.* Шанхайская Организация и Сотрудничество (ШОС) как международная межправительственная организация // Евразийский юридический журнал №1 (116) 2018, С.46-51.

**Об авторе:** Рахимов Комрон Хахимджонович, аспирант 1-го года обучения кафедры международного права РУДН (email: muhsin.19.05.93@mail.ru)

#### THE STAGES OF DEVELOPMENT OF INTEGRATION PROCESSES IN THE CIS

**К.Н. Rahimov**

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

*Abstract.* In this article deals with the issues of formation and development of the SCO: development stages of integration processes in the CIS; the SCO as one of the integration formats of the CIS States;

In this work confirms the idea that for a short period, the SCO evolved from the consultative mechanism of the neighboring countries on border issues and confidence-building measures in the military field to a diversified international organization with a significant military-economic potential.

Starting with cooperation in the fight against international terrorism, separatism and political extremism, it expanded the scope of its activities in the economic sphere and then

on areas such as health, education, culture, tourism, etc., which suggests that the Organization created not only for keeping destructive forces, but also to rapprochement of the peoples of the participating countries to further grow their economies and improve the welfare of citizens.

*Keywords:* integration, CIS, security, SCO, CSTO.

#### REFERENCES

1. *Akataev A.* The Shanghai Cooperation organization as a factor in regional security, NATO and Central Asia: regional and national security and strategic partnership. – Almaty: KazNU. Al-Farabi, 2003. - P. 55-60.

2. *Bordachev T., Likhachev, A., Zhang Xin.* What Asia wants? // Russia in global politics. - No. 1. - 2015. – P. 101.

3. Foreign policy of the CIS countries // tutorial. M.: Aspect-Press, 2017. - 550 p.

4. *Zvyagelskaya I.D.* Russia and Central Asia (security problems) //Central Asia and the South Caucasus. Pressing problems. – 2004. - P. 12.

5. *Islamova M.* Subregional integration groupings in the CIS economic region: Dis. kand. Ekon. Sciences: 08.00.14. – М.: 2004. - P. 67.

6. *Kurylev K. P., V. S. Naryshkin, Osinkovskaya E., Rakhimov K. H.* The Eurasian Economic Union in the foreign policy strategy of Russia. // Vestnik RUDN. Series: International relations. 2016. Vol. 16. No. 1. P. 77.

7. *Kurylev K.P.* Specificity of integration processes in the CIS. // in the book: the CIS: problems, search, solutions: 2010. Yearbook. 2009. P. 22.

8. *Kurylev K. P., Savichev E.M.* The Commonwealth of independent States. // Educational and methodical manual for bachelors and masters of the directions of preparation "International relations", "political Science", "History" 2nd edition, revised and supplemented. M.: publishing house of RUDN, 2010 – Pp. 95-96.

9. *Kazantsev A.A.* Central Asia: institutional structure of international interactions in the region becoming // "Polis". – 2002. – № 5. – P. 19.

10. *Kurylev K.P., Rakhimov K.H.* The EEU as a new type of integration in the CIS: problems and prospects // Vestnik of the Tajik National

University (scientific journal) №3/6 (211), 2016, P. 88-93.

11. *Pereboev V.S.* Integration policy of Russia on post-Soviet space: stages and strategy/ national research University "Higher school of Economics". - M.: 2012. - P. 3 - 8.

12. Law of international organizations: textbook / ed. by A. Abashidze. - M.: PFUR, 2016. – P. 317.

13. *Rakhimov K.H.* Prospects for the integration of Tajikistan in the EEU //Eurasian law journal №3 (94) 2016, Pp. 31-33.

14. *Rakhimov K.H.* The Shanghai Organization of Cooperation (SCO) as an international inter-governmental organization // Eurasian juridical journal №1 (116) 2018, Pp. 46-51.

**About the author:** Rahimov Komron Hakimjonovich, Postgraduate student of the Department of international law of the Law Institute of the RUDN University (e-mail: muhsin.19.05.93@mail.ru)

## КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРОЕКТОВ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС ШЕЛКОВОГО ПУТИ И ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ

Ни Ваншу

Российский университет дружбы народов,  
Москва, Россия

*Аннотация.* В статье рассматриваются концептуальные основы китайской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» и российского проекта «Евразийский экономический союз». Автор приходит к выводу, что ЭПШП представляет собой неизбежный результат регионального сотрудничества и общественного развития в эпоху экономической глобализации, то есть Китай выдвинул такую инициативу, учитывая не только необходимость собственного развития Китая, но и потребность долгосрочного развития Евразии. В свою очередь одной из идеологических вариаций в развитии России могут служить идеи евразийства, приобщение к которым позволит нашей стране объединить государства, с опасением относящихся к попыткам коллективного Запада во главе с США насадить свою гегемонию.

В ходе подготовки исследования автором использовался широкий методологический инструментарий экономической и политической науки. В частности, применялся метод нормативного анализа, метод индукции и метод системного анализа (экономическая наука). Метод построения сценариев и нормативно-ценностный подход — политический инструментарий данного исследования.

*Ключевые слова:* Экономический пояс Шелкового пути, Евразийский экономический союз, Россия, Китай, Центральная Азия, сопряжение.

В современном мире, в период тенденции региональной интенсивности, Экономический пояс Шелкового пути и Евразийский экономический союз родились под знаком счастливой звезды. Экономический пояс Шелкового пути — это важная часть китайской стратегической инициативы

“Один пояс, один путь”. Он воссоздает дух древнего Великого Шелкового пути, а также содействует экономическому развитию Евразийском континенте. Инициатива “совместное строительство Экономического пояса Шелкового пути” и цели Евразийского экономического союза совпадают, они оба являются двигателями экономического развития Евразии.

*Идея «Шелкового пути» как основа проекта «ЭПШП»*

Две тысячи лет назад, посол династии Западная Хань Чжан Цзянь дважды посетил центральную Азию с мирной миссией, открыв путь с востока на запад, и таким образом шелковый путь стал мостом, соединяющим Азию и Европу. Великий Шелковый путь соединяет в себе множество культур, он - прошедший длинный исторический путь и блестящую историю развития человеческой цивилизации. Сегодня, Китай на основе взаимного уважения и доверия, взаимовыгодного сотрудничества и взаимного обучения цивилизаций, предлагает совместное строительство инициатив «Экономический пояс Шелковый путь» и «Морской Шелковый путь XXI в.», давая новую жизнь древнему Шелковому пути, внося новую мечту и принося развитие и процветание всех стран, расположенных вдоль пути.

Думая о настоящем, но одновременно принимая во внимание опыт древности, необходимо продумать как воссоздать Великий Шелковый путь, сохраняя его уникальность и помня о современных реалиях XXI в.

История Чжан Цзянь. История Чжан Цзянь является одной из самых широко известных историй. В 138 г. до н.э. он отправился с опасной дипломатической миссией к кочевникам из племени юэчжей, чтобы убедить их стать союзниками китайской империи Хань в борьбе с кочевниками сюнну, нападавшими на империю с севера. По легенде, Центральная Азия - мертвое место, это был путь в один конец. Можно себе представить, что для выполнения этой миссии нужно иметь исключительное мужество, мудрость и идеалы. Вот Чжан Цзянь — именно был таким человеком.

В 138 г. до н.э. Чжан Цзянь с его дипломатической миссией отправился с города Чанъань, но вскоре после входа в коридор Хэси он был пойман. Сюнну были очень недовольны тем, что Хань завязал дружбу с юэчжей, поэтому заключили их под домашний арест. Однако, даже сюнну уважали Чжан Цзянь и разрешили ему жениться. Через десять лет Чжан Цзянь выбрал удобный случай, и вместе с его свитой совершил побег из сюнну. Пройдя через Паркан, наконец он прибыл Юэчжи. Но Юэчжи уже стал богатым городом, и так как власти сменились за этот период несколько раз, они были равнодушны к его предложению. Чжан Цзянь ушел разочарованный, а по дороге снова был пойман конницей сюнну. В 126 г. до н.э. Чжан Цзянь еще раз удалось сбежать. Когда они отправлялись в путь, вся миссия составляла более 100 человек. Но когда они достигли Чанъань, остались только два человека - Чжан Цзянь и его слуга.

В 116 г. до н.э. Чжан Цзянь второй раз отправился в Центральную Азию. Тогда сюнну уже капитулировали перед Хань, Хань был в непосредственном контакте с Центральной Азией. На этот раз Чжан Цзянь, послал подчиненных в страны Центральной Азии, чтобы укреплять дружбу и содействовать торговле и культурному обмену между странами.

Известный древнекитайский историк Сыма Цянь в своей книге «Исторических записках» давал Чжан Цзянь высокую оценку, по его записям можно судить, что он думает про Чжан Цзянь — это первый китаец в мире.

Великий Шелковый путь. После того как Чжан Цзянь прошел Центральную Азию, с помощью труда нескольких поколений, был проложен торговый путь, который исходил из города Чанъань, через коридор Хэси и Центральную Азию, доходил до Средиземного моря, его общая длина составила более 7000 километров. Этот путь к миру способствующий политическому, экономическому и культурному обмену, процветал более 1700 лет.

Термин «Великий шелковый путь» (Great silk road) вошел в историческую науку в конце XIX в., после публикации в

1877 г. немецким историком К. Рихтгофеном книги «Китай» [Мамлеева, 1999. С. 53-61]. Самым драгоценным продуктом в торговле на этом пути был шелк. Великий шелковый путь явился логистической системой, которая включает в себя несколько сухопутных и морских трасс, в том числе и их разветвляющиеся транзитные дороги. Этот путь исходя из запада Китая проходил на Запад, соединяя Восток и Запад мира.

По виду перевозки, Шелковый путь был разделен на сухопутный и морской шелковый путь. По региональному аспекту сухопутный шелковый путь был разделен на северный и южный шелковый путь. Между тем, по ландшафту можно разделить на степь-лесной, гора-ущелистый и пустыня-оазисный шелковый пути.

Во времена упадка сухопутного шелкового пути, при правлении китайских династий Сун и Юань морской шелковый путь получал свое развитие. Морской шелковый путь исходил из китайских портов Цюаньчжоу, Нинбо, Макао и Гуанчжоу, идя на север - достигая Корею и Японию, на юг - Вьетнам, Сингапур и Филиппины, пройдя мимо Индии и Шри-Ланки, и доходя до арабских стран Персидского залива.

*Значение Великого Шелкового пути.* Великий Шелковый путь имеет исключительное значение в человеческой истории. Он был каналом, через который Китай и западные страны познакомились друг с другом. Этот путь, открыл перед миром дверь в Китай.

Прежде всего, в перечне того, чем Китай и Запад обогащались в результате прохождения ВШП это обмен товарами. После открытия шелкового пути, китайские шелковые изделия стали известны на весь мир, в особенности в западных странах. Люди Запада рассматривали китайские шелковые изделия, как первосортный товар. В Римской империи, в период ее расцвета, шелковые ткани и другие восточные товары пользовались огромным спросом [Мамлеева, 1999. С. 53-61]. Консул Римской республики Цезарь одевался в шелковое платье. Клеопатра также носила шелковые одежды. Кроме шелковых изделий, Китай экспортировал железо, золото, серебро, зеркала и другие предметы роскоши, а им-

портировал виноград, грецкие орехи, морковь, перец, шпинат, огурцы и другие продукты.

Во-вторых, культурный обмен. Династия Хань был символом расцвета в древнем китайском феодальном обществе, когда в то время в Европе господствовала Римская империя, в которой была рабовладельческое хозяйство. Китайская культура влияла на территории Восточной Азии, как римская культура влияла на Европу и средиземноморские регионы. Эти две цивилизации были на стадии взаимопонимания, взаимодействия и взаимного поглощения. Таким образом, Великий Шелковый путь играл большую роль в истории культурных обменов. Великий Шелковый путь раньше Великих географических открытий на 1500 лет. С событий, произошедших с Чжан Цзянь в Центральной Азии, Китай и Европа стали иметь дружественные связи. Поэтому, значение Шелкового пути заключается не только в обмене товаров, но и в культурном обмене.

В-третьих, обмен техническими инновациями. Великий Шелковый путь был каналом, через который среднеазиатские народы принимали передовые культуры и знали о внешнем мире. В древности среднеазиатские народы в основном полагались на сельское хозяйство и животноводство, у них была низкая производственная мощность и простые сельскохозяйственные орудия труда. Во втором прибытии в Центральную Азию, Чжан Цзянь принес им технику чугуна, шелкомотания, орошения и т.д., что содействовало экономическому и культурному развитию Центральной Азии.

*Идея Шелкового пути как основа ЭПШП.* В течение многих столетий передавался дух Шелкового пути, основанный на принципах «мира и сотрудничества, открытости и толерантности, взаимного обучения, взаимной выгоды и обоюдного выигрыша», которые способствовали развитию человеческой культуры, а также прогрессу и процветанию стран, находившихся вдоль Шелкового пути. Этот дух стал символом взаимодействия и сотрудничества между Востоком и Западом, и составил общемировое культурное и историческое наследие всех государств.

Вступив в XXI в., ставший новой эпохой в основу, которой легли принципы «мира, развития, сотрудничества и взаимной выгоды», мы сталкиваемся с ситуацией слабого восстановления мировой экономики, сложной мировой и региональной обстановки. В этой ситуации, наследование и передача духа Великого шелкового пути стали еще важнее и ценнее.

7 сентября 2013 г. во время своего зарубежного визита в Казахстан председатель КНР Си Цзиньпин выступил с речью в Назарбаев Университете, в которой впервые была выдвинута идея о совместном построении Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). ЭПШП — это огромная зона экономического сотрудничества, берущая свое начало в Китае и достигающая Европы. Зона, в которой проживает около 3 млрд жителей планеты. Данная инициатива получила активные отклики в странах и регионах, характеризующихся тесной взаимосвязью, и вызвала большой резонанс в международном сообществе. Позднее, в ноябре 2014 г., на заседании Центральной руководящей группы КНР по финансово-экономическим вопросам Председатель КНР Си Цзиньпин обещал оказать содействие странам, принимающим участие в проекте, в строительстве инфраструктурных объектов [Курылев и др., 2016. С. 83-92].

В настоящее время, экономическая глобализация широко развивается, региональная экономическая интеграция продвигается вперед. Азиатские и Европейские страны находятся на критическом этапе экономических преобразований и модернизации, при этом необходимо стимулировать жизнеспособность развития и потенциал сотрудничества в регионе. Стратегическая концепция «Пояс и Путь» дает Великому Шелковому пути восстановление времени и вливает в него новые жизненные силы. Стратегическая концепция «Пояс и Путь» удовлетворяет потребности развития стран, расположенных вдоль Шелкового пути, открывает им новые возможности для использования преимуществ через взаимное дополнение. Основная идея «Пояса и Пути» заключается в пяти связующих элементах - политическая координация, взаимосвязь

инфраструктур, бесперебойная торговля, свободное передвижение капитала и укрепление близости между народами<sup>1/</sup>

«Один пояс, один путь» — это взаимовыгодная концепция, она означает, что Китай с Азиатско-Тихоокеанским регионом, Северной Африкой, и Европой сотрудничают между собой. Один пояс — это Экономический пояс Шелкового пути. Его основные три маршрута будут проходить из Китая через Центральную Азию, Россию до Европы (до Балтийского моря); из Китая через Центральную Азию, Западную Азию к Персидскому заливу, Средиземному морю; из Китая в Юго-Восточную Азию, Южную Азию, к Индийскому океану<sup>2/</sup> Другой путь — это Морской шелковый путь XXI в. Его основные направления будут проходить по маршрутам из прибрежных портов Китая через Южно-Китайское море до Индийского океана и дальше до Европы, а также из прибрежных портов Китая через Южно-Китайское море в южную акваторию Тихого океана<sup>3/</sup> В целом, область «Пояса и Пути» охватывает страны АСЕАН, Южную, Центральную и Западную Азию, Северную Африку, Европу и Океанию. Вдоль всего пути находятся более 60 стран. Без учета населения Океании, общая численность населения около 44 миллионов, экономический объем составляет 21 трлн. долларов, что соответственно составляет 63% и 29% в мире<sup>4/</sup>

С точки зрения развития экономики, цель совместного строительства инициативы «Один пояс, один путь» состоит в том, чтобы содействовать свободному передвижению экономик, эффективному распреде-

лению ресурсов и глубокой интеграции рынков, стимулировать налаживание экономической политики в странах находящихся вдоль «Одного пояса и одного пути», развивать более масштабное, высокоуровневое и глубокое региональное сотрудничество, вместе создавать открытые, толерантные, сбалансированные и всем выгодные рамки регионального экономического сотрудничества. Совместное строительство «Одного пояса и одного пути» отвечает коренным интересам международного сообщества, отражает общие идеалы и стремление человечества к лучшему, является активным освоением новой модели международного сотрудничества и глобального управления, оно принесет новую позитивную энергию миру в его дальнейшем развитии. Сеть связей в строительстве «Одного пояса и одного пути», будет содействовать взаимной стыковке собственных стратегий развития прилегающих к «Одному поясу и одному пути» стран, развивать потенциал региональных рынков, активизировать инвестиции и потребление, создавать спрос и рабочие места, а также содействовать гуманитарному обмену и взаимному обучению народов государств, находящихся вдоль «Одного пояса и одного пути», что поможет создать мир на основе взаимного доверия и уважения, а также гармоничную, мирную и богатую жизнь для народов всех стран.<sup>5</sup>

С точки зрения цивилизации и культуры, инициатива «Пояс и Путь» не только является экономической стратегией, но и путем к взаимному изучению цивилизаций. Если все страны вдоль «Одного пояса и одного пути» будут работать вместе, двигаться в одном направлении, то мы сможем вписать новую главу в строительство «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского шелкового пути XXI в.», чтобы все народы этих стран смогли насладиться результатами его строительства.

<sup>1</sup> «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства "Экономического пояса Шелкового пути" и "Морского Шелкового пути 21-го века"». <http://ru.china-embassy.org/chn/eyxxs/t1257322.htm>. 09.03.2017

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup>

卢锋. “一带一路”开放战略[J/OL]. 中国经济观察

SEO第41次报告会. 上海. 2013, 03, 22 : 3. (Лу Фэн. Стратегия открытости «Пояс и Путь». Собрание №41 “Наблюдение китайской экономики”. Шанхай. 22.03.2013:3)

<sup>5</sup> «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства "Экономического пояса Шелкового пути" и "Морского Шелкового пути 21-го века"» <http://ru.china-embassy.org/chn/eyxxs/t1257322.htm>. 10. 03. 2017

Кыргызстан и другие страны Центральной Азии, неоднократно поднимали планы возрождения Великого Шелкового пути; в последние годы Россия не раз предлагала идею создания единого Евразийского пространства; США выдвинули стратегию создания нового шелкового пути в Центральной Азии; даже Япония выдвинула проект «новый шелковый путь» в Евразии. В течении 40 лет, китайская политика «реформы и открытость» сделала беспрецедентные достижения. Сейчас сотрудничество между Китаем и международным сообществом, стоит на новом этапе. При этом китайское правительство выдвинуло стратегическую инициативу «Пояс и Путь», не для конфронтации с другими странами, а для дальнейшего сотрудничества на евразийском пространстве и создания общности интересов и судеб<sup>6</sup>. Подтекст различных вариантов «Шелкового пути» состоит в том, что Центральная Азия считается логистическим, ресурсным, экономическим, и даже политическим центром, и все они стремятся одержать верх в конкуренции за Центральную Азию, для обеспечения своих экономической, энергетической и национальной безопасности, а также расширяют своё экономическое и геополитическое влияния. В сравнении, китайская инициатива «Пояс и Путь» детальнее, шире, и имеет больше выгоды. «Пояс и Путь» — это открытое, содержательное и взаимовыгодное видение мира.

Совместное строительство «Одного пояса и одного пути» — это не только инициатива Китая, но и общее желание Китая и всех других стран вдоль «Одного пояса и одного пути». Китай готов работать со всеми странами вдоль «Одного пояса и одного пути», проводить равноправные консультации, уважать выгоду каждой из сторон, реагировать на требования каждой из сторон, прилагать усилия по выходу на больший масштаб, более высокий уровень по достижению более глубокой открытости, боль-

шого взаимодействия и большей конвергенции. Строительство «Одного пояса и одного пути» является более открытым, более толерантным, в нем приветствуется участие всех стран, а также международных и региональных организаций.

ЭПШП представляет собой неизбежный результат регионального сотрудничества и общественного развития в эпоху экономической глобализации, то есть Китай выдвинул такую инициативу, учитывая не только необходимость собственного развития Китая, но и потребность долгосрочного развития Евразии. Кроме того, существует историческая и реальная база строительства ЭПШП. С исторической точки зрения, соединение Евразии — это не только китайская мечта, но и вековая мечта в Европе и Азии. С другой стороны, хорошее сотрудничество Китая с странами Центральной Азии является реальной основой.

*Евразийская идея как основа проекта «ЕАЭС».*

Хотя историю России можно проследить на тысячи лет назад, но до времен Петра Великого, страна рассматривалась как пустыня. После реформ Петра I, Россия быстро начала развиваться, национальная мощь стала укрепляться, территория страны расширилась, а литература и искусство стало блистать в свете европейских салонов. Однако до начала XIX в., Россия все-таки сильно отставала от западных стран. В тот момент, западничество думало, что России необходимо учиться у западных стран и Россия должна продолжать идти по петровскому пути, ведь только в этом случае, у России будет будущее.

С момента появления таких отрицательных суждений о российских традиционных ценностях, многие стали выступать против них. Они считали, что Россия не должна быть насажена западными нормами и идеалами, даже реформы Петра I были не желательны. России не следует бежать за Западом, а нужно твердо придерживаться Православного вероучения. Необходимо объединить все славянские народы и руководить ими, конкурируя с Западом, только при этом Россия добьется процветания и могущества. Это был период так называемого славянофильства.

<sup>6</sup> 邢广程.

丝绸之路的历史价值与当代启示. [N] 光明日报, 2014—10—20 ( 11) . (Сян Гуанчен. Историческая ценность и современное Шелкового пути. Газета Гуанмин. 2014.10.20. (11).)

Кажется, что западничество и славянофильство резко противоречат друг другу, но на самом деле, во многих аспектах они тесно связаны между собой. В особенности их забота о стране и высокое мнение о российской миссии. Их сходства и различия я здесь не буду обсуждать. Просто хочу, рассказать о третьей доктрине: врага славянофильства, и врага западничества - Евразийство.

В 1920-х гг. в эмиграции на Западе появилась группа ученых, которая предложила «евразийство» с российской характеристикой, что в основном теоретически разъясняет российские культурные особенности и ее судьбу в будущем. В начале августа 1921 г., в Софии был издан сборник статей четырех авторов (П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского, Н.С. Трубецкого и Г.В. Флоровского) – «Исход К Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев», ознаменовавший собой начало движения евразийства. Так называемое евразийство означает, что Россия — это особый мир, а судьба этого мира отличается от западных стран (Европа), и между тем отличается от восточных стран (Азия). Этот особый мир должен называться Евразийством.

По стадии своего развития, евразийство можно разделить на классическое евразийство и неоевразийство.

После победы Великой Октябрьской Социалистической Революции, группа антисоветских элементов эмигрировала за границу, где они сформировали «русскую эмиграцию». Классическое евразийство, являлось популярной среди русских эмиграционных ученых в Праге, Париже, Софии, Берлине социально-философской школой. Эта школа была недовольна социальной реальностью после Октябрьской революции, не понимала и не принимала красную дорогу, выбранную Советским Союзом, поэтому не могла жить и развиваться в стране. Хотя эти люди и были в изгнании, они продолжали исследовать развитие российского общества. Деятели евразийства утверждали, что Россия должна идти по третьему пути, то есть Россия не является ни европейской, ни азиатской, а именно евразийской страной. Они надея-

лись, что Россия благодаря своей культурной традиции и геополитического положения найдет свою уникальную дорогу. Так родилась идейно-культурная и социально-политическая доктрина - евразийство, оригинальное классическое евразийство.

Основные теории классического евразийства можно свести к следующим аспектам: Теория «Евразия» и «Евразийские народы». Нельзя просто назвать русский народ восточными славянами. Он является уникальным культурным миром, что не только связан с Востоком, но и связан с Западом. Россия занимает центральную позицию в рамках всего континента... она не часть Европы и не продолжение Азии. Она - самостоятельный мир, самостоятельная и особая духовно-историческая геополитическая реальность, которую П.У. Савицкий называет «Евразией». [Дугин, 2000].

Понятие «Евразия» рассматривалось основателями евразийства в трех измерениях. Первое – географическое: Евразия представляла собой срединную территорию (континентальную равнинную часть Европы и Азии) между Европой (странами Западной Европы) и Азии (Восточная Сибирь, Индия, Китай). Второе – этническое: на территории Евразии (то есть – России) сформировался особый культурно-цивилизационный тип человека – «русские – не европейцы и не азиаты, они – евразийцы». Наконец, третье измерение – экономическое: России необходимо развивать внутриконтинентальные экономические связи, исходя из ее географического расположения «моста» между Европой и Азией [Курылев, 2018].

Критика западной культуры. Западная философия и культура, построены на тупиковой рациональной основе и стремятся к неопровержимой логике. Одна из крупнейших особенностей европейской культуры является чрезмерное развитие личности. Она поставила свой образ мысли и ценности на абсолютную высоту. И, по ее мнению, другие культуры должны уступить ей дорогу. Так называемая мировая цивилизация и прогресс — это только западная цивилизация и его прогресс. Запад навязывал свою цивилизацию “нецивилизированным” странам и рассматривал это как дары этим

народам. Чтобы избавиться от оков Европы, дезориентированные в европейской культуре интеллектуалы должны быть зрелыми, должны признать ценности своей культуры и понимать вредность вхождения европейской культуры в свою культуру.

Реформы Петра I ввели западную культуру в Россию, что привело к дифференциации российского общества. Через реформы Россия начала идти по западному пути, но эти изменения в главном случались в высшем обществе. Между тем, низшим классам отказывали в доступе к образованию, православная религиозная деятельность — это всё содержание их духовной жизни. Низы общества не понимали западную культуру, и сформировали свой спонтанный психологический отпор.

Русская революция — это бунт против Бога. Большевиков представляют яркими представителями прозападных интеллектуалов, они выступали против Бога, что является исторической необходимостью. Между тем, революция уничтожила старый мир, толкнула угнетенный народ на следующую стадию истории. Большевизм не отразил волю народа, в конечном счете появился на мгновение. Только органически религиозная мысль (например, евразийская доктрина) будет верным проводником для евразийского народа. При этом народы завершат своё великое дело. Тогда свершится великий завет России, сбудется пророческая её тайна: умудренный и успокоенный народ и прозревшая интеллигенция примирено объединятся под одним великим и все разрешающим куполом Православной Церкви» [Сувчинский, 1921].

Создание независимого материкового рынка, развитие материковой экономики. По географическому положению, Евразия находится далеко от моря, и ее порты ограничены длинным замёрзшим берегом. Между тем, выходы к морю в руках враждебных стран, и поэтому она не может расширить справедливый «обмен океана» с Западом. В этом случае, нужно по принципу, установить независимый от океанской экономики материковый рынок, и развивать собственную разнообразную интеграционную материковую экономику. Не в обезьяньем копировании «океанической»

политики других, во многом к России несоотносимой, но в осознании «континентального» и в приспособлении — экономическое будущее России [Савицкий, 1921].

Политические амбиции. Евразийцы уважают волю к власти и верят в то, что идеи правящей партии имеют абсолютные права на общество. Россия под коммунистами и Италия под фашистами преследуют силу воли, но из-за отсутствия духовных и религиозных основ в ведущей идеологии, их власти были ослаблены. Евразийская доктрина выигрывает на этой территории. Евразийцы даже были готовы к тому, что вместо Коммунистической партии они будут держать бразды правления России.

Из-за различий в академических взглядах и политических предпочтений между деятелями евразийства, евразийская школа в конце 1920-х гг. начала распадаться. Хотя до 1937 г. евразийство как единая школа исчезла, но евразийская идеология сохранилась и оказала влияние на русскую эмиграцию, только влияние было слишком мелким в советский период.

После распада СССР, перед всеми заботившимися о Родине людьми стоял вопрос о российской судьбе. При таком исходе себя проявило неоевразийство. Доктрина неоевразийства появилась на фоне упадка и тяжелой трансформации России и других стран СНГ, она стремится к восстановлению статуса России в международном обществе, исследует модель социально-экономического развития с российской спецификой, и всеми силами превращает эту политическую мысль на стратегию развития и принципы управления. Для того чтобы отличать её от евразийства 1920-х гг., мы называем эту доктрину неоевразийством.

Главным представителем доктрины неоевразийства является А.Г. Дугин. Он разъясняет теорию геополитики, основанной на евразийстве. По его мнению, принцип неоевразийства — «почва, а не кровь» [Дугин, 2000] то есть географический принцип выше этнического. В мае 2002 г. на учредительном собрании «Партия Евразия» А. Дугин в своем длинном докладе всесторонне изложил теоретическую программу евразийской доктрины.

Экономическая политика. В экономическом споре двух фундаментальных сил нашего общества - сторонников реформ и противников реформ - мы (современные евразийцы) придерживаемся позиции третьего пути.<sup>7</sup> Евразийцы предложили создать благоприятные условия для развития частных малых и средних предприятий. Между тем, они думают, что все экономические, военно-промышленные и природно-ресурсные секторы имеющие стратегические значения, не могут быть переданы частным операторам, а должны наблюдаться государственной администрацией.

Для экономического развития Евразийцы предложили евразийскую модель и уверены, что концепция евразийского патернализма здесь оптимальна. Евразийская модель, суть которой можно выразить одним словом – «евразийский патернализм» или «автаркия больших пространств» - означает создание экономической модели, максимально развивающей внутренние ресурсы, в сочетании с дифференцированной открытостью всей территории евразийского «таможенного союза» по внешним геоэкономическим зонам.<sup>8</sup>

Внешняя политика. Сегодня в мире происходит процесс глобализации. Евразийство считает, что это не просто сближение между собой различных культур и цивилизаций, а унитарное одномерное навязывание всему миру кода американского (западного) общества с его специфической системой ценностей<sup>9</sup>. По мнению Дугина, этот процесс глобализации разрушает цивилизационную самобытность, и поэтому он действительно негативный. Евразийцы предлагали вместо «глобальной» и «однополярной» глобализации - альтернативный мир, который основан на «многополярной глобализации» и будет осуществлять промежуточный этап объединения ряда цивилизационных пространств в (более или менее) единые стратегические, цивили-

зационные, культурные и экономические блоки. Они предлагали альтернативную модель «мира по-евразийски», что заключается в сплочении «больших пространств», в интеграционных процессах на материке. Евразийцы - сторонники объединения Евразии, покрывающей приблизительно пространство СНГ, включая некоторые страны, которые цивилизационно входят в наш блок (такие, как Болгария, Монголия и Сербия)<sup>10</sup>.

Внутренняя политическая ситуация. По мнению А. Дугина, внутренняя политическая ситуация России очень сложна, и в какой-то степени находится под кризисом. Теперь, когда статус России в международной арене еще не определен, Россия находится в переходной геополитической структуре. Если Россия будет вовлечена в процесс глобализации и возвратится на Запад, то она будет еще раз расчленена. Будущее России лежит в том, чтобы стать центром и платформой в новой евразийской структуре. В качестве краткосрочной цели, можно построить «Евразийский союз», похожий на «Европейский союз», а в будущем создать новую и стабильную евразийскую структуру.

В «обрамление» России евразийским пространством он видит ключевую возможность для России как укрепить свой статус особой цивилизации, так и «собрать» все постсоветское пространство (пространство СНГ), поскольку фактически только Россия заинтересована в становлении этого региона глобальной силой. Отношения России с США А.Г. Дугин рассматривает в классических геополитических категориях «теллуократии» (то есть сухопутной державы или цивилизации Суши – России) и «талассократии» (морской державы или цивилизации Моря – США). Такой дуализм определяет неизбежное столкновение интересов двух сторон, исходя из их коренных, цивилизационных различий [Курылев, 2018]. Этот же подход определяет различное видение мирового устройства: по мнению А.Г. Дугина, любая цивилизация склонна к расширению, и столкновение их интересов обосновано тем,

<sup>7</sup> Выступление А.Г. Дугина на учредительном съезде политической партии «Евразия». <http://med.org.ru/article/220.1.3.2017>

<sup>8</sup> Выступление А.Г. Дугина на учредительном съезде политической партии «Евразия». <http://med.org.ru/article/220.1.3.2017>

<sup>9</sup> Там же.

<sup>10</sup> Там же.

что прилегающие к ним стратегические зоны могут тяготеть как к цивилизации Суши, так и к цивилизации Моря [Дугин, 2015. С. 57]. Запад, по его словам, отказывает России в существовании в качестве самостоятельной цивилизации, поэтому в качестве альтернативы однополярному миропорядку политолог видит Евразийский экономический союз [Дугин, 2015. С. 75].

В мае 2000 г. В.В. Путин официально вступил в должность нового президента России. Обобщая опыт прошлых лет и извлекая уроки дипломатии 1999-х гг., Путин предложил найти пути реформы, подходящие русскому обществу. Он подчеркнул, что российская внешняя политика носит глобальный характер, что не только в связи с военными и экономическими потенциалами, но и с геополитической ситуацией. Россия существует и на севере и на юге, и в Европе и в Азии. Согласно курсу политики В. Путина в отношении евразийства, российская дипломатия строго руководствуется принципами важности, как западного направления, так и восточного. Проводится сбалансированная внешняя политика в отношении Европы и Азии. Именно из этого исходит в формировании современной политической доктрины сегодняшнее политическое руководство России.

В октябре 2011 г. в статье «Новый интеграционный проект для Евразии», опубликованной газетой «Известия», В.В. Путин отметил, что реинтеграция постсоветского пространства вокруг России является естественной геополитической судьбой евразийских стран, а также о том, что «только вместе наши страны могут войти в число лидеров глобального роста и цивилизационного прогресса»<sup>11</sup>. В своей статье В. Путин, занимавший пост премьер-министра России, указывал на перспективы более глубокой интеграции на евразийском пространстве и о необходимости совместной работы евразийских стран, в качестве моста между Европой и АТР; на выгодность как для самих стран будущего союза, так и для всех участников мирового рынка.

<sup>11</sup> Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня [Электронный ресурс] // Известия. 03.11.2011. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/502761>

В октябре 2013 г., выступая на заседании клуба Валдай, вернувшийся на пост президента России В.В. Путин указывал, что участие в проекте «Евразия» является шансом сохранить свою культурно-историческую идентичность, а также политическую субъектность. Как заявил российский лидер, «Европа ушла от своих христианских основ», религия стала вытесняться из общества. Это привело к тому, что стали искажаться семейные ценности и получать оправдания нетрадиционные виды отношений. Евразийские государства едины в убеждении, что это неверный путь развития: в российском обществе, а также в обществах других евразийских стран, сильна поддержка традиционных семейных ценностей, а также доверие государственным и религиозным лидерам. Согласно В.В. Путину, лишь сохраняя свою культурную самобытность, евразийские страны могут претендовать на то, чтобы стать «самостоятельным центром развития, а не периферией Европы и Азии»<sup>12</sup>.

Отдельно нужно сказать и о Казахстане, евразийские идеи президента которого весьма оригинальны и востребованы. В своем выступлении перед профессорско-преподавательским составом МГУ им. М.В. Ломоносова 29 марта 1994 г. глава Казахстана подчеркнул, что «теперь, в условиях независимости, признавая равные права всех, уважая суверенитет и независимость каждого государства, можно было бы создать совершенно новое объединение». Существенно, что при этом он подчеркнул: «Я бы его назвал Евразийский - не Евроазиатский! – союз». Также было отмечено – «никакой “старый Союз” этим самым не воссоздается. Никакая империя не наступает» [Назарбаев, 2000. С. 266-267]. Именно тогда в проекте «О формировании Евразийского союза государств» Н.А. Назарбаевым был инициирован новый этап в развитии евразийства как интеллектуальной концепции, как политического мировоззрения и

<sup>12</sup> Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» 19.09.2013 [Электронный ресурс] // Официальные сетевые ресурсы Президента России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243>

интеграционной практики [Евразийство, 2004].

Новизна современной евразийской идеи определяется следующими составляющими: во-первых, она была предложена лидером тюркоязычного и, преимущественно, мусульманского, государства на постсоветском пространстве; во-вторых, имеет региональный и международный формат; в-третьих, новое евразийство стало казахским, казахстанским евразийством; в-четвертых, переход на новый уровень взаимоотношений бывших советских республик в политической, экономической и культурной сферах [Курылев, 2018].

За более чем десять лет, пройдя Таможенный союз (Россия, Беларусь и Казахстан), Евразийское экономическое сообщество (Россия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан) и Единое экономическое пространство (Россия, Беларусь и Казахстан), в конечном счете в мае 2014 г. президент России В. Путин, президент Беларуси А. Лукашенко, Президент Казахстана Н. Назарбаев подписали «Договор о Евразийском Экономическом Союзе». [1 января](#) 2015 г. договор о создании Евразийского экономического союза вступил в силу. По договору «Евразийского Экономического Союза», к 2025 г. в Евразийском экономическом союзе будут достигнуты цели свободного передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а конечной целью является создание экономического союза похожего на Европейский союз. В. Путин определил одну из главных целей Евразийского экономического союза следующим образом: «Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной “связки” между Европой и динамичным АТР»<sup>13/</sup>

В создании ЕАЭС ярко проявляется курс внешней политики по отношению к Евразии при В. Путине. С одной стороны, из-за условий, требуемых ЕС, как заверше-

ние внутренних реформ, демократическая свобода, право человека и другие, Россия отказалась участвовать в европейской «политике соседства», между тем, руководители Евросоюза и России предпринимали попытки достичь своих целей путем экономического сотрудничества ЕС и Россией. С другой стороны, Россия стремится ускорить процесс интеграции в постсоветском пространстве, укрепить экономическое и политическое сотрудничество с странами Центральной Азии. И в этом контексте был создан Евразийский экономический союз. Стоит отметить, что, в настоящее время отношения ЕС и Россией находятся на самом низком уровне после Холодной войны. Вместе с тем, полагаем, что в общем, Россия не абсолютно выбрала «поворот на Восток», она просто стремится к равновесию между «Западом» и «Востоком», именно в этом заложен ключевой смысл доктрины евразийства.

Прежде всего, экономический пояс шелкового пути - это наследие и развитие Великого шелкового пути. Дух великого шелкового пути и принцип ЭПШП совпадают. Во-вторых, представляется, что одной из идеологических вариаций в развитии России могут служить идеи евразийства, приобщение к которым позволит нашей стране объединить государства, с опасением относящихся к попыткам коллективного Запада во главе с США насадить свою гегемонию. Ведь Россия всегда с уважением относилась к традициям других народов, никогда и никому не отказывала в своем самобытном развитии, что выгодно отличает ее других. В-третьих, китайская инициатива Экономический пояс Шелкового пути и российский проект Евразийский экономический союз имеют прочные теоретические основы и идеологические источники. В значительной степени они имеют общие интересы, и в которых заключается основа их сопряжения.

## БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Дугин А.Г.* Война континентов. Современный мир в геополитической системе координат. – М.: Академический проект, 2015. – 359 с.
2. *Дугин А.Г.* Многополярный мир и рос-

<sup>13</sup> Евразийский союз будет строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы. AVA. <https://ava.md/2011/10/05/vladimir-putin-my-predlagaem-model-moschnogo/>. 05.04.2017.

сийская внешняя политика // *Международная жизнь*, № 9, Сентябрь 2012.

3. *Дугин А.Г.* Основы геополитики. М.: Арктогея, 2000.
4. Евразийство: от идеи к практике. Международная научно-практическая конференция, посвященная 10-летию Евразийской инициативы Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева. Астана, 2004.
5. *Курьлев К.П., Какенова Г.М., Алиева С.К., Смолик Н.Г.* Идеология евразийства // *Незападные теории международных отношений*. М.: Аспект-пресс, 2018.
6. *Курьлев К.П., Станис Д.В., Ин В.* Экономический пояс Шелкового пути как геоэкономический проект КНР // *Диалог: политика, право, экономика*. 2016. № 3. С. 83-92.
7. *Мамлева Л.А.* Становление Великого шелкового пути в системе трансквиализационного взаимодействия народов Евразии // *Vita Antiqua*. 1999. № 2
8. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Стратегия вечной дружбы. Казахстана - Россия. М, 2000.
9. *Савицкий П.Н.* Континент - Океан (Россия и мировой рынок). // *Исход к востоку: предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев*. София, 1921.
10. *Сувчинский П.П.* Эпоха Веры // *Исход к востоку: предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев*. София, 1921.

**Сведения об авторе:** Ни Ваншу — магистр в области международных отношений (e-mail: 2357448610@qq.com).

#### CONCEPTUAL BASES OF PROJECTS THE ECONOMIC BELT OF THE SILK ROAD AND THE EURASIAN ECONOMIC UNION

**Ni Vanshou**

Peoples' Friendship University of Russia  
(RUDN University), Moscow, Russia

*Abstract.* The article considers the conceptual foundations of the Chinese initiative "The Economic belt of the Silk Road" and the Russian project "Eurasian Economic Union". The author comes to the conclusion that EPS is an inevitable result of regional cooperation and

social development in the era of economic globalization, that is, China has put forward such an initiative, considering not only the need for China's own development, but also the need for long-term development of Eurasia. In turn, one of the ideological variations in the development of Russia can serve as the ideas of Eurasianism, the admission to which will allow our country to unite states, with fears related to attempts of the collective West led by the USA to plant its hegemony.

Preparing the study, the author used a huge methodological list of economic and political science. These are: the method of normative analysis, the method of induction, and the method of systemic analysis (economics). The method of constructing scenarios and the normative-value approach are the political tools of this study.

*Keywords:* Economic belt of the Silk Road, Eurasian Economic Union, Russia, China, Central Asia, conjugation.

#### REFERENCES

1. *Dugin A.G.* War of the Continents. The modern world in the geopolitical system of coordinates. - Moscow: Academic Project, 2015. - 359 p.
2. *Dugin A.G.* Multipolar world and Russian foreign policy // *International life*, No. 9, September 2012.
3. *Dugin A.G.* Fundamentals of geopolitics. М.: Арктогея, 2000.
4. Eurasianism: from idea to practice. International scientific and practical conference dedicated to the 10th anniversary of the Eurasian initiative of the President of the Republic of Kazakhstan N.A. Nazarbayev. Astana, 2004.
5. *Kurylev K.P., Kakenova G.M., Alieva S.K., Smolik N.G.* Ideology of Eurasianism // *Non-Western theories of international relations*. Moscow: Aspect-Press, 2018.
6. *Kurylev K.P., Stanis D.V., Van In.* Economic belt of the Silk Road as a geo-economic project of the PRC // *Dialogue: politics, law, economics*. 2016. № 3. P. 83-92.
7. *Mamleva L.A.* Formation of the Great Silk Road in the System of Transcivilizational Interaction of the Peoples of Eurasia // *Vita Antiqua*. 1999. № 2

8. President of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev. The strategy of eternal friendship. Kazakhstan - on - Russia. M, 2000.
9. *Savitsky P.N.* Continent - Ocean (Russia and world market). // Exodus to the East: forebodings and accomplishments. The statement of the Eurasianists. Sofia, 1921.
10. *Suvchinsky P.P.* The Age of Faith // Exodus to the East: Presentiments and Achievements. The statement of the Eurasianists. Sofia, 1921.

**About the author:** Ni Vanshou — Master in International Relations (e-mail: 2357448610@qq.com).

## ТУРЦИЯ И РОССИЯ: ВОЗМОЖНО ЛИ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО?

А.Г. Ибрагимов

Бакинский Государственный Университет,  
Баку, Азербайджанская республика

*Аннотация.* В статье рассматриваются турецко-российские отношения с упором на возрастающую роль «новых держав» в меняющемся глобальном порядке. Турция, являясь давним членом западного блока и кандидатом на членство в Европейском союзе (ЕС), желает играть более активную роль как независимая держава, как на региональном, так и на глобальном уровнях. Особенность турецко-российских отношений связано с тем, что обе страны имеют имперское наследие и воспринимают себя как решающих региональных и глобальных субъектов, что иногда выходит за рамки их реальных возможностей. Этот элемент несоответствия между ожиданиями и способностью четко различает как Турцию, так и Россию от многих других держав. В то время, когда обе страны сталкиваются с относительным удалением от ЕС и США в результате их более агрессивных внешнеполитических шагов, их соответствующие геополитические взгляды на более высокий международный статус дополняют их партнерство, несмотря на острые разногласия по таким вопросам, как Сирия. Неудачи в сотрудничестве Турции с США, сильная антиизраильская риторика и «флирт» с Шанхайской организацией сотрудничества вызывают обеспокоенность ее западных союзников. Тем не менее, учитывая давние дипломатические, экономические и военные связи Турции с Западом, хотя и в последние годы Турция проводит более независимый курс внешней политики, особенно перед лицом растущего разочарования процессом членства в ЕС, Турция не намерена полностью отделиться от Запада и отдать приоритет отношениям со своими беспокойными соседями.

*Ключевые слова:* Турция, Россия, взаимозависимость, стратегическое партнерство, конфликт

После многолетних конфликтов и антагонистических отношений между Турцией и Россией в период «холодной войны» на основе ряда двусторонних соглашений, а также на основе свободного регионального интеграционного соглашения в рамках проекта Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) за относительно короткий период в два десятилетия сложилось значительное партнерство<sup>1</sup>. Более того, эта связь сложилась в то время, когда США и Европа продолжали служить в качестве основного ориентира для Турции, страны, которая десятилетиями сохраняла свою приверженность таким западным институтам, как НАТО и ЕС, несмотря на серьезные неудачи в отношениях с Брюсселем. Мы считаем, что, несмотря на растущую экономическую взаимозависимость и дипломатические инициативы со стороны президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана и президента России Владимира Путина в последние годы, двусторонние отношения по-прежнему характеризуются значительными элементами конфликта. Хотя продолжение взаимодействия между странами является позитивным событием, мы считаем концепцию стратегического партнерства преувеличением турецко-российских отношений на современном этапе их эволюции. Стратегическое партнерство будет сложно обеспечить до тех пор, пока сохраняются значительные разногласия в геополитических ориентациях и политических взглядах государств.

Одной из ярких черт последних трех десятилетий турецко-российских отношений является углубление многомерного характера экономической взаимозависимости. Рост экономических отношений между Турцией и Россией был глубоким. Значительные отношения развивались в области торговли, инвестиционных связей и строительных работ, а также туризма и потоков рабочей силы. Этот рост произо-

<sup>1</sup>Aktürk, Şener. "Turkish–Russian Relations after the Cold War (1992–2012)." *Turkish Studies* 7, no. 3 (2009), p.337–364.

шел и на фоне растущего человеческого и культурного взаимодействия<sup>1</sup>.

Двусторонние экономические отношения имеют три основных аспекта: торговля, инвестиции и туризм. Объем торговли между Турцией и Россией увеличился с 4,5 млрд. долл. США в 2000 г. до 33,4 млрд. долл. США в 2012 г. Однако впечатляющее увеличение торговых отношений имеет однобокий характер, поскольку торговый дефицит Турции за последнее десятилетие значительно увеличился. Согласно данным за 2012 год, торговый дефицит Турции с Россией увеличился до более чем 20 млрд долл.

Второе измерение растущей взаимозависимости между Россией и Турцией - инвестиционный канал. Строительные фирмы Турции в течение последних нескольких десятилетий существенно инвестировали в российский рынок. Общий объем строительных проектов, выполненных турецкими фирмами в период с 1972 по 2012 гг., увеличился до более чем 39 млрд. долл., большинство из которых были проведены за последнее десятилетие<sup>2</sup>. В этом контексте следует отметить растущее участие частных субъектов в двусторонних отношениях. Хотя прямые иностранные инвестиции занимают относительно низкую долю в двусторонних экономических отношениях, последняя тенденция указывает, что турецкие фирмы начали значительно инвестировать в российские рынки.

Возрастающее экономическое и человеческое взаимодействие также побудило ряд турецких банков открыть новые филиалы в России. Можно утверждать, что важнейшим аспектом возникающей взаимозависимости между сторонами является институционализация двусторонних экономических отношений. Создание Совета сотрудничества высокого уровня в мае 2010 г. стало поворотным моментом в отношениях между Россией и Турцией в плане экономических связей, поскольку

Объединенная экономическая комиссия составляла одну из трех основ этой новой институциональной структуры<sup>3</sup>. Обе страны также сосредоточивают свое внимание на развитии промышленного сотрудничества в сфере энергетики, металлов и автомобилестроения, а также в финансовом и инновационном секторах.

Третьим аспектом растущей взаимозависимости в отношениях между Турцией и Россией является туризм. В апреле 2011 г. вступили в силу безвизовые поездки в течение 30 дней между Россией и Турцией - исторический рубеж, усиливающий взаимодействие на уровне общества, а также подразумевающий взаимное доверие. Благодаря высокому спросу со стороны российских гостей, Турция продлила безвизовый период поездки до 60 дней в мае 2012 г. Масштабы туризма, мобильности рабочей силы и межбрачных отношений - в соответствии с нынешним рисунком примерно в 300 тыс. чел. - отражают растущее человеческое взаимодействие между Россией и Турцией в последние годы. Эти цифры показывают, что отношения выходят за пределы экономической взаимозависимости и все чаще воплощают важные социальные и культурные компоненты. Глубокий характер отношений подразумевает, что они, вероятно, будут более долговечными.

Соглашение о ЧЭС было подписано в 1992 г. Россия и Турция были основными странами по существу «региональному интеграционному проекту Юг-Юг», что означает, что ни одна из вовлеченных стран, особенно на ранних стадиях становления, не была страной с избытком капитала, способным действовать как двигатель роста для региона в целом<sup>4</sup>. В качестве инициатора проекта ЧЭС особенно важна для Турции. Тургут Озал, тогдашний президент, был ключевым действующим лицом в воплощении этой идеи в 1992 г. После вступления в силу его Устава он

<sup>1</sup> Кудряшова Е. Активизация российско-турецких отношений: сущность и перспективы. МГИМО, Известия, № 5(26), 2012.

<sup>2</sup> Özdal, Habibe. Türkiye-Rusya İlişkileri: Rekabetten Çok Yönlü İşbirliğine Rapor No. 2013-6, USAK Raporları. Ankara: USAK Yayınları, 2013.

<sup>3</sup> Kanbolat, Hasan. 2012. "Davutoglu in Moscow: New Era in Turkish Russian Relations." Today's Zaman, January 23.

<sup>4</sup> Aydın, Mustafa. Regional Cooperation in the Black Sea and the Role of Institutions. Perceptions. Journal of International Affairs 10, no.3(2005): 57-84.

стал официальным юридическим лицом как «региональная экономическая организация» 1 мая 1999 г. Содействуя достижению целей экономического сотрудничества и регионализма, ЧЭС стремится внести свой вклад в обеспечение безопасности и стабильности в регионе посредством экономического сотрудничества в качестве основного приоритета.

Ожидалось, что проект ЧЭС создаст определенную экономическую и политическую стабильность и определенную единообразие в экономической политике и нормативных стандартах, создав силу притяжения для прямых иностранных инвестиций из других регионов мира, особенно из соседнего ЕС. Во многих отношениях ОЧЭС похожа на ведущее региональное соглашение Юг-Юг в Латинской Америке, Меркосур. В то же время можно было бы утверждать, что степень институционализации интеграции и координации политики была более глубокой в МЕРКОСУР, чем в ОЧЭС.

ОЧЭС осталась свободной схемой интеграции по нескольким взаимосвязанным причинам. Во-первых, ни одно из ключевых государств, участвующих в проекте, не хотело делегировать национальные государственные полномочия наднациональному органу. В российском случае было очевидно, что делегирование значительной автономии ЧЭС приведет к уменьшению российского влияния. Это было бы неприемлемо для такой глобальной державы, как Россия, которая считает себя региональным гегемоном не только на Черноморском пространстве, но и на постсоветском пространстве. Во-вторых, более институционализированное и жесткое членство в ЧЭС потребует значительного делегирования полномочий наднациональному органу. Сама гибкость ЧЭС позволила ей сосуществовать с ее более формальным, институционализированным партнером, ЕС, не вызывая серьезных трений или непреодолимых юридических проблем. В-третьих, более глубокий элемент, который ограничивал более формальное и институционализированное взаимодействие между государствами в регионе Черного моря, заключался в отсутствии общих норм.

Например, не было достигнуто консенсуса в отношении демократических ценностей и практики в области прав человека, сопоставимых с консенсусом в ЕС. ОЧЭС характеризовалась сосуществованием различных политических режимов. В-четвертых, в регионе отсутствуют финансовые ресурсы для значительных внутрирегиональных трансфертов, канал для большего делегирования автономии и более формальный процесс интеграции.

Общее восприятие ЧЭС в течение двух десятилетий — это проект, который имел ограниченный успех. В рамках межправительственного соглашения регулярно проводятся встречи глав государств. Однако степень политического сотрудничества была довольно ограниченной. Организация также была в значительной степени неспособна вызвать политические изменения и урегулировать крупные межгосударственные конфликты. Долгосрочные конфликты, такие как нагорно-карабахский, не поддались какому-либо механизму разрешения конфликтов. Тем не менее регион был довольно динамичным с экономической точки зрения, о чем свидетельствует взаимозависимость, сложившаяся между странами-членами ЧЭС за последние несколько десятилетий. Хотя Россия и Турция являются основными движущими силами и основными бенефициарами этого процесса, другие соседние государства также выиграли. В этом смысле ЧЭС может рассматриваться как пример процесса интеграции снизу-вверх. Торговля, инвестиции и потоки людей могут создать значительный экономический динамизм и взаимозависимость, способствуя стабильности и безопасности, несмотря на отсутствие общих политических норм и сильную региональную идентичность.

По сравнению с ЕС, ЧЭС представляет собой другой стиль интеграции. Другими словами, ЧЭС представляет собой случай гибких границ со слабыми правами, в которых выгода получается главным образом из частных экономических обменов. Напротив, ЕС представляет собой пример жестких границ со значительными перераспределяющими выгодами. Мы можем утверждать, что сложившиеся между Тур-

цией и Россией сильные экономические отношения в значительной степени эволюционировали в результате ряда двусторонних шагов, встреч на высшем уровне и договоров. ЧЭС косвенно способствовала этому, но не находилась в центре данного процесса. Феноменальный рост экономической взаимозависимости между Россией и Турцией иллюстрирует степень взаимопроникновения между державами. Тем не менее, отношения все еще не достигают «стратегического партнерства». Критическое различие между двумя странами заключается в расхождении геополитических союзов и интересов. Эта разница между двумя государствами была проиллюстрирована в контексте сирийского кризиса. Однако чрезмерное вовлечение Турции в Сирию также вызывают озабоченность. В сирийском контексте Турция активно добивалась смены режима, чтобы свергнуть президента Башара Асада, который вел жестокую войну против противников своего режима. С другой стороны, Россия поддерживает режим Асада и принцип государственного суверенитета Сирии. Появление самопровозглашенного Исламского Государства Ирака и Леванты (ИГИЛ)<sup>1</sup> еще более осложнило ситуацию как для Турции, так и для России. Расхождения в подходах Москвы и Анкары к радикальным исламистским группам и сепаратизму добавили новое измерение к уже существующей напряженности в отношении двусторонних отношений. Россия весьма критично расценивала мягкое отношение Турции к ИГИЛ. Из Москвы также высказывались критические замечания относительно политики Анкары по курдскому вопросу после прекращения мирного процесса и возобновления вооруженного конфликта с ПКК.

Турецко-российские отношения по-прежнему сталкиваются с некоторыми проблемами в связи с военными конфликтами на Кавказе<sup>2</sup>. Например, в случае Нагорно-Карабахского конфликта Турция и Россия оказались на противоположных

сторонах, при поддержке Турцией Азербайджана и политике России, нацеленной на Армению. Роль посредника Турции в различных конфликтных ситуациях приобретает все большее значение для укрепления ее статуса в качестве ключевой региональной силы. Однако эта роль также ограничена сложной региональной динамикой. Учитывая значительное влияние России на Армению, по крайней мере молчаливое одобрение со стороны России имеет решающее значение для подлинного прорыва в Нагорно-Карабахском конфликте, который в настоящее время представляется маловероятным. В этом отношении российская стратегия будет в значительной степени зависеть от общего контекста американо-российских отношений. Можно смело утверждать, что углубляющееся экономическое сотрудничество между Турцией и Россией пока не привело к столь же сильному геополитическому партнерству, направленному на разрешение основных продолжающихся конфликтов в регионе. Более того, Турция будет испытывать неудобства с точки зрения разрешения таких конфликтов на Кавказе и своего давнего конфликта с Арменией, если она действует сама по себе и рассматривает Россию на двусторонней основе, а не действует совместно с ЕС, как стран-кандидат и потенциальный член Союза.

В целом, однако, поразительно, что геополитическое соперничество и конфликты, в то же время напряженные отношения серьезно не нарушили глубину двусторонних связей и степень экономической взаимозависимости, сложившуюся в течение последних двух десятилетий. Это свидетельствует о росте экономической взаимозависимости, особенно благодаря поддержке мощных заинтересованных сторон как внутри государства, так и за его пределами. Например, в контексте сирийского кризиса основные различия между правительствами Эрдогана и Путина, создавая значительную политическую напряженность, не привели к фундаментальному сдвигу в турецко-российских отношениях. Сирийский кризис показывает, что установление высокого уровня двусторонних отношений позволяет обеим сто-

<sup>1</sup> Организация запрещена на территории РФ

<sup>2</sup> Baev, Pavel K. *Russia and Turkey in Conflict (Mis)management in the Caucasus*. Policy Brief 06/2013. Oslo: Peace Research Institute Oslo, 2013.

ронам разделять экономические проблемы и геополитическое соперничество и избегать негативного распространения определенных разногласий в областях двустороннего сотрудничества. Однако, если расхождения по Сирии будут углубляться дальше, было бы гораздо труднее сократить негативные последствия в экономической сфере. Турция также выразила озабоченность по поводу необходимости сохранения территориального единства Украины и сохранения прав и безопасности крымских татар. Тем не менее, Турция не столь жестко критиковала Россию в отношении кризисов в Крыму и последующих политических волнений в Украине. Более того, отсутствие сотрудничества с США и ЕС в отношении санкций против России вызывало дальнейшую напряженность в уже напряженных отношениях Анкары со своими западными союзниками.

В ответ на западные санкции президент Путин запретил импорт фруктов и овощей из ЕС и весь импорт продовольствия из США. Анкара отреагировала на запрет, протянув «оливковую ветвь» России. Министр финансов Турции Н.Зейбекчи подошел к кризису между Москвой и ЕС и США как «возможность» для Анкары. Министр иностранных дел Турции М.Чавушоглу также признал, что Турция не хочет вступать в санкции ЕС против России, и подчеркнул, что Москва является важным торговым партнером Турции. Он также призвал другие страны ЕС «реалистично» думать о том, могут ли они обойтись без российского газа, отметив, что «каждая страна должна учитывать свои собственные интересы». Таким образом, к страху стран ЕС и США Анкара воспользовалась запретом на импорт продовольствия из стран ЕС, увеличив экспорт рыбы и мяса в Россию до рекордных уровней.

Еще одной серьезной проблемой для Турции в создании «стратегического партнерства» является асимметричный характер экономической взаимозависимости, построенной между Турцией и Россией на протяжении многих лет. В настоящее время Турция больше зависит от России, учитывая ее сильную зависимость от импорт-

ных нефтегазовых ресурсов. Вероятно, степень зависимости России от Турции со временем уменьшилась в результате роста и диверсификации собственного частного сектора, чего не было на ранних этапах перехода к рыночной экономике. Конечно, торговля между двумя странами представляет собой двусторонний процесс, и Турция создает значительные валютные запасы от деятельности своих строительных фирм и большого количества российских туристов, посещающих Турцию. Тем не менее эта структурная асимметрия в экономических отношениях Турции с Россией может, естественно, ограничить переговорные возможности с Москвой.

Усилилась глобальная борьба за доступ к энергоресурсам и контроль над ними. Россия, США, ЕС и Китай являются основными глобальными акторами со значительными интересами и влиянием в Каспийском регионе, в то время как Турция, Азербайджан и Иран являются региональными акторами. Задача, связанная с транспортировкой каспийских энергоносителей на международные рынки, еще более усложняет динамику между поставщиками энергии, странами транзита энергии и потребителями энергии, превращая «трубопроводную политику» в неотъемлемую часть великой энергетической игры. В этом отношении Турция становится все более значимой как страна транзита энергии, стремясь стать «энергетическим центром», критическим для европейской энергетической безопасности<sup>1</sup>.

Критически важной частью этих инициатив является энергетический коридор Восток-Запад, инициированный интенсивным сотрудничеством между Турцией, Азербайджаном, Грузией и США. Энергетический коридор нацелен в первую очередь на транспортировку каспийской и среднеазиатской сырой нефти, и природного газа на мировые рынки через безопасные альтернативные маршруты. Основными компонентами этого значитель-

<sup>1</sup> Tekin, Ali, and Paul Williams. *Geo-politics of the Euro-Asia Energy Nexus: The European Union, Russia and Turkey – New Security Challenges*. New York: Palgrave Macmillan, 2011.

ного энергетического сотрудничества являются нефтепровод БТД, газопровод «Шах-Дениз» (Баку-Тбилиси-Эрзурум) и проекты Транскаспийского природного газа и их дополнительная инфраструктура. Завершение строительства трубопровода БТД было особенно значительным, поскольку оно открыло нероссийский маршрут транзита нефти, чтобы доставить не имеющую выхода к морю каспийскую нефть на мировые энергетические рынки.

Россия, как решительный игрок в области энергетической политики, предприняла значительные усилия, чтобы подорвать зарождающийся проект «Набукко», продвигая проект «Южный поток», поддерживаемый Газпромом, в качестве альтернативы. В настоящее время оба проекта отложены. Первоначально проект «Южный поток» был объявлен в 2007 г. и направлен на транспортировку российского природного газа европейским потребителям через Болгарию и Сербию в Венгрию и Австрию. Предполагалось, что самый короткий первоначальный маршрут пройдет через континентальные шельфы России, Украины, Румынии и Болгарии. Однако в результате газовых споров с Украиной российские власти начали рассматривать более длительный маршрут, идущий по исключительной экономической зоне Турции, для чего им было необходимо согласие прибрежного государства в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву, так как негативные последствия конфликта между Россией и Украиной показали, что чрезмерная зависимость от одного поставщика и транспортного маршрута стала очень рискованной для европейской энергетической безопасности.

Хотя Турция занимается разработкой международных трубопроводных проектов, она также сталкивается с необходимостью удовлетворения внутренних энергетических потребностей. Недостаточные внутренние поставки Анкары в сочетании с собственной чрезмерной зависимостью от российского природного газа ставят под вопрос энергетическую безопасность Турции. Несмотря на конкуренцию с Россией в контексте энергетического коридора Восток-Запад, Турция сильно зависит от

Москвы за свои собственные внутренние энергетические потребности. Следовательно, он пытается не отчуждать своего огромного соседа, сотрудничая с ним в других энергетических проектах, таких как «Голубой поток». Эта парадоксальная ситуация требует более всеобъемлющей энергетической стратегии для Турции, предполагающей более тесное сотрудничество с первичными глобальными и региональными акторами в поисках более сбалансированных отношений с Россией.

В этом контексте активизируется энергетическое сотрудничество между Турцией и Азербайджаном. В качестве новой энергетической инициативы 26 июня 2012 г. Эрдоган и президент Азербайджана Ильхам Алиев подписали межправительственное соглашение о запуске Трансанатолийского трубопровода (TANAP) с первым газовым потоком, ожидаемым в 2018 г. Предполагаемый объем годового газового транспорта - 16 млрд. куб. м, 6 млрд. куб. м предназначено для внутреннего потребления в Турции, а оставшиеся 10 млрд. куб. м - в Европу. Ожидается, что через 15 лет мощность TANAP достигнет 31 млрд. куб. м, что эквивалентно полной мощности Nabucco<sup>1</sup>. Первоначально TANAP имеет более ограниченную сферу действия, но более высокую выполнимость. В середине 2013 года было принято решение о подключении TANAP к Трансадриатическому трубопроводу (TAP) для транспортировки азербайджанского газа в Европу. Из-за ограниченного объема этого проекта, который не полностью устранил альтернативные проекты, TANAP не получил ожесточенной оппозиции, которую Nabucco вызвал у России. Более того, в качестве балансирующего акта, чтобы успокоить Москву, всего через два дня после подписания меморандума о взаимопонимании для TANAP 28 декабря 2011 г., Турция и Россия подписали соглашение об использовании исключительной экономической

<sup>1</sup> Kılavuz, M. Tahir, and Şuhnaz Yılmaz. Restoring Brotherly Bonds: Turkish–Azeri Energy Relations. Washington, DC: PONARS (The Program on New Approaches to Research and Security in Eurasia) Eurasia Policy Memo 240. 2012.

зоны Турции в Черном море для транзита российского газа в Европу.

Глобальное энергетическое поле очень динамично и в последнее время стало свидетелем резких изменений, появившихся для ключевых игроков, начиная от последствий революции сланцевого газа в США и резкого падения цен на нефть на мировых рынках. В то время как падение цен на нефть представляет собой серьезную проблему для Москвы, что вызывает серьезные негативные последствия для ее экономики, особенно хорошая новость для Турции заключается в том, чтобы смягчить проблемы дефицита текущих потоков, возникающие главным образом из импорта энергии.

Во время своего визита в Анкару 1 декабря 2014 г. президент Путин объявил о решении отложить проект «Южный поток» стоимостью 45 млрд. долл. Главный исполнительный директор «Газпрома» А. Миллер также сообщил журналистам в Анкаре, что «проект закончился». Это явный признак того, что экономические связи России с Европой еще более затрудняются по мере того, как кризис в Украине сохраняется. Маршрут под Черным морем обеспечил бы «Газпрому» более прямой путь для поставок газа в Европу, план, которому ЕС недавно начал возражать, поскольку это уменьшило бы влияние Украины на Москву. В настоящее время Россия продолжает поставлять газ в Турцию по трубопроводу «Голубой поток», увеличивая поставки на три миллиарда кубических метров в год. В свете этих событий Турция еще раз подтвердила приверженность Анкары TANAP и TAP важнейшими элементами «цепи» Южного газового коридора, а также турецко-российскому энергетическому сотрудничеству.

Еще одна новая область сотрудничества между Турцией и Россией — это область ядерной энергетики<sup>1</sup>. В рамках своей новой стратегии обеспечения энергетической безопасности правительство Турции планирует к 2023 г. построить три атомных электростанции. В то время, когда не-

которые страны пересматривают свои сценарии ядерной энергетики, турецкое правительство продемонстрировало политическую волю к реализации своих планов в области атомной энергии. В июле 2010 г. парламент Турции утвердил законопроект о межправительственном соглашении между Россией и Турцией о строительстве первой в Турции атомной электростанции в Аккую, городе в провинции Мерсин. Соответственно, российская государственная атомная энергетическая компания «Росатом» построит и эксплуатирует атомную электростанцию в Аккую. Первый реактор, как ожидается, начнет выработку электроэнергии в 2019 г. Стратегия ядерной энергетики Турции основана на повышении энергетической безопасности, сокращении выбросов углерода и получения преимуществ передачи технологии. В то время как Россия представила коммерчески привлекательную сделку, некоторые серьезные проблемы все еще остаются. Турция расположена в зоне, подверженной землетрясениям. В дополнение к сейсмическим рискам также существуют риски утечки радиоактивных отходов, проблем с радиоактивными отходами и хранением, экологических рисков для морской жизни, проблемы безопасности защиты атомной электростанции от террористических нападений, риска аварий и потенциального кризиса распространения. Все это является серьезной проблемой. Существует также серьезная потребность в эффективном надзорном механизме, способном отслеживать каждый этап процесса<sup>2</sup>. Что касается отношений между Турцией и Россией, эта новая сделка будет иметь двойное воздействие. С одной стороны, это укрепит турецко-российские экономические связи и обеспечит еще более 20 миллиардов долларов российских инвестиций в Турцию, а также позволит передавать некоторые технологии. С другой стороны, это сделает Турцию еще более зависимой от Москвы. Тот факт, что россияне будут поддерживать собственность на АЭС после строительства, является важным фактором, под-

<sup>1</sup> Примаков Е.М. Турция: новая роль в современном мире. М., 2012.

<sup>2</sup> Ülgen, S. Nükleer Enerjiye Geçişte Türkiye Modeli EDAM Report. İstanbul: EDAM, 2011.

черквивающим растущую асимметричную взаимозависимость Турции и России.

Турецко-российское экономическое партнерство также иллюстрирует пределы возникновения подлинно сильного «стратегического партнерства» между государствами с широко контрастирующими геополитическими перспективами. Это говорит о том, что постоянное углубление связей с Россией очень выгодно для Турции, но должны проводиться в более широких европейских рамках, подчеркивая сохраняющуюся актуальность кандидатуры в ЕС.

Более широкие последствия заключаются в том, что новые альянсы, основанные на значительной экономической взаимозависимости, внося вклад в стабильность и создание прочных партнерских отношений между государствами, также содержат некоторые фундаментальные недостатки. Учитывая характер асимметричной взаимозависимости, лежащей в основе таких союзов, важный рычаг более слабого партнера значительно ограничен по ряду ключевых вопросов или областей политики. В турецко-российских отношениях произошел сдвиг парадигмы от конфликта к конкуренции и, наконец, к сочетанию конкуренции и сотрудничества. Этот сдвиг отражается в сложной сети отношений, которая все ближе связывает этих исторических соперников. Тем не менее сохраняются политические и геостратегические проблемы раздора, а также асимметрия взаимозависимости, особенно в результате уязвимости Турции в связи с ее высокой энергетической зависимостью.

#### БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Aktürk Şener. "Turkish–Russian Relations after the Cold War (1992–2012)." *Turkish Studies* 7, no. 3 (2009), p.337–364.
2. Aydın Mustafa. *Regional Cooperation in the Black Sea and the Role of Institutions. Perceptions.* *Journal of International Affairs* 10, no.3(2005):57–84.
3. Baev Pavel K. *Russia and Turkey in Conflict (Mis)management in the Caucasus.* Policy Brief 06/2013. Oslo: Peace Research Institute Oslo, 2013.
4. Balcer Adam. "The Future of Turkish–Russian Relations: A Strategic Perspective." *Turkish Policy Quarterly* 8, no. 1 (2009): 79–90.
5. Bourgeot Remi. "Russia–Turkey: A Relationship Shaped by Energy." *Russie.NEI.Visions*, no. 69 (2013).
6. Cooley Alexander. *Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia.* Oxford: Oxford University Press, 2012.
7. Eder Mine, and Özlem Öz. "From Cross-border Exchange Networks to Transnational Trading Practices? The Case of Shuttle Traders in Laleli, İstanbul." In *Transnational Communities: Shaping Global Economic Governance*, edited by M. L. Djelic and S. Quack, 82–104. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
8. Hill Fiona, and Ömer Taşpınar. "Turkey and Russia: Axis of the Excluded?" *Survival* 48, no. 1 (2006): 81–92.
9. Kanbolat Hasan. 2012. "Davutoglu in Moscow: New Era in Turkish Russian Relations." *Today's Zaman*, January 23.
10. Kılavuz M. Tahir, and Şuhnaz Yılmaz. *Restoring Brotherly Bonds: Turkish–Azeri Energy Relations.* Washington, DC: PONARS (The Program on New Approaches to Research and Security in Eurasia) Eurasia Policy Memo 240. 2012.
11. Kınıklıoğlu Suat, and Valeriy Morkva. "An Anatomy of Turkish–Russian Relations." *Southeast European and Black Sea Studies* 7, no. 4 (2007): 533–553.
12. Кудряшова Е. Активизация российско-турецких отношения: сущность и перспективы. МГИМО, Известия, № 5(26), 2012.
13. Öniş Ziya. "The Triumph of Conservative Globalism: The Political Economy of the AKP Era." *Turkish Studies* 13, no. 2 (2012): 135–152.
14. Özdal Habibe, Türkiye–Rusya İlişkileri: Rekabetten Çok Yönlü İşbirliğine Rapor No. 2013-6, USAK Raporları. Ankara: USAK Yayınları, 2013.

15.Примаков Е.М. Турция: новая роль в современном мире. М., 2012.

16.Tekin, Ali, and Paul Williams. Geopolitics of the Euro-Asia Energy Nexus: The European Union, Russia and Turkey – New Security Challenges. New York: Palgrave Macmillan, 2011.

17.Turkish Energy Strategy in the 21st Century: Weathering Uncertainties and Discontinuities. Task Force Report. Istanbul: Global Relations, Forum, 2013.

18.Ülgen S. Nükleer Enerjiye Geçişte Türkiye Modeli EDAM Report. İstanbul: EDAM, 2011.

**Сведения об авторе:** ИбрагимовАли-муса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского Государственного Университета (e-mail: ialimusa@mail.ru).

## **TURKEY AND RUSSIA: IS STRATEGIC PARTNERSHIP POSSIBLE?**

**A.G.Ibrahimov**

Baku State University, Baku, Azerbaijan

*Abstract.* The article examines Turkish-Russian relations with an emphasis on the increasing role of "new powers" in a changing global order. Turkey, as an old member of the Western bloc and a candidate for membership in the European Union (EU), wants to play a more active role as an independent power, as at the regional and global levels. The peculiar-

ity of Turkish-Russian relations is due to the fact that both countries have an imperial heritage and perceive themselves as decisive regional and global actors, which sometimes goes beyond their real possibilities. This element of discrepancy between expectations and ability clearly distinguishes both Turkey and Russia from many other powers. At a time when both countries are facing a relative distance from the EU and the US as a result of their more aggressive foreign policy steps, their respective geopolitical views on a higher international status complement their partnership, despite sharp differences on issues such as Syria. Failures in Turkey's cooperation with the United States, strong anti-Israeli rhetoric and "flirting" with the Shanghai Cooperation Organization are of concern to its Western allies. Nevertheless, given Turkey's longstanding diplomatic, economic and military ties with the West, although Turkey has been pursuing a more independent foreign policy in recent years, especially in the face of growing disappointment with the EU membership process, Turkey does not intend to completely separate from the West and give priority to relations with its troubled neighbors.

*Keywords:* Turkey, Russia, interdependence, strategic partnership, conflict.

**About the author:** Ibrahimov Alimusa Gulmusa, Ph.D. in political sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University (e-mail: ialimusa@mail.ru).

**PREHISTORY OF RUSSIA'S  
RELATIONSHIP WITH NATO IN THE  
NEW ERA (1991-2012). (PART TWO)**

**Sanjay Deshpande,  
Shoaib Khan**

Centre for Central Eurasian Studies, University of Mumbai, Mumbai, India

*Abstract.* The article is devoted to the problem of relationship between Russian Federation and NATO in the XXI century. The relevance of the question is indisputable considering the fact that the global stability in the world depends on both positive or negative tendencies in this relationship. Since the collapse of the Soviet Union the new quality of cooperation between NATO and Russia seemed to be outworked. But still there is a huge list of factors and unsolved problems between this two key actors of the international relations which cannot grant permanent security and stability in the world. The present-day crisis that forms the political and international agenda today grows on the soil of this complex of issues which were either ignored or underestimated in the 1990-s – first decade of the 2000-s and now we just yield what we've got. The article doesn't have the objection to analyze the ongoing crisis in Ukraine or disagreements between Russia and the USA on Syria e t.c. The authors wanted to analyze pre-historical backgrounds of the relationship between NATO and Russia and, maybe, reveal some crucial points responsible for turning this relationship on the road of new confrontation. That's why our research chronologically includes two decades past the collapse of the USSR (1991-2012). The authors consider that it was the crucial time when the fundamental basis of the potential cooperation between Russia and NATO was formed.

Working on the material the authors applied to the methodology of political science and international relations. The methods of political analysis, structural analysis and invent-analysis (studying the official documents) were used in the article.

For the better understanding of the issue and in order to prevent the readers from the danger of being “over-informed” the authors divided the material into two parts. The first part published in №1 of the Journal was devoted

to the historical analysis of the Cold War. The second one, introduced in this number, reflects the post-Cold war situation in the world in the last decade of the XX-first decade of the XXI-st centuries.

*Keywords:* Russia, NATO, cooperation, missiles, disarmament, expansion, defense.

**The Post Cold War Situation**

Five years into the brave new world ushered in by the collapse of the Communist system and the dramatic reshuffle of global geopolitics there emerged a novel paradigm of Russian- American relations. This paradigm was no longer predominantly rooted in adversarial competition of the Cold War period, but neither may it be interpreted in terms of well established partnership and genuine cooperation notwithstanding occasional official declarations to this effect on both sides [Wallander: 1999].

Russia under Yeltsin never really tried to challenge the US on matters that were important for Washington. Especially during the Kozyrev-led Russian-Western honeymoon which lasted well into 1995 despite raging protestations from innumerable Russian nationalists of all shades, Russia demonstrated unprecedented self-restraint, verging on isolationism, particularly in dealings with Third World regimes known for their anti-Western inclinations, as Russia proved receptive to American wishes and even demands in the conduct of its relations with specific developing countries. While trying to forge a partnership with Iran a southern neighbor that may have crucial importance in terms of Russia's relations both with Muslim-oriented New Independent States and the larger Muslim World, the Yeltsin government was extremely cautious not to cross a line that would displease Washington. Likewise, having been virtually eliminated from the centre-stage of the Middle East peace process, Russia made no attempt to get back through resuming its support for radical Arab regimes and political factions [Trenin: 2010].

The surprisingly smooth and shock-resistant mode of US-Russian relations during the early 1990s may also be due, paradoxically, to the diminishing importance of each side to the other. With Russia preoccupied by its uneasy competitive cooperation with other CIS countries, and the US focused primarily on

places like Bosnia, the Middle East and China, both nations have clearly diverging foreign policy agendas. When playing their games at different tables, Russian and US leaders may have the luxury of being tolerant and even indulgent toward each other [Kortunov: 1997].

Russia has been disgruntled with the expansion of NATO ever since the alliance began courting new members from the former Soviet bloc in the early 1990s. However, Russia's economic and military decline and the West's primacy encouraged NATO members to discount the potential consequences of Russian discontent.

The strategic landscape has since changed dramatically, however, and the costs of excluding Russia from the Euro-Atlantic order have risen substantially. The Kremlin's decentralization of power and Russia's economic rebound thanks to higher energy prices have brought the country back to life. Russia now has the confidence and the capability to push back against NATO, just as the West urgently needs Moscow's cooperation on a host of issues, including the containment of Iran's nuclear ambitions, arms control and non-proliferation, the stabilization of Afghanistan, counterterrorism, and energy security [Kupchan: 2010].

The problem of Russia–NATO relations involves Cold War legacies, differences in strategic culture, and a preoccupation with process over substance. Cold War legacies still shape mutual perceptions. Russians still view NATO as an anti-Russia organization which remains a threat to their security, despite NATO's clear statement that the Alliance is defensive and not directed against anyone. Russian policymakers also view NATO as an instrument of US policy in both Europe and Eurasia. Finally, they believe that NATO enlargement is a zero-sum attempt to provide security for NATO states at Russia's expense.

NATO Allies are divided in their perceptions of Russia. Many Western European states do not view Russia as a threat, as the president of France reiterated at the Munich Security Conference in February and want to build a partnership with Moscow to manage regional and out-of-area problems, including Afghanistan. But a number of member states, including some of Russia's neighbors, still

view Russia as a potential threat, due to a large extent to historical grievances and Moscow's increasingly assertive posture. A number of these states sought membership primarily for the Article 5 commitment to deter potential aggression from Russia. The 2007 cyber-attacks on Estonia and the cut-off of natural-gas supplies from Russia in 2009 as a result of a dispute between Moscow and Kiev only confirmed that threats still exist and are becoming more complex. The new pressure to reaffirm the Article 5 guarantees through explicit contingency planning to reassure Russia's neighbors could reinforce Russia's concerns over NATO endorsement of US missile-defence plans and its continued open-door policy with regard to future enlargement. NATO argues that it will not, and should not, relinquish its decision-making autonomy, but an awareness of the deep-rooted historical suspicions on both sides would certainly help to avoid misunderstandings [Kanet, Larivé: 2012].

The history of NATO–Russia relations is one of problems, mistrust and misperceptions; the relationship could hardly be characterized as a true partnership even before August 2008. Moreover, the fabric of cooperation, including the NATO–Russia Council, has not produced meaningful strategic rapprochement in terms of overcoming the legacy of Cold War perceptions or developing a common assessment of threats and capabilities to deal with them. From Moscow's perspective, relations during the 1990s and early 2000s involved a string of humiliating experiences in which NATO or significant member states exploited temporary Russian weakness: NATO enlargement in 1999 and again in 2004, the war in Kosovo, the non-ratification of the Conventional Forces in Europe Treaty, US withdrawal from the Anti-Ballistic Missile Treaty, Western support for the 'color revolutions' in Georgia and Ukraine, US plans for deploying missile defences in Europe. While Russian interpretations of some of these may be somewhat peculiar, others do support the claim that the West does not hesitate to ignore Russian positions when doing so carries little cost [Kozin: 2012].

The Russia–Georgia war caught NATO completely unprepared. It was the EU, benefiting from the activism of the French presidency, which helped negotiate the ceasefire and

deployed a civilian observer mission to monitor it, with the side effect that Russia has discovered the EU as a potential security actor. Together with the time-honored Russian preference for bilateralism over engagement with multilateral institutions, currently reflected in an attempt to develop a new security dialogue with the new American administration, this has, for Moscow, put relations with NATO on the back burner. Russian leaders have accused NATO of breaking off relations and say it is now up to NATO to restore them. Moreover, senior Russian policymakers repeatedly assert, with thinly veiled reference to NATO operations in Afghanistan, that NATO needs Russia more than Russia needs NATO [Antonenko, Giegerich: 2009].

### **The Missile defence deal**

When NATO leaders met in Lisbon, the possibilities for cooperation with Russia on missile defense looked promising. The NATO-Russian Council, with the participation of Russian President Dmitri Medvedev, specifically agreed on joint ballistic missile threat assessment and to continue dialogue in this area. The Council also agreed to resume Theatre Missile Cooperation and to develop a comprehensive Joint Analysis of the future framework for missile defense cooperation<sup>1</sup>.

Obama's decision to curtail missile defense systems in Central Europe had a positive effect on the U.S.-Russian relationship as the initial stages of the new approach no longer foresaw capability to target Russian ICBMs in addition to potential Iranian ones; this dual capability was the main reason Russia had cited in opposing the missile defense plans of the previous administration. These developments, along with Obama's other efforts to "reset" U.S.-Russian relations, including the signing of the New START Treaty in 2010, then set the stage for the positive NATO-Russia announcements at the Lisbon Summit [Babaeva: 2010].

Medvedev proposed a "sectoral" approach to the defense of Europe. According to his proposal Russia would be responsible for the defense of Europe from missile launches from

the South-East effectively, from Iran so that NATO would not need to create a missile defense in the Eastern and South-Eastern sector i.e., one that could be theoretically used against Russia. Close integration of the NATO and the Russian missile defense systems was supposed to help provide a stable foundation for long-term cooperation between Russia and the Alliance.

The Russian desire for limits on the projected missile system continues to dominate the U.S./NATO-Russian dialogue. At root is the Russian concern that the projected system might, in the future, acquire the capability to intercept Russian strategic missiles and thus undermine the situation of mutual deterrence that Moscow regards as the foundation of its security. While Obama's decision has somewhat alleviated the tension that had dominated the U.S.-Russian discourse during the George W. Bush administration, Russian concerns now centre around Phase IV of the current program, set to begin in 2018, which will feature SM-3 Block IIB interceptors that are intended to intercept Iranian strategic missiles, but could, in theory, also intercept Russian ICBMs. The prospect of the United States moving ships equipped with interceptors in the Baltic Sea and to the north of Russian territory i.e., on the path of Russian missiles launched toward the United States appears particularly troubling to Moscow, especially since such deployment would take little time to implement. To prevent such a development, Moscow wants to establish legally binding limits on the future system: although Moscow has not precisely defined the parameters of such limits, these clearly include the number and the deployment areas of interceptors and some have also indicated the desirability of limits on the technical features of interceptors<sup>2</sup>.

The deployment of a global missile defense system by the United States and NATO undermines strategic stability in the world and prompts Moscow to take appropriate steps in response, says a leading Russian engineer.

<sup>1</sup> NATO-Russian Council Joint Statement, November 20, 2010  
[http://www.nato.int/cps/en/natolive/news\\_68871.htm](http://www.nato.int/cps/en/natolive/news_68871.htm)

<sup>2</sup> See CNS analysis of that statement in Nikolai Sokov, "Medvedev's Statement on Missile Defense Might Mean Russia Postpones Further Dialogue until 2013," December 2, 2011. [http://cns.miis.edu/stories/111202\\_medvedev\\_statement.htm](http://cns.miis.edu/stories/111202_medvedev_statement.htm)

In light of these developments Russia's plans to deploy tactical missile systems near the NATO borders are absolutely justified. The same thing concerns the creation of other forces and systems capable of destroying or disabling missile systems on the territories of neighboring states.

NATO announced at its Chicago summit in May that an interim European missile defense system is already on line, and that the alliance is determined to proceed with its expansion until it fully realizes the system's potential. The European missile defense system is certainly designed not to defend from a mythical threat on the part of Iran and North Korea, but from what Western politicians believe could be a possible attack by Russian ballistic missiles, according to him any NATO military plans classify the Russian nuclear missile potential as posing a threat to the alliance, which envisions certain measures to neutralize [Bridge: 2012].

Missile defenses will ostensibly protect allies against limited regional threats from the Middle East, but Moscow fears the system will eventually undercut its nuclear deterrent and has threatened dangerous military countermeasures. Yet the two sides are not as far apart as they seem and cooperation on missile defense can satisfy both.

Two years ago, in Lisbon, NATO and Russia resolved to work together and are still onboard. In April, Russia's foreign ministry explained that joint missile defense could "change the matrix" of Russia-NATO relations. The U.S. State Department has called missile defense "the metaphor for the opportunity of getting things right".

NATO says the defense, while facing daunting technical challenges, will be effective enough against a nuclear novice like Iran but will be useless against a sophisticated nuclear force like Russia's. U.S. Missile Defense Agency officials claim the system is "not positioned or designed to intercept" Russian long-range missiles [Creedon: 2012].

Moscow accepts that the hardware being deployed in the next six years is not the problem. However, Russia says its Ministry of Defense simulations show that modernized sensors and faster interceptor missiles in greater numbers and locations are worrying.

Moscow has not explicitly called for limits on future defense capability or a veto over future deployments. It wants "legal guarantees" specifying "technical-military criteria" ensuring that the system does not target Russia and allowing it to judge whether NATO actions correspond to plans. But any agreement requiring U.S. Senate ratification is a dead end. Instead, the State Department has offered political assurances, which Moscow claims are worthless because policies can change [New York Times, May 17, 2012].

Yet there are many opportunities for cooperation, and progress has already been made. Joint NATO-Russia and U.S.-Russia intelligence assessments of the missile threat have already been successfully completed and should convince Russia that NATO's plans are appropriate for the anticipated threat.

Both sides agree that preventing missile proliferation through diplomacy is essential. The Russian Foreign Ministry has pointed out it would be cheaper to tackle challenges before they evolve. Washington has said that: "Should the ballistic missile threat from nations like Iran be reduced, our missile defense system can adapt accordingly."

NATO and Russia have resumed joint theater missile defense exercises, the last one took place in Ottobrunn, Germany from 26<sup>th</sup> – 30<sup>th</sup> March 2012. Using computer simulations, the group has begun analyzing five concrete options for joint operations. Both sides agree that either side could pull the trigger, but there is no consensus yet on whether or how the two systems could be fully integrated.

Washington now proposes joint early warning and response planning centers – an idea originally suggested by Moscow in 2007. Last year, NATO and Russia demonstrated how data on potentially threatening aircraft could be shared; this could serve as a model.

There are several ways to address Russian concerns and simultaneously increase NATO security, and there is time. But Russia and NATO are talking past each other. Both sides seem driven more by politics than real threats. Russia resents that a major security decision is being made without consultation. NATO cannot allow the appearance of a major concession [Hendrickson: 2005].

**New foreign policy challenge**

The old NATO was based on the principle of collective security to militarily guarantee the territorial integrity of the clearly defined area of the NATO member states, against possible attacks by the then Soviet Union. (Article 5 of the 1949 Washington Treaty). The view of collective security is narrow, insufficient to counter the more sophisticated and subtle dangers it has faced until now and that NATO must broaden its strategic perspective to protect all its interests from the complex asymmetric threat and place new emphasis on the unpredictable and multi-directional nature of threats such as regional conflict, weapons of mass destruction, and terrorism.

It was predicted that NATO's strategic orientation will shift in the coming years from East-West scenario to a North-South or a West-South East scenario, and thus cover an operational area which stretches from South Asia to Morocco.

For Russia, NATO represents a major foreign policy challenge that continues to create friction within the European security architecture. Although many expected the end of the Cold War to usher in a new era of cooperation, Russia and NATO have continued to harbour mutual suspicions and old biases. This work primarily analyses former Russian President Vladimir Putin's foreign policy against the backdrop of the evolution of Russia's relations with NATO leading up to the founding of the NATO-Russia Council (NRC).

Russia under Boris Yeltsin experienced turbulent with NATO throughout much of the late 1990s. Espousing Russia's hopes of deepening its ties to the West, Yeltsin, during his visit to NATO headquarters in December 1991, suggested that his country could apply for membership [Trenin: 2007]<sup>56</sup>.

However, this episode was quickly forgotten since neither NATO nor Russia followed up on the then Russian President's proposal. Since it had become apparent in the early 1990s that NATO, would not disintegrate but rather would evolve into a permanent fixture on the European security landscape, Russia began to more openly oppose NATO. We can trace early post-Cold War friction between NATO and Russia as far back as the reunification of Germany. In 1990 the immediate question for Soviet policy makers arose whether a

newly unified Germany would stay in NATO or not. During intensive diplomatic bargaining, Moscow is said to have accepted Germany's membership in NATO in exchange for the promise of not deploying troops or nuclear weapons eastwards. Therefore, when NATO began contemplating possible expansion into Central Europe, Russia viewed the policy as NATO's broken promise [Polikanov: 2004].

Faced with mounting opposition from nationalists and communists in the Russian Duma, Yeltsin and his pro-Western Foreign Minister Andrey Kozyrev were pressured to pursue a more confrontational policy towards NATO. Putin may be credited for recognizing Russia's weakness and adjusted his country's foreign policy to its diminished position. Putin's foreign policy has offered fewer "idle promises and bold initiatives" than his predecessor [Bobo Lo: 2003].

As for the overarching goal of his foreign policy, it appeared that Putin strove first and foremost to secure favourable conditions for Russia's internal development, concentrating on reducing tensions and improving relations with the outside world. Naturally, this approach was to be gradually reflected in Russia's approach to NATO [Bobo Lo: 2003].

Following its withdrawal from the PJC, Russian-NATO relations were at all time low though two major areas of discomfort with NATO stand out. First, Russia had difficulty coming to terms with the fact that NATO – a Cold War military organization whose main purpose had been to defend Europe against "Soviet aggression" – still operated. Russia wasted no time expressing its dissatisfaction with what it perceived as the Western-centric organization. To this end, Russia's 2000 National Security Concept spoke about the negative effects of "the attempt to establish a structure of international affairs based on the domination of the US-led developed Western nations over the international community [Melville, Shakleina: 2005].

In addition, the 2000 Military Doctrine expressed Russia's frustration over integration processes in the Euro-Atlantic region being carried out on a selective and limited basis [Melville, Shakleina: 2005]. Furthermore, NATO, at its 1999 Washington Summit approved a new strategic concept providing for

the possible use of force outside NATO's defense perimeter [Marcel de Hass: 2005]. With air strikes against Serbia, there was a growing anxiety about the possible use of coercive diplomacy against Russia<sup>1</sup>.

The 1999 NATO enlargement and the prospects of further expansion into Eastern Europe continued to irk Russia. A statement released by the Russian Foreign Ministry noted that the expansion of the North Atlantic Alliance will not facilitate the strengthening of trust and stability in international relations, but can, on the contrary, lead to the appearance of new lines of division<sup>2</sup>.

The aftermath of September 11, characterized by the improvement in relations between the United States and the Russian Federation, laid the ground for U.S. aspirations to move forward with further NATO enlargement to the east and include even the former Soviet Republics of Estonia, Latvia and Lithuania. Indeed, Putin made a number of statements signaling a change in Moscow's stance on NATO eastern enlargement. Hence, Putin stated that if NATO takes on a different shape and is becoming a political organization, of course, we would reconsider our position with regard to such expansion, if we are to feel involved in the processes<sup>3</sup>.

Another concern of Moscow was the encirclement of the Russian enclave, Kaliningrad, by the new NATO member states. The apprehension of Moscow was that the existing military transit through the territory of Lithuania would be disrupted.

In the light of the vulnerability of the Kaliningrad region, Moscow started seriously thinking of deploying tactic nuclear warheads

in the Kaliningrad region. There was a strong assurance in Moscow that the expansion of NATO to the former Soviet Republics represented a red-line which Moscow should not allow the Alliance to cross. Despite fierce opposition from Moscow, the Bush administration not only ignored Moscow's national interests and concerns but also took advantage of its prevailing relative power to push forward with the eastern enlargement with even more determination. The Baltic States were given a special role in the process of NATO eastern enlargement on the territory of the former Soviet Union that is the role of a promoter of reforms and policy changes that could lead to the inclusion of CIS members in NATO.

The Rose Revolution in Georgia in 2003 and the Orange Revolution in Ukraine in 2004 with the accession of pro-Western Presidents to power facilitated the promotion of pro-NATO aspirations and the demise of Moscow's influence in its sphere of interest [Borotat: 2010].

Since the geographic border of the former USSR, with the accession of the Baltic States, has been crossed, the "eastward NATO expansion cannot stop with the second wave." The main interest of the USA, with the accommodation of NATO to the achievement of its policy interests, is to secure its presence in zones rich in energy resources and containing strategic energy routes as well as to obtain a strategically more favourable position in regard to the regional powers such as the Russian Federation and China, capable of even potentially disrupting the realization of the U.S. goals [Bogaturov: 2004].

Moscow's and U.S. interests are at stake in the Caucasus, Black Sea and Caspian regions for the control of energy resources and energy routes. Hence, the USA strongly promoted the construction of the Baku-Tbilisi-Ceyhan oil pipeline, carrying Caspian oil to the Mediterranean Sea and the Baku-Tbilisi-Erzurum gas pipeline. There are also plans initiated by the USA for the construction of the Nabucco gas pipeline from Turkey across Bulgaria-Greece-Romania diluting to Austria and Italy.

In the 2008 Foreign policy concept of the Russian Federation, in order to achieve its interests, Russia will use all the available in-

---

<sup>1</sup> James Sherr, "Russia and the West: A Reassessment," (Defense Academy of the UK, Advanced Research and Assessment Group, 2008),

<http://www.da.mod.uk/colleges/arag/>

<sup>2</sup> See Itar-Tass domestic news digest (12 March 1999). Retrieved 1 November 2008, from East View database.

<sup>3</sup> V.V. Putin, cited by Suzanne Daley in "A Nation Challenged: The Allies; Putin softens His Stance Against NATO Expansion," *The New York Times*, 4 October 2001 available at

<http://www.nytimes.com/2001/10/04/world/a-nation-challenged-the-allies-putin-softens-his-stance-against-nato-expansion.html?scp=4&sq=putin+nato%20enlargement&st=cse>

struments: political and diplomatic, legal, military, economic, financial and other.

This perfectly illustrates Henry's Kissinger 'raison d'Etat' concept which assumes that a state can use any means in pursuing its interests. The 'sticks and carrots' strategy that the same Kissinger conceptualized, is also, used by the Russian Federation in its foreign policy [Griffiths: 2003]. For example, it uses the 'carrots strategy' to offer benefits in the field of energy policy to the states that remain faithful and helpful to Moscow, thus being the cases of Belarus and Armenia, which pay less for the gas. 'The stick strategy' is used to punish the states that do not respect its interests. Examples in this sense: the punishments applied to the states that strengthened their ties with the West: gas crisis in Georgia, Ukraine and Moldova and the war against Georgia. From 1997, the NATO expansion is perceived in all Russia's foreign policy documents as a threat to its national security. Russia sees the expansion as an intrusion in its sphere of influence, as an attempt to ignore Russia's interests and to weaken its influence in the world.

As member of an anarchic system, Russia considers that no one is entitled to command and no one indebted to obey [Waltz, Kenneth: 2006]. Therefore, the states must take into account other state's interests because as the war in Georgia signaled it, Russia has no moral obligation to restrain from any action if its interests are at stake. In this way we can understand why Russia is so constant in opposing to NATO's enlargement and some NATO's actions as it considers the NATO's open-door policy a direct affront to its national interests. The New Russian Military Doctrine from February 2010 also asserts that the main threat to the military security of Russia is NATO's expansion and its approach to its borders<sup>1</sup>.

A sensitive aspect for Russia's interest is the open-door policy that remains at the core of Alliance's goals "the door to NATO membership remains fully open to all European democracies which share the values of our Al-

liance, which are willing and able to assume the responsibilities and obligations of membership, and whose inclusion can contribute to common security and stability<sup>2</sup>.

In respect to this aspect the provision regarding the will of the Alliance to continue and develop the partnerships with Ukraine and Georgia within the NATO-Ukraine and NATO-Georgia Commissions, based on the NATO decision at the Bucharest summit 2008, and taking into account the Euro-Atlantic orientation or aspiration [Gallis: 2008].

On 20<sup>th</sup> January 2009, Obama sent Vice President Joe Biden to Munich to present an outline of his foreign policy. Speaking specifically of Washington's relations with Russia, he said that The United States rejects the notion that NATO's gain is Russia's loss, or that Russia's strength is NATO's weakness.

In July 2011, Obama made his maiden, official visit to Russia where he signed a deal with Moscow on the use of Russian air space for transporting lethal materials and troops over Russian airspace to Afghanistan.

A rail route passing through Russia and Kazakhstan from Riga, Latvia, to the Uzbek-Afghan border had already become operational. In a speech to the students of New Economic School in Moscow, Obama expressed his appreciation for Russia's help in sending supplies to American troops in Afghanistan. There is one reality that there are more groups in United States who are critical of Russia and that no group came forward to support a friendly approach show the hesitation and suspicion which still exists in the NATO towards their traditional cold war rival and that in spite of the two powers moving closer the doors for confrontation are open in the future in different parts of the world for their respective geopolitical economic interests [Tsygankov: 2009].

### Conclusion

U.S. relationship with Russia has been and will, for the foreseeable future, remain a mix of issues on which the two countries can cooperate and issues where their positions conflict. The goal for Washington should be to make progress on those issues where U.S. and Rus-

<sup>1</sup> Gramada, Angela, Noua Doctrina militara a Federatiei Ruse- document nou, pretentii vechi, in *Brief Analysis* (14 feb 2010) available at <http://www.cseea.ro/publicatii/view/brief-analysis/noua-doctrina-militara-a-federatiei-ruse-document-nou-pretentii-vechi> (accessed on 28/01/2011).

<sup>2</sup> See NATO's New Strategic Concept, 25<sup>th</sup> November, 2010

sian interests coincide while protecting American positions and managing differences where interests diverge.

Washington and NATO should continue to pursue a cooperative missile defense arrangement with Russia. That prospect is currently stalled by Moscow's demand for a legal guarantee that U.S. missile defenses in Europe not be directed against Russian strategic missile forces. While it is reasonable for the Russians to be concerned that missile defenses could affect the offense-defense relationship that is a concern for the future. It is very difficult to see the U.S. plan for missile defenses in Europe over the next decade posing any serious threat to Russian strategic missiles.

A cooperative missile defense arrangement would be a significant achievement. It would remove one of the thornier issues from the U.S.-Russia and NATO-Russia agendas; provide for a better defense of Europe than just a NATO system alone; and give the Russian military greater transparency about U.S. and NATO missile defense capabilities. Such transparency could help assure Moscow that those missile defense capabilities pose no threat. Such cooperation, moreover, could prove a "game-changer" in attitudes by making NATO and Russia genuine partners in defending Europe against ballistic missile attack.

Though Russia has a long and painful list of differences with the Western alliance, chiefly US-led plans to install a missile defense shield in Europe, it has grown increasingly anxious about NATO's loss of enthusiasm for the war in Afghanistan.

Withdrawal of US troops from Afghanistan would be a very unfavorable development for Russia, as it would lead to dramatic worsening of the situation in Afghanistan, and perhaps a repeat of all the turbulence that followed the Soviet withdrawal from Afghanistan in 1989.

Despite their persisting differences, Russia and NATO look set to turn a page in Lisbon and move on to end the division of Europe into hostile East and West. NATO continued to treat Russia as a threat, if no longer an outright enemy. It granted membership to not only former Warsaw Pact allies of the Soviet Union but also the ex-Soviet Baltic states, breaking its promise to Soviet leader Mikhail Gorba-

chev that it would not expand beyond the Cold War borders. It again breached its word to President Boris Yeltsin that it would desist from deploying military forces on the territory of its new members. NATO endorsed President George W. Bush's plan to set up missile defenses in Poland and the Czech Republic that could target Russian strategic arsenals. America's European allies joined Washington in sponsoring "colour revolutions" in the former Soviet Union under the guise of promoting freedom and democracy. Russia saw these policies as aimed at isolating, encircling and weakening it.

The real game-changer in Russia-NATO relations has been the Alliance's deepening quagmire in Afghanistan. NATO badly needs Russian help for a face-saving endgame. In Lisbon, Russia and NATO are expected to sign agreements for increased Russian assistance to the U.S.-led NATO force that will include supply of gunship and transport helicopters, training of Afghan pilots and mechanics, and expansion of the overland transit arrangement to allow the so-called reverse transit of non-lethal armour and other equipment from Afghanistan. Russia will reiterate its commitment to renovate infrastructure and industrial projects it built in Afghanistan in Soviet times. Moscow said it would just stop short of sending troops to Afghanistan.

NATO has put behind its plans to grant membership to Ukraine and Georgia and has given the green signal for Russia's purchase of western arms: the path-breaking deal to sell Russia French Mistral amphibious assault ships is expected to be clinched shortly. NATO's new Strategic Concept to be unveiled in Lisbon will neither name Russia a potential challenge nor contain "any unpleasant surprises" for Moscow, according to Russia's NATO envoy (at that period) Dmitry Rogozin. The two sides are expected to present a joint review of common security challenges in the 21st century such as terrorism, piracy, proliferation of weapons of mass destruction, and natural and man-made disasters, and agree to enhance cooperation in these areas. Brussels has further accepted the Moscow proposal to launch an open dialogue in the framework of the NATO-Russia Council on ways of providing peace and stability in Europe.

At the same time, Russia and NATO remain wide apart on key strategic issues. Russia is firmly opposed to NATO extending its global reach over the head of the United Nations as the Alliance seeks to reposition itself for new challenges. "It's not a global Alliance but it is a global actor," U.S. Ambassador to NATO Ivo Daalder said defining NATO's new role under the new Strategic Concept. "We can't agree with the concept of global policeman," according to Russia's NATO envoy Dmitry Rogozin. Russia is particularly worried over NATO's decision to declare the Arctic Ocean a zone of its responsibility. Russia's military doctrine, approved in February, says one of the main external threats that come from plans to assign NATO a global role that will be played in violation of international law and the Alliance's expansion east of Russia's borders. The new NATO doctrine is expected to reaffirm the policy of open doors.

The transatlantic alliance is in the spotlight. Its summit meeting in Chicago is taking place at a time when the world's largest military organisation is in a dilemma of its own as far as its offshore engagements are concerned.

NATO's of late adventures, in fact, have blessed it with a new lease of life. Libya is strongly a case in point. Though its precision was not up to mark, its role was still appreciated, as it was instrumental in dislodging a well-entrenched dictator and that too by virtue of plugging off his military muscles before he put them to use. Irrespective of the fact that France, Britain and other European stalwarts depended highly on the United States expertise in choreographing the episode of bomb and retreat. The issue of what should enable Brussels to create a defence shield of its own and with little of Washington's input remains a policy doctrine for NATO. Similarly, the newly surfacing geopolitical realities in the form of a resurgent Russia, but cordial to the very concept of a Western-based defence umbrella, would keep policy-makers glued to their chairs until and unless they strike the right chord. Annoying Russia as it floats its own Eurasia vision is next to impossible and interdependence remains the hallmark of collaboration. Intricate issues such as fighting terrorism, missile defence shield and START II are indispensable aspects that would have their impact

on the structure and growth of the military-political organization.

NATO will continue developing cooperation with Ukraine and Georgia, according to the alliance's new strategic concept accepted in Lisbon by the 28 NATO members.

NATO intends to "continue and develop the partnerships with Ukraine and Georgia within the NATO-Ukraine and NATO-Georgia Commissions, based on the NATO decision at the Bucharest summit 2008, and taking into account the Euro-Atlantic orientation or aspiration of each of the countries," the document reads. The Strategic Concept will serve as the alliance's roadmap for the next ten years.

Ukraine has been seeking NATO membership under the previous leadership of President Viktor Yushchenko. His successor Viktor Yanukovich, who came to power in February, has said the country does not seek alignment with any military bloc, but pledged to maintain good strategic relations with NATO. The growing NATO-Russia defence cooperation agenda was welcomed as a sign of increasing trust and shared interests. Tangible projects to counter terrorism, the exchange of classified information; developing technology able to detect explosive devices; and ways to improve protection of critical infrastructure and Russian fighter jets are holding their first ever joint exercise over Poland and the Black Sea. This Cooperative Airspace Initiative (CAI) aims to prevent attacks such as 9/11 by sharing information and coordinating interceptions of renegade aircraft. And a Russian submarine joined for the first time a NATO submarine rescue exercise.

Moscow views NATO's military effort in Afghanistan as crucial for its own security interests, including helping to prevent instability from spreading into ex-Soviet Central Asia.

But the former Cold War rivals remain sharply at odds over a U.S.-led NATO missile defense plan in Europe that Washington says is aimed at deflecting a potential Iranian threat. Moscow fears it will eventually become powerful enough to undermine Russia's nuclear deterrent.

Despite those differences, Russia has also cooperated with the alliance in suppressing piracy off the Somalia coastline and in such

areas as anti-terrorism, counter-narcotics and search and rescue at sea.

Throughout the post-Cold War era, the Alliance has enjoyed an unprecedented ride in the driver's seat of international security. Its unparalleled resources, both material and symbolic, have drawn a line-up of membership applicants eager to change themselves and adjust to Brussels' requirements. Through seminar diplomacy, joint exercises, and other mechanisms, the Alliance was able to exert enough authority to transform the social and political fabric of many European countries.

From its very creation, the NRC (NATO–Russia Council) as well as its predecessor, the PJC (Permanent Joint Council) was the result of incompatible expectations. NATO wanted to engage with Russia, but only to an extent and without constraints. Moscow, for its part, was looking for an exclusive forum where significant matters of European security would be decided on equal terms. The mismatch got even worse after the Georgia War, which aroused fears among many of the newer Alliance members.

There is certainly a lot that the NRC can do, and it deserves the best energy from both Russia and the Alliance. But so long as it remains a meeting of 28 family members with their neighbour next door, expectations need to be reasonable.

With the benefit of 20 years hindsight, we now know a few things for a fact. To put it bluntly, Russia does not want to play Brussels' junior partner; and NATO is unprepared to let Moscow constrain its freedom. For better or for worse, these rules of the game are unlikely to change anytime soon. In this symbolic standoff, one should note, nobody is inherently right or wrong; the tension is relational, not individual. Moral blaming is part of the problem, not the solution.

By all accounts, it is startling that NATO–Russia relations remain structured by nuclear deterrence more than 20 years after the end of the Cold War. The political fight is long gone, yet thousands of warheads remain. This makes no financial sense in these hard-economic times. It makes no political and strategic sense either: deterrence is incommensurate with the politics of today's relationship and in any

event, it does not require current levels of armament and alert.

The nuclear arms race was a joint product of Moscow and NATO allies in a by-gone era of confrontation. Dealing with the fallout is, in the deepest sense of the term, a shared responsibility. The material incentives to disarm are huge; the symbolic payoffs are just as well. This is an opportunity for both parties to enjoy equal ownership of a peaceful initiative that would not fail to enlist other countries of the world. The political and strategic wind is blowing in the direction of nuclear disarmament; now is the time for Russia and NATO to re-assume world leadership together, while reaping significant benefits for themselves and putting their relationship on more fruitful tracks.

Unless mutual expectations are readjusted, NATO's traditional approach of waiting for the Russians to come around and understand that their country is not anymore, the Great Power that it used to be appears doomed to fail; and Moscow's age-old concern for status will keep meaningful cooperation hostage to symbolic power struggles.

After 20 years of half-hearted cooperation embroiled in fights over the new rules of the security game, it is time for NATO–Russia diplomacy to become less introspective and open up to the outside world. Nuclear disarmament seems a great opportunity to do just that.

## REFERENCES

1. "Missile" or "Missile OFFENSE"? U.S.-NATO Global Missile Shield Undermines World Strategic Stability by Robert Bridge, Global Research, June 10, 2012.
2. "U.S. Ballistic Missile Defense "Madelyn Creedon, Assistant Secretary of Defense, Moscow, May 3, 2012.
3. *Bogaturov A.*, "Pererozhdenie NATO, [The Transformation of NATO], "Nezavisimaya Gazeta, 28 June 2004, available at [http://www.ng.ru/world/2004-06-28/6\\_nato.html](http://www.ng.ru/world/2004-06-28/6_nato.html)(accessed on June 12, 2010).
4. *Bobo Lo*, "The Securitization of Russian Foreign Policy, In *Russia between East and West*, ed. Gabriel Gorodetsky (London: Frank Cass Publishers, 2003), 17.

5. Barzashka I., kadyshev T., Götz Neuneck, Oelrich I. Bridging the Gap, *And*, New York Times, May 17, 2012.
6. Wallander C. Russia-US relations in the Post Cold War, October 1999, PONARS Policy Memo 70, Harvard University.
7. Kupchan Charles A. council on Foreign Affairs, NATO's final frontier, Why Russia should join the North Atlantic Alliance, May/June 2010.
8. CMC attends NATO-Russia Theatre Missile Defence exercise, International Military Staff, 22<sup>nd</sup> January 2008.
9. Polikanov D. "Nato-Russia relations: present and future," *Contemporary Security Policy*, 25 (December 2004), 479-497.
10. Trenin D. Getting Russia Right (n.p.: Carnegie Endowment for International Peace, 2003), 70.  
document-listings/monographs/Shrivenham%20Paper%206.pdf/view (accessed 1 November 2008).
11. Tsygankov A.P. *Russophobia: Anti-Russian lobby and American Foreign Policy* (New York: Palgrave Macmillan, 2009).
12. Foreign Policy Concept of the Russia Federation (2000). In *Russian Foreign Policy in Transition: Concepts and Realities*, eds. Andrei Melville and Tatiana Shakleina, trans. A. Yastrzhembska (Budapest: Central European University Press, 2005), 92.
13. Griffiths M. "Relatii internationale: scoli, curente, gânditori", Bucharest: Ziua.2003, pp.56-57. p.58.
14. Plater-Zyberk H. US-Russia Strategic Relations: Obama and Biden visit  
Itar-Tass domestic news digest (12 March 1999). Retrieved 1 November 2008, from East View database.
15. Lieutenant Colonel Gordon B. Hendrickson, United States Air Force, Atlantic Council Senior Fellow, *The Future of NATO-Russia Relations: Or, How to Dance With a Bear and Not Get Mauled*, occasional papers, December 2005.
16. De Hass M. "Putin's External & Internal Security Policy," (Defense Academy of the UK, Conflict Studies Research Center, 2005.), [http://www.da.mod.uk/colleges/arag/document-listings/russian/05\(05\)-MDH-Comp.pdf/view](http://www.da.mod.uk/colleges/arag/document-listings/russian/05(05)-MDH-Comp.pdf/view) (accessed 1 November 2008).
17. Arbatova N. "Paradoksy Bezopasnosti v Baltiiskom Regione [The Paradoxes of Security in the Baltic Region].
18. Boronat N. Ukraine: A Change of Direction, *Catalan International View*, Issue 6, Spring 2010.
19. NATO and Russia: A Perpetual New Beginning, Roger E. Kanet&Maxime Henri André LARIVÉ, *Perceptions* Spring 2012, Volume XVII, Number 1, pp. 75-96.
20. NATO's New Strategic Concept, 25<sup>th</sup> November 2010.
21. NATO-Russia Council Joint Statement, November 20, 2010  
[http://www.nato.int/cps/en/natolive/news\\_68871.htm](http://www.nato.int/cps/en/natolive/news_68871.htm)
22. Osterreichische Militarische Zeitschrift, *Austrain Military Magazine*. №4, 2008
23. Posnard, Lionel, cit.op., pp.87-95.
24. *Rebooting NATO-Russia Relations*, By Oksana Antonenko and Bastian Giegerich *Survival: Global Politics and Strategy*, vol. 51, no. 2, April–May 2009, pp. 13–21.
25. Trenin D. Russia's policy in the middle east: prospects for consensus and conflict with the United States. / *Carnegie Endowment for International Peace*, Moscow. 2010/3/2.
26. Russian American relations in the post cold war environment, Andrei Kortunov, October 1997, PONARS Policy Memo 16, Moscow Public Science Foundation.
27. Babaeva S. RIA Novosti, US Bureau Chief, Russian President Dmitry Medvedev has called the recent Russia-NATO summit historic, 29,11,2010.
28. *The Foreign Policy concept of the Russian Federation*, 2008.
29. *The National Security Concept of the Russian Federation*, 2000.
30. *The NATO summit at Bucharest, 2008*, Paul Gallis, Specialist in European Affairs Foreign Affairs, Defense, and Trade Division, May 5, 2008.
31. The White House, Office of the Vice-President, Remarks by Vice-President Biden at 45<sup>th</sup> Munich conference on Security, Hotel Bayerischer Hof, Munich, Germany, February 7, 2009.
32. Kozin V. US-NATO Sea-based Missile System Threatens Russia, *Global Research*, March 31, 2012.

33. *Waltz Kenneth N.* "Theory of international politics", Iasi: Polirom, 2006, p.88.

**About the authors:** Sanjay Deshpande – Director, Centre for Central Eurasian Studies, University of Mumbai; Shoaib Khan – Mahim Social Workers' College, Mumbai, Associated with Centre for Central Eurasian Studies.

## ВЛИЯНИЕ АФГАНСКОГО КРИЗИСА НА ПРОЦЕСС ИСЛАМИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ш. Аманбекова

Кыргызский национальный университет  
имени Жусупа Баласагына,  
Бишкек, Республика Кыргызстан

Российский университет дружбы народов,  
Москва, Россия

*Аннотация.* Центральнoазиатский регион является сегодня одним из наиболее «взрывоопасных». Тому есть несколько причин. Первая заключается в том, что с момента дезинтеграции единого советского пространства обороны и безопасности, гарантированных в рамках СССР в течение более 70 лет, образовался колоссальный идейно-политический, идеологический и духовный вакуум, заполнить который неизбежно стремятся те силы, которые рассчитывают закрепить свои позиции в регионе. Не в последнюю очередь это относится к различным организациям радикального исламского и псевдо-религиозного толка.

Вторая причина кроется в том, что одним из основных источников угроз безопасности центрально-азиатского региона СНГ с начала 90-х гг. XX столетия остается хроническая неурегулированность афганской проблемы.

Восстановление мира и стабильности в Афганистане – одна из актуальных международных и региональных проблем, прежде всего, для государств Центральной Азии, напрямую сталкивающихся с негативными последствиями многолетней войны в этой стране. Конфликт в Афганистане породил угрозы и вызовы стабильности и безопасности стран Центральной Азии, переживающих сложный этап становления и укрепления своей государственности, – такие, как религиозный экстремизм, этническая нетерпимость, терроризм, наркобизнес и контрабанда оружия. Кроме того, возможность переноса конфликтной ситуации из Афганистана в страны СНГ отнюдь не является гипотетичной. Прежде всего, потому, что по обе стороны границ проживают представители одних и тех же этносов, веками связанных друг с другом

узами историко-культурной общности, а подчас и родства. Все эти фактора обуславливают сложность решения проблемы, традиционные политические или гуманитарные подходы к которой в данном случае не работают.

Используя методологию политической науки (метод политанализа) и исторической науки (историко-аналитический метод, метод сравнения и метод ретроспективной оценки), автор попытался выявить ключевые закономерности, характерные для процессов, протекающих в регионе в течение последних трех десятилетий.

*Ключевые слова:* Афганистан, СНГ, Центральная Азия, терроризм, исламизация, радикализм.

Не будет преувеличением сказать, что на настоящий момент постсоветское пространство – это зона повышенного политического риска, детерминированного высоким конфликтным потенциалом (наличие «своих» конфликтов плюс окружение поясом внешних конфликтных зон, в которых очаги нестабильности – Ближний Восток, Иран, Ирак, Афганистан), а также увеличением террористической опасности, угрозой неконтролируемого распространения ОМУ, в том числе, возможностью его попадания в руки радикальных группировок, проблемой миграций, наркотрафиком, экологическими проблемами [Курылев, Савичева 2013]. Среди угроз наибольшую опасность для светских режимов Центральной Азии представляют религиозный экстремизм. Сегодня проблема исламизации Центральной Азии приняла угрожающие масштабы, во многом это связано с обстановкой на Ближнем и Среднем Востоке.

На постсоветском пространстве, как в силу объективных культурно-исторических причин, так и в силу субъективных – ценностных и политических предпочтений и установок ключевых региональных акторов, наиболее активно процессы исламизации развиваются в странах Центральной Азии.

Центральная Азия, относящаяся к исламскому миру, в настоящее время переживает значительные перемены, причем не только в политической и социально-

экономической, но и в духовной, конфессиональной сферах. После обретения независимости в странах региона наблюдается рост интереса к религии, одним из показателей которого является увеличение количества религиозных организаций и объектов религиозного назначения [Кенесариев 2017: 23-26].

После развала СССР в декабре 1991 г. в Центральной Азии параллельно с избранной изначально государствами этого региона светской парадигмой набирала силу другая тенденция — радикализация ислама, проявившаяся в появлении (часто действующих нелегально) исламистских организаций и движений. Радикальный ислам в Центральной Азии давно превратился в угрозу не менее значимую, чем на Ближнем Востоке или в Африке. Распространение подобных идей происходило еще в советский период, а особенное обострение этого процесса началось в годы «перестройки», когда они стали приходить на смену так и не прижившимся социалистическим идеалам.

Влияние радикального ислама ощущается в Центральной Азии особенно остро по сравнению с другими регионами постсоветского пространства благодаря границе с Афганистаном, который, хотя и в разной степени, оказывает дестабилизирующее воздействие на ситуацию практически во всех пяти центральноазиатских государствах: Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане. Следует иметь в виду, что традиции ислама и противодействие светскому правлению имеют здесь давнюю историю, а позиции радикального исламизма в регионе оказались достаточно прочными.

Долгое время ислам был доминирующей религией в Центральной Азии. И приблизительно три четверть времени прошлого столетия ислам и религия в целом — были вне закона в Центральной Азии, так как регион был частью Советского Союза, существовал запрет на свободное вероисповедание, постепенно снижалась общая религиозная просвещенность населения, что привело к упадку традиционного для этого региона ислама ханафитского толка.

Но с развалом СССР общая ситуация изменилась.

Идеи радикального ислама начали проникать в регион еще в 1980-х, когда с одной стороны шел крах коммунизма и советского общества, а с другой, процесс перестройки и гласности, а также война в соседнем Афганистане, вследствие чего в регионе царил атмосфера слабости и открытости к новым развитым идеям. С этими изменениями религиозная жизнь начала проявляться в некоторых районах центральноазиатского региона, к примеру, в Таджикистане, где начали формироваться первые нелегальные радикальные организации. Их действия были нацелены на размножение своего рода ислама, в новинку для региона и увеличения роли религии в функционировании общества. Разрозненное религиозное население стран Центральной Азии активно подхватило как националистические, так и религиозно-экстремистские идеи.

В начале 1990-х гг., с развалом СССР, роль радикального ислама увеличилась, так же, как и свобода действий радикалов, Радикальный ислам в странах ЦА давал о себе знать неоднократно и проявлялся в различных формах. Наиболее яркими событиями, связанными с этим процессом, представляются:

1. Гражданская война в Таджикистане (1992-1997гг.).

2. Баткенские события в Кыргызстане (1999-2000гг.). Тогда отряды, предположительно связанные с Исламским движением Узбекистана<sup>1</sup> (оно сформировалось по окончании гражданской войны в Таджикистане из числа узбекских исламистов, отказавшихся подписать Общее соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане), предприняли попытку прорваться в Узбекистан через территорию Таджикистана и Баткенскую область Кыргызстана. Общее руководство террористической акцией осуществлялось из Афганистана лидером ИДУ Тахиром Юлдашевым. Непосредственно операцией в горной местности Баткена руководил Джума Намангани и его полевые команди-

<sup>1</sup> Организация запрещена на территории РФ

ры. После гражданской войны в Таджикистане это стало самым серьезным испытанием не только для Кыргызстана, но и для всего региона.

3. Андижанские события в Узбекистане в мае 2005 г. Влияние именно исламского фактора было здесь спорным. Но официальный Ташкент возложил ответственность за насилие и гибель во время вооруженного мятежа в Андижане на радикальных исламистов, квалифицировав эти события чуть ли не как попытку государственного переворота.

Предпосылки становления региона как важнейшего центра в мировой исламистской стратегии и создания благодатной почвы для масштабной экспансии различных исламистских взглядов среди населения существовали и раньше. К примеру регион исторически являлся связующим звеном между центрами исламской цивилизации Ближнего Востока и мусульманским населением России, Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китая, узбекские города Самарканд, Бухара, крупные города Ферганской долины – Коканд, Наманган, Фергана, Андижан, и Ош, а также южные города Казахстана – Шымкент, Туркестан, Тараз – были в свое время духовными центрами мусульманской культуры в Центральной Азии: именно в них располагались основные учебные центры религиозного управления. Они издавна славилась как крупные и независимые от официальных властей теологические центры. И неслучайно многие радикальные силы ставят целью создание на территории Центральной Азии исламского государства, с ядром в Ферганской долине, которое, по замыслу, должно стать частью т.н. «Всемирного Исламского Халифата». Ведь по своему геополитическому положению Ферганская долина занимает важное стратегическое место не только во внешней политики указанных трех республик и Казахстана, она не менее важна и для политики миллиардного Китая, беспокойного Афганистана, исламского Ирана, даже далеких России и Турции. Поэтому всякие события в Фергане обязательно имеет резонанс как у ближних, так и более

дальних соседей [Коваленко 2014: 103-111].

Как видно из вышеизложенного, совокупность определенных исторических, геополитических, культурных и экономических, факторов во многом объясняют подверженность и уязвимость государств Центральной Азии перед угрозой религиозного экстремизма. Тем более что советский тоталитарный режим не смог полностью разрушить учреждения ислама, он загнал религиозное течение в глубокое подполье, но не уничтожил его. Но помимо исторических предпосылок существуют и другие причины исламизации Центральной Азии и роста фундаменталистских настроений

Угрозы безопасности региону Центральной Азии со стороны радикального исламизма на афганском и ближневосточном направлении усиливаются целым рядом негативных внутренних вызовов, заставляющих отнести большинство стран региона к «хрупким» государствам. «Хрупкость» создает потенциал крушения и образования «несостоявшихся государств», не контролирующей собственную территорию. Именно такие государства являются идеальной питательной средой для укоренения радикальных террористических группировок, типа ИГ<sup>1</sup>. В связи с этим ниже приведены экспертные оценки ситуации в странах Центральной Азии в The Fragile States Index, 2017.

Страны Центральной Азии в Индекс «хрупкости государств» (The Fragile States Index, 2017)<sup>2</sup>.

Страна	Узбекистан	Таджикистан	Кыргызстан	Туркменистан	Казахстан

<sup>1</sup> Организация запрещена на территории РФ

<sup>2</sup> The Fragile States Index, 2017

<http://fundforpeace.org/fsi/country-data/>

## Влияние афганского кризиса на процесс исламизации Центральной Азии

Место в мире из 178 стран (более низкое место означает рост угрозы)	63/178	61/178	65/178	86/178	113/178
Баллы (большее число баллов означает рост угрозы)	85.1	81.8	80.3	74.4	65.9
Категория	<b>High Warning</b>	<b>High Warning</b>	<b>High Warning</b>	<b>Warning</b>	<b>Low Warning</b>

Приведенные оценки показывают, что существует серьезная угроза разрушения государственности в большинстве стран Центральной Азии, хотя она пока и не материализовалась, как это уже произошло во многих странах Африки и Азии. Вторым значимым фактором, способствующим «хрупкости государств» и росту угрозы со стороны радикального исламизма, является очень высокая коррупция в регионе. Коррупция, во-первых, тесно связана с организованной преступностью. Особенно с наркоторговлей, из которой могут финансироваться, как мы отмечали, террористические группировки. Во-вторых, она резко снижает эффективность деятельности государственных институтов, в том числе, и в борьбе с угрозой со стороны радикального ислама. В-третьих, высокая коррупция и связанное с ней социальное неравенство являются одним из главных пропагандистских аргументов против существующих светских режимов, используемых радикальными исламистами, в том числе, и ИГИЛ<sup>1</sup>, в регионе.

Немаловажную роль конечно же играет социально-экономическое положение стран. Бедность и необразованность значительной массы населения региона и безработицу, что создает почву для распространения радикальных идей. Так согласно данным Global Finance, Казахстан находится на 54-м месте (ВВП - 25,979 долл.), Туркмения на 73-месте (ВВП- \$18,414) и

Узбекистан на 127-месте (ВВП - 6,902 долл.), Кыргызстан занимает 148-е место (ВВП – 3467 долл., Таджикистан -157-е (ВВП – 2982 долл.)<sup>2</sup>.

Необходимо отметить что проблемы, связанные с масштабами исламизации, хорошо понимает политическое руководство центральноазиатских стран видят своими главными противниками исламских радикалов, призывающих к джихаду и созданию «центральноазиатского Халифата». Опасения руководства стран Центральной Азии в дестабилизации ситуации в регионе подогревается внутренними факторами, а именно хрупкостью существующих политических режимов, приближающихся к ситуации неизбежной передачи власти (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан), которая в условиях авторитарного правления является одной из самых сложных. При этом очевидно, что «коллективные силы быстрого развёртывания будут не в состоянии справиться с исламскими радикалами, если тем удастся встать во главе массовых движений недовольного социально-экономическим положением населения. Главный потенциальный очаг волнений, замешанных на принципах радикального ислама, – густонаселённая Ферганская долина, где сходятся границы трех государств – Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстан. В то же время конкретных шагов по локализации и сдерживанию распространения, в том числе радикального, ислама практически не предпринимается. Более того, в целом ряде случаев именно политической властью создаются условия, благоприятствующие его распространению и укоренению. В регионе сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, руководство стран ЦА высказывает озабоченность возможностью проникновения радикальных исламских группировок из-за рубежа, прежде всего из Афганистана, но с другой – активно способствует развитию исламского самосознания собственного населения.

На сегодняшний день имеются несколько трендов в отношении религии в

<sup>1</sup> Организация запрещена на территории РФ

<sup>2</sup> Global Finance Economic Data <https://www.gfmag.com/global-data>

Центральной Азии. Первый — ислам укореняется во многих сферах общественной и личной жизни населения региона. Население стран Центральной Азии в подавляющем большинстве позиционирует себя мусульманами. Причем если еще пять — шесть лет назад это позиционирование было преимущественно формальным, то сегодня происходят заметные процессы проникновения вчерашних «формальных» мусульман региона в глубины веры. Тем не менее примерно третья часть от общего количества мусульман остается на позициях формального исповедания ислама, что многое объясняет в текущей ситуации с исламом в Центральной Азии. Почему, например, проповедь салафитов имеет относительный успех в регионе? Потому что углубление в веру актуализирует многие вопросы, ответы на которые нечасто дает официальное мусульманское духовенство, но дают салафиты. Почему, несмотря на очевидную абсурдность аргументов экстремистов, они все же находят сторонников в среде мусульман региона? Да потому, что формально верующая часть мусульман не обладает достаточными знаниями основ ислама, чтобы разобраться в этих аргументах. Она и подпитывает экстремизм.

Второй тренд, связанный с первым, — заметная исламизация обществ стран региона. Здесь имеются и позитивный, и негативный моменты. Позитивный состоит в том, что ислам, расширяя свое присутствие в обществе, получает возможность духовно оздоравливать его, в том числе и отдельные политические стороны жизни общества. Негативный аспект заключается в чрезмерных требованиях исламистов к обществу жить исключительно по законам шариата. Некоторой компенсацией второго тренда выступает третий — устойчивое сохранение светского характера всех государств Центральной Азии. При достаточно широком разбросе мнения населения разных стран Центральной Азии относительно перспектив влияния ислама на государственное устройство стран региона большинство выступает за светский тип государства.

Влияние радикального ислама ощущается в Центральной Азии особенно остро по сравнению с другими регионами постсоветского пространства благодаря границе с Афганистаном, который, хотя и в разной степени, оказывает дестабилизирующее воздействие на ситуацию во всех пяти центральноазиатских государствах: Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане. Но тем не менее радикальный исламизм в регионе и религиозная ситуация в Центральноазиатском пространстве распространены неравномерно. В большей степени его идеям подвержены Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан, в меньшей — Казахстан и Туркменистан, хотя подъем исламистских настроений имеет место и в последних двух странах.

Для полного представления религиозной ситуации в странах ЦА, мне хотелось рассмотреть каждую страну в индивидуальном порядке.

Как уже отмечалось выше, традиции ислама и противодействие светскому правлению имеют здесь давнюю историю, а позиции радикального исламизма в регионе оказались достаточно прочными. Наиболее показателен в этом отношении, на мой взгляд, опыт Таджикистана. Он оказался одной из наиболее проблемных республик ЦА из-за особенно сильного воздействия на местный политический процесс радикального исламизма. Этот феномен связан с тем, что, во-первых, Таджикистан стал единственной республикой ЦА, втянутой в 1990-е гг. в гражданскую войну, которая, по сути, была борьбой двух тенденций развития — светской и теократической. Во-вторых, именно в Таджикистане в этот период столкнулись интересы как региональных, так и нерегionalных акторов, позднее участвовавших в межтаджикском диалоге, который в конечном итоге привел к урегулированию конфликта. В-третьих, в течение длительного времени Таджикистан являлся единственным государством ЦА, где властями была официально разрешена деятельность исламской политической организации — Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ). Ее представители были инкорпорированы в органы исполнитель-

ной и законодательной власти республики, а также в правоохранительные и военные структуры. Ситуация с радикализацией ислама в Таджикистане и других странах ЦА осложнялась быстрым накоплением критической массы внутренних проблем, которые активно использовались местным религиозным подпольем для дискредитации светских правящих режимов. На сегодня Таджикистан считается лидером по уровню исламизации общества среди центральноазиатских республик. Согласно заявлению пресс-секретаря Государственного комитета по делам религии Афшин Мукима в Таджикистане зарегистрировано 4010 религиозных объединений и 3930 мечетей.<sup>1</sup> Так, если по данным на 2009 г., в республике действовало около 3000 мечетей, из которых 259 являлись соборными, то на 2014 г. эта цифра возросла до 3424 мечети, из которых 344 имеют статус соборных мечетей, а 40 – центральных соборных мечетей. Осознавая, какую угрозу представляет собой взрывоопасный потенциал политического исламизма, руководство Таджикистана проводит политику сочетания мер концептуального противодействия с использованием правоохранительных ресурсов в пресечении тенденций радикализации населения.

Во-первых, осуществляется последовательное вытеснение из общественного сознания привнесенного извне политического исламизма, в целях чего активно реализуется стратегия поддержки традиционного направления ислама, тщательного изучения его истинной сущности и усиления социальных функций. В этом плане в Таджикистане, впервые в Центральной Азии, на государственном уровне официальным течением ислама признано суннитское направление ислама ханафитского мазхаба, проведены крупные международные мероприятия в честь основоположника этого течения Имама Аъзама и других великих представителей исламской культуры.

Во-вторых, налаживается системная работа по подготовке и изданию научно-

популярной и публицистической литературы, раскрывающей антиисламский характер идеологии религиозно-экстремистских и террористических организаций. Указанная задача была поставлена в ходе выступления перед духовенством главой Таджикистана Эмомали Рахмоном, который, в частности, отметил, что «мы должны защищать священную религию ислам от раскольников и смешивания с экстремизмом, показать людям ее истинную духовно-нравственную суть, природу и толерантность, особенно нашему молодому поколению, использовать исламские ценности в его морально-нравственном воспитании. Защита ислама от этих негативных явлений является работой не только государственных органов, но и основной обязанностью религиозных объединений, Исламского центра Таджикистана, Совета улемов и каждого знатока исламских наук. Поэтому, Центру исламоведения, соответствующим институтам Академии наук Республики Таджикистан, кафедрам социологии ВУЗов страны и всем ученым сферы следует расширить исследовательские работы в этом направлении и представлять обществу научно-аналитические произведения».

В-третьих, одновременно ликвидируются неподконтрольные государству нелегальные структуры и каналы, используемые для распространения политизированного ислама и радикализации населения. В том числе пресекается деятельность подпольных религиозных школ, принимаются меры по возвращению в страну граждан, проходящих обучение в исламских государствах, выявляются и задерживаются организаторы отправки молодежи в зарубежные теологические учебные заведения и др.

В Узбекистане процесс исламизации общества в постсоветское время сопровождалась политикой деисламизации, проводимой режимом Ислама Каримова. Суть этой политики заключалась, прежде всего, в запрете деятельности любых организаций, имеющих даже отдаленную связь с религией. Гонения и преследования религиозных деятелей, контроль над существующими мечетями и религиозными

<sup>1</sup> Таджикистан: Власти закрывают моленные дома <http://russian.eurasianet.org/node/62901>

центрами, объявление войны против религиозных подпольных организаций стали ключевыми направлениями антирелигиозной политики властей в Узбекистане в постсоветские годы. Тем не менее, процесс исламизации общества, политизации и радикализации ислама даже в таких условиях в республике уже нельзя было остановить. Появилось огромное количество религиозных организаций, которые начали действовать в глубоком подполье с момента своего создания.

Преобладающей религией в Узбекистане является ислам суннитского толка, который исповедуют 93 % населения страны, за исключением 1 % мусульман-шиитов, которые проживают на территории Бухары и Самарканда. Узбекистан (особенно входящая в это государство часть Ферганской долины) является основным очагом распространения исламского экстремизма в регионе Центральной Азии. В связи с этим в стране ведётся активная борьба с Исламским движением Узбекистана (ИДУ)<sup>1</sup>, связанным с ним Исламским движением Туркестана (ИДТ)<sup>2</sup>, и другими радикальными группировками, которые предприняли несколько попыток развернуть вооружённые действия против правящего в стране режима. Исламисты организовывали теракты (в Ташкенте и других городах), восстания (в Андижане), делали попытки вторгнуться на территорию Узбекистана через соседние страны («Баткенская война» в Кыргызстане). Сложность проблемы роста религиозного экстремизма в Узбекистане связана, в том числе, и с клановой политикой. В целом ситуация в религиозной сфере в Узбекистане в настоящее время находится под контролем властей. Однако перспективы сохранения стабильности в стране в связи с экономическим кризисом и неизбежным переделом власти между группами правящей элиты после смерти Ислама Каримова являются достаточно неопределёнными. В случае негативных толчков извне, в частности из Афганистана, с Ближнего Востока, из соседних, менее стабильных госу-

дарств Центральной Азии, ситуация может стать особенно тревожной. Причиной большей представленности исламистов в Узбекистане и Таджикистане является, на мой взгляд, этнический фактор, который сближает народы этих стран с Афганистаном. Таджики и узбеки по численности являются соответственно второй и третьей народностями в Афганистане.

Наиболее лояльная ситуация к религии сложилась в Кыргызской Республике. За последние 26 лет количество мечетей в Кыргызстане увеличилось в 70 раз, заявил сотрудник 10-го Главного управления МВД Эрлан Бакиев в рамках конференции «Новые форматы противодействия религиозному экстремизму». По его словам, сегодня активную деятельность в республике ведут 2 743 мечети, хотя в советский период их было всего 39. По данным Бакиева, мечети в Кыргызстане строились главным образом в 2000-х гг.<sup>3</sup> Большинство мечетей расположено на юге страны, а религиозный экстремизм традиционно связан в основном с южными регионами: Ошской, Джалал-Абадской и Баткенской областями. По подсчётам экспертов, более 90 % этих мечетей построено при финансовой поддержке иностранных религиозных центров, богатых граждан и государств, реализующих в Кыргызстане свои геополитические проекты.

По данным Государственной комиссии по делам религии при президенте Кыргызской Республики, по состоянию на начало 2017 г. в Кыргызстане судами различной инстанции запрещена деятельность 19 экстремистских и террористических организаций, 18 из которых относят себя к числу исламских.<sup>4</sup> Из запрещённых религиозных организаций быстрыми темпами увеличивают число своих последователей, прежде всего «Аль-Каида»<sup>5</sup> – около 2 тыс. человек, ИДУ («Исламское движение Узбекиста-

<sup>3</sup>Спутник-Кыргызстан // <https://ru.sputnik.kg/Kyrgyzstan/20161121/1030394466/za-gody-nezavisimosti-kr-chislo-mechetej-v>

<sup>4</sup>Список организаций, деятельность которых запрещена на территории Кыргызской Республики [http://religion.gov.kg/ru/religion\\_organization/](http://religion.gov.kg/ru/religion_organization/)

<sup>5</sup> Организация запрещена на территории РФ

<sup>1</sup> Организация запрещена на территории РФ

<sup>2</sup> Организация запрещена на территории РФ

на»<sup>1</sup> – порядка 3 тыс. человек и «Хизб-ут-Тахрир»<sup>2</sup> – около 15 тыс. сторонников, а из незарегистрированных – «Таблиги Джамаат» – порядка 20 тыс. участников. Они имеют свои ячейки во всех регионах республики. Причём «Таблиги Джамаат»<sup>3</sup> в своей деятельности, направленной на построение в Кыргызстане исламской теократии, формально придерживается тактики невмешательства в политику, отдавая приоритет проповедям и пропаганде. Поэтому уличить данную структуру в экстремистской деятельности довольно трудно. В то же время не без внешнего влияния происходит дробление традиционной мусульманской религиозной организации, находящейся в ведении Духовного управления мусульман Кыргызстана (ДУМК), на мелкие направления, заметно отличающиеся своими целями и религиозными установками. Сегодня главой ДУМК избран один из лидеров (Токтомушев Максат) упомянутой выше организации «Таблиги Джамаат», конечной целью которой является возрождение всемирного халифата и ликвидация национальных государств. Особенно заметно присутствие иностранных религиозных центров в такой важной сфере деятельности религиозных организаций, как строительство религиозных объектов.

Обзор деятельности в Кыргызстане религиозных объединений экстремистской направленности поднимает проблему противостояния им государства и общества в качестве важной проблемы национальной безопасности страны. Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики уделяет оценке подобных движений самое серьёзное внимание. В частности, в документе констатируется, что «Религиозный экстремизм и международный терроризм в настоящее время представляют масштабную угрозу для Кыргызской Республики. По своей сути, религиозно-экстремистские и террористические организации, консолидировав свои силы на базе единой экстремистской идеологии, ста-

новятся мощными преступными интернациональными структурами, имеющими широкую сеть своих единомышленников и в нашей республике.

Казахстан до недавнего времени являлся наиболее благополучной страной региона с точки зрения проблемы распространения религиозного радикализма. Это объяснялось следующими причинами: стабильным состоянием экономики (порядка двух третей ВВП стран Центральной Азии производится в Казахстане). Государство проводило политику, которая создавала реальные возможности беспрепятственно выстраивать религиозную жизнь как отдельной личности, так и целых общин. Такая политика способствовала установлению отношений взаимной терпимости и уважения между гражданами, а также между различными религиозными объединениями. В настоящее время ислам в Казахстане переживает возрождение, усилился его социально-политический престиж и авторитет. Развитие ислама в Казахстане – самой неисламизированной до недавнего времени республики ЦА – идёт ускоренными темпами. Если до обретения независимости количество мечетей во всём Казахстане составляло 68, то сегодня их число достигло 2500, но и этого уже не хватает. Роль имамов в современном Казахстане возросла в разы. Они уже давно не ограничиваются исполнением религиозных ритуалов, а активно участвуют в общественной жизни, выступают с докладами на научных конференциях, широко представлены в информационном поле. Как и в других странах ЦА, в Казахстане огромными тиражами выпускается религиозная исламская литература, которая, как правило, раздаётся бесплатно. Причём это не только Коран, хадисы Пророка, но и различные положения шариата. В РК активно работает несколько исламских издательских центров, а также издательств, занимающихся публикацией журналов и газет на религиозную тематику. Так же возникло множество малочисленных религиозных групп, не всегда считающихся с законом. Таким образом формируется интеллектуальная и религиозная элита, которая в самое ближайшее время может занять политические

<sup>1</sup> Организация запрещена на территории РФ

<sup>2</sup> Организация запрещена на территории РФ

<sup>3</sup> Организация запрещена на территории РФ

и хозяйственные должности в стране. Последствия таких кадровых перестановок вполне предсказуемы – Казахстан всё больше втягивается в сетевую структуру ислама.

Туркменистан в наименьшей степени подвержен влиянию исламских радикалов и, соответственно, здесь практически нет противоправных действий на почве религиозно-мотивированного терроризма. Эксперты объясняют этот феномен двумя обстоятельствами: во-первых, традициями в духовной сфере туркмен, которые никогда не были привержены фундаменталистским формам исповедания ислама и, во-вторых, жесточайшим контролем государства за всеми проявлениями религиозной жизни в стране. В Туркменистане с 1994 г. действует Генгеш (совет) по делам религии при президенте страны. Руководителями совета (председатель и его заместители) являются муфтий (глава мусульман) Туркменистана, заместитель муфтия, благочинный (православный священник) Туркменистана и один гражданский чиновник. В областях (велятах) при местных администрациях были образованы велятские советы по делам религий, возглавляемые главными имамами областей. Все указанные выше религиозные руководители получают зарплату в качестве служащих государственных органов, что, конечно, является грубейшим нарушением конституции страны, по которой религиозные объединения отделены от государства.<sup>1</sup> Но оно полностью контролирует религиозную сферу. Многие эксперты и политологи признают, что в отличие от соседей Туркменистану удалось избежать появления на своей территории ваххабитских группировок и их агентов влияния. Во многом это произошло, конечно, благодаря жесткому контролю со стороны власти и спецслужб, но и не в меньшей степени вследствие того, что туркменская религиозная среда, ментальность народа органически не приемлют религиозного фундаментализма. Поэтому предпосылок, что в Туркмени-

стане начнется рост ислама фундаменталистского толка, мало. Направляемые в республику экстремистской религиозной организацией «Хизб-ут-Тахрир»<sup>2</sup> эмиссары практически все потерпели фиаско, поскольку население крайне вяло отзывалось на те призывы, которые они там пропагандировали, а нелегально ввозимая литература зачастую оказывалась невостребованной. Но в последнее время Туркменистан также относят к числу государств, где наблюдается резкое обострение проблемы религиозного экстремизма. Это связано как с появлением в 2014-2015 гг. на туркменско-афганской границе (где живут туркменские племена) сил, связанных с ИГИЛ<sup>3</sup>, так и (по ряду сообщений и экспертных оценок) с активизацией салафитской пропаганды внутри Туркменистана. К сожалению, в силу закрытого характера этой страны какая-либо достоверная информация о ситуации внутри Туркменского государства у международного сообщества отсутствует.

Обзор религиозной ситуации в Центральной Азии позволяет сделать следующие выводы. В Центральной Азии имеет место рост религиозно-мотивированного экстремизма и терроризма. Несмотря на ужесточение законодательной базы в борьбе с экстремизмом и терроризмом, преследования и многочисленные судебные процессы, объемы этих противоправных действий не уменьшаются. Следует признать, что противодействие исламским радикалам в регионе неэффективно. Ислам в Центральной Азии все больше втягивается в политику, тем самым политизируется. Это первое условие его радикализации.

По своей сути ислам — религия мира и добра; вера, несущая своей целью упорядочивание жизни людей и обретение смысла бытия и счастья; религия, в которой не может быть никакого принуждения или применения силы. Приверженцы радикального ислама, зачастую прикрываясь Священным писанием, продолжают вести войну с неверными. Однако оправдание жестокости и террористической деятель-

<sup>1</sup> Конституция Туркменистана от 18 мая 1992 г. №691-ХП, Статья 18.

<sup>2</sup> Организация запрещена на территории РФ

<sup>3</sup> Организация запрещена на территории РФ

ности не совсем справедливо отождествлять с религией миллиардов людей. Религия — прикрытие, лозунг для привлечения масс, внешняя оболочка экстремизма, который по сути своей является экстремизмом политическим, так как преследует чисто политические цели [Набиев, Шакиров 2015: 83-90].

Поэтому надо освободить его от излишней политизации. Дело религии — спасать души людей, а не превращаться в протестную форму. Тем более что религия способна канализировать протестный потенциал в созидательное русло личностного и общественного развития. Необходимо осознать, что религиозно-мотивированный экстремизм и терроризм в настоящее время представляет одну из самых значительных угроз стабильности Центральной Азии. Его формы и методы совершенствуются. Он втягивает в свою орбиту молодежь. Радикальные исламистские течения сращиваются с наркобизнесом, организованной преступностью, торговлей людьми. Растет организованность и мобильность исламистских групп, они начинают прибегать к сетевому принципу организации и функционирования. Соответственно, надо совершенствовать меры, способы и формы противодействия радикальным исламистским течениям в регионе. Не исключено, что радикальный ислам в регионе находит поддержку среди чиновничьей бюрократии и бизнес-элиты. Эти возможные связи необходимо всесторонне и детально исследовать. Активность исламских радикалов в Центральной Азии подпитывается острыми проблемами в социально-политической, экономической и собственно религиозной жизни региона. Терроризм с «религиозным лицом» является формой «прорыва» системных противоречий. Для того чтобы религиозно-мотивированный терроризм стал фактом и реальностью, необходимо сочетание многих и многих факторов. Они представляют собой как бы структуру терроризма, где каждый из них — одно из условий, порождающих терроризм. Разрушая то или другое условие терроризма, можно ослаблять его потенциал. Отношение населения Центральной Азии к экстремистам и террористам на религиоз-

ной почве неоднозначное: наряду с неприятием этих форм существует и поддержка. Исследователями доказано, что без ощутимой поддержки радикалов населением исламистские движения не могут существовать. Население региона не испытывает уважения к официальным исламским структурам. Уважением пользуются неформальные мусульманские лидеры. В регионе присутствует недовольство правящими режимами, что подпитывает имеющиеся формы протеста (в том числе и радикально-исламистской направленности). Почти все режимы в Центральной Азии авторитарны, правящие элиты замкнуты сами на себя, отсутствуют эффективные методы воздействия на власть. Социальные программы в большинстве случаев не выполняются, а социальные лифты сокращаются. Исламские радикалы фиксируют просчеты власти и преподносят это как аргумент в пользу организации власти на основе норм шариата. Зарубежные проповедники радикального ислама в предыдущие годы заметно преуспели в насаждении идеологии исламизма. Сегодня уже и без подобных проповедей потенциал радикализма в регионе способен к росту. Остались их ученики — теперь проповедают они. Созданы центры «кристаллизации» радикальных общин и террористических групп. Среди имеющихся форм борьбы с исламизмом в Центральной Азии доминируют силовые. Их эффективность ограничена. Необходимо развивать превентивные формы противодействия религиозно-мотивированному экстремизму и терроризму, зарубежный опыт показывает их большую эффективность. Властным структурам региона необходимо осознать, что представители исламских радикальных течений — это, чаще всего, их сограждане. Наряду с формами жесткой борьбы с ними, нередко физического уничтожения, следовало бы попытаться вернуть их в правовое русло, интегрировать в общество. Для этого надо проводить профилактическую работу, вести дискуссии в области веры, вероисповедальной практики, не бояться острых обсуждений наиболее актуальных проблем развития государств региона. Высказанное предложение в полной мере от-

носится и к духовным лидерам, муфтиям, имамам, улемам региона. Представляется, что во многом ситуация с распространением исламского радикализма достигла сегодняшних масштабов как раз вследствие недееспособности исламского руководства в странах Центральной Азии. Официальные лидеры исламской уммы региона устранились от дискуссий с радикалами, от каждодневных проповедей, содержащих ясную и обоснованную критику идей радикализма. Имамы боятся поднимать острые вопросы социального и экономического характера, чем активно пользуются исламские радикалы, которые и дают ответы на эти вопросы, чем привлекают сторонников. Духовным лидерам Центральной Азии надо перехватить инициативу религиозной проповеди. Следует помнить, что в нестабильности Центральной Азии заинтересованы многие крупные субъекты современной геополитики. Пользуясь наличием протестного потенциала в регионе и принесенными из-за рубежа отточенными формами радикализма, эти «игроки» накладывают радикализм на протестный потенциал и провоцируют конфликты с последующим управлением ими, чем достигают глобальных геополитических целей. Необходимо осознавать, что у экстремистов и террористов региона нет положительной программы, кроме сомнительной для современного мира идеи халифата. Они относительно сильны в критике, но конструктивной программы действий у них нет. Эту ситуацию надо использовать в идейном противостоянии исламотивированному экстремизму и терроризму. И конечно, надо решать политические, социальные, экономические проблемы, имеющиеся в регионе. Именно их нерешенность дает аргументы радикалам. Круг актуальнейших для региона проблем давно очерчен: коррупция, отсутствие социальной справедливости, огромные размеры безработицы среди молодежи, отсутствие «социальных лифтов», слабое развитие демократических институтов и т. п. Решение обозначенных проблем является самой эффективной формой борьбы с религиозно-мотивированным экстремизмом и терроризмом.

## БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Кенесариев Т.* Исламский фактор в общественной жизни стран Центральной Азии (на примере Республики Кыргызстан) // Новая идентичность и конфликтный потенциал постсоветского пространства. Сборник научных статей. К 25-летию СНГ. Под редакцией К.П. Курылева. Москва, 2017. С. 23-26.
2. *Кенесариев Т.* История и нынешняя ситуация замороженных конфликтов в Ферганской долине // Новая идентичность и конфликтный потенциал постсоветского пространства. Сборник научных статей. К 25-летию СНГ. Под редакцией К.П. Курылева. Москва, 2017. С. 74-77.
3. *Коваленко Г.В.* Ферганский фактор как проблема безопасности Центральной Евразии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. №4. С. 103-111.
4. *Курылев К.П., Савичева Е.М.* Содружество Независимых Государств. // Учебно-методическое пособие для бакалавров и магистров направлений подготовки «Международные отношения», «Политология», «История» 3-е издание, переработанное и дополненное. М.: Изд-во РУДН, 2013. - 168 с.
5. *Набиев Р.А., Шакиров И.Я.* Ареалы активизации исламских фундаменталистских течений в постсоветских среднеазиатских государствах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. №3. С.83-90.

**Сведения об авторе:** Аманбекова Ширин, магистр в области международных отношений, выпускница Сетевого университета СНГ (e-mail: amanbekova.sh@gmail.com).

### IMPACT OF THE AFGHAN CRISIS ON THE ISLAMIZATION PROCESS IN CENTRAL ASIA

**Sh. Amanbekova**

Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn

Bishkek, Kyrgyz Republic

RUDN University, Moscow, Russia

*Abstract.* The Central Asian region is today one of the most "explosive". There are several reasons for that. The first is that since the disintegration of the united Soviet space of defense and security, guaranteed within the USSR for more than 70 years, a colossal ideological, political, ideological and spiritual vacuum has formed, which is inevitably attractive for the forces that expect to consolidate their positions in the region. Not least, various organizations of radical Islamic and pseudo-religious persuasion are meant here. The second reason lies in one of the main sources of threats to the security of the Central Asian region of the CIS since the early 90s. It is the consistently unsettled Afghan problem. Restoring peace and stability in Afghanistan is one of the urgent international and regional problems, first of all for the states of Central Asia, directly facing the negative consequences of the long-term war in that country. The conflict in Afghanistan gave rise to threats and challenges to the stability and security of the countries of Central Asia, which are experiencing a difficult stage in the formation and strengthening of their statehood, such as religious extremism, ethnic intolerance, terrorism, drug trafficking and arms smuggling. Moreover, the possibility of transferring a conflict situation from Afghanistan to the CIS countries is by no means hypothetical. First of all, because both sides of the border reside representatives of the same ethnic groups, for centuries connected with each other by ties of a historical and cultural community, and sometimes even kinship. All these factors cause the complexity of solving the problem, traditional political or humanitarian approaches to which are not effective in this case.

Using the methodology of political science (the method of political analysis) and historical science (the historical-analytical method, the method of comparison and the method of retrospective evaluation), the author tried to identify key specific features, characteristic for the processes occurring in the region during the last three decades.

*Key words:* Afghanistan, CIS, Central Asia, terrorism, islamization, radicalism.

## REFERENCES

1. *Kenesariyev T.* Islamic Factor in the Public Life of the Countries of Central Asia (on the Example of the Republic of Kyrgyzstan) // New Identity and Conflict Potential of the Post-Soviet Space. Miscellany of scientific articles. To the 25th anniversary of the CIS. Edited by K.P. Kurylev. Moscow, 2017. P. 23-26.
2. *Kenesariyev T.* History and current situation of frozen conflicts in the Fergana Valley // New Identity and Conflict Potential of Post-Soviet Space. Miscellany of scientific articles. To the 25th anniversary of the CIS. Edited by K.P. Kurylev. Moscow, 2017. S. 74-77.
3. *Kovalenko G.V.* Fergana factor as a security problem of Central Eurasia // Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. Series: International relations. 2014. №4. P. 103-111.
4. Kurylev K.P, Savicheva E.M. Commonwealth of Independent States. // Educational and methodological help for bachelors and masters of the directions of preparation "International relations", "Political science", "History" 3rd edition, revised and supplemented. Moscow: Publishing House of the Peoples Friendship University of Russia, 2013. - 168 C.
5. *Nabiev R. A., Shakirov I.Ya.* Areas of activation of Islamic fundamentalist trends in post-Soviet Central Asian states // Bulletin of the Russian University Friendship between nations. Series: International relations. 2015. № 3. P.83-90.

**About the author:** Amanbekova Shirin, magister of international relations, graduate of the CIS Net University (e-mail: amanbekova.sh@gmail.com).

**ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ  
УКРАИНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ  
ПАРТИЙ КАК КАНАЛА РЕКРУТИНГА  
НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ  
ПОСЛЕ ЕВРОМАЙДАНА**

**А.А. Фомин**

Российский университет дружбы народов,  
Москва, Россия

*Аннотация.* В статье предпринята попытка анализа особенностей развития украинских политических партий как канала рекрутинга национальных элит после социально-политических изменений в стране к которым привел «Евромайдан». Особое внимание уделено сравнению ценности партийного членства «до» и «после» февраля 2014 г.

Кроме того, в статье проанализированы современные теоретические разработки по исследуемой проблематике.

При работе над материалом автор применял следующую методологическую базу: метод политической аналитики, метод сравнения, метод ретроспективной оценки и метод контент-анализа.

*Ключевые слова:* политическая партия, политическое членство, Евромайдан, коррупция

В современной политической науке Украины идет широкая дискуссия о движущих силах перемен в украинском обществе, в частности о факторе «Евромайдана», наличия в стране «проукраинских» политических элит, их способность (или неспособность) к общенациональной ответственности за развитие страны. Острым остается вопрос качества и открытости процесса набора и отбора политических элит.

Украинские ученые в сфере политических наук отмечают, что основной проблемой отечественного процесса рекрутинга элит остается монополизация олигархатом политических партий как канала отбора новых политических кадров. Как следствие, отмечают: отсутствие социальных лифтов, отсутствие массового партийного членства и массового политического участия. На вышеприведенных проблемах акцентируют внимание следующие укра-

инские ученые: В. Войналович, А. Зуйковская [2], В. Мачуский и другие.

Так же, по мнению автора, на современной этапе развития общества необходимо выделить научные исследования, которые рассматривают политические процессы в условиях постмодернизма: М. Хардт [3], С. Кара-Мурза [4], А. Дугин [5], и другие.

Например, А. Дугин выделяет политику и политические процессы в качестве виртуального процесса, где последнее вытесняет актуальное. С. Кара-Мурза отмечает, что сегодня в т.н. «новое время» разошлись пути двух типов общества: гражданского (либерального, «демократического») и традиционного (общественный, «тиранический») [Кара-Мурза: 2009]. Первое построено на матрице рынка, а второе - на матрице семьи. В первом главный способ управления — это манипулирование сознанием, а во втором - открытое принуждение.

Рассматривая в вышеприведенном контексте постмодернизма политический процесс, можно привести исследование Х. Йохансен, которая касается вопроса ценности членства в современных политических партиях. Она сравнила его с членством в танцевальном клубе (англ. Dance Club). «Качество предоставляемых партиями услуг полностью зависит от сотрудничества членов партии с руководством партии. Одновременно, членам партии - данс-клуба - все меньше нравится в нем «танцевать», тогда как руководство партии - администрацию данс-клуба такое положение вещей устраивает», - пишет исследователь [Johansen: 2005].

Несмотря на то, что исследование Йохансен не относится напрямую к украинским политическим партиям - оно полностью отображает современную ценность партийного членства и в отечественных политических партиях. Дело в том, что после распада СССР Украина активно интегрируется в глобальную экономическую и политическую систему Запада, таким образом, порождая унификацию проблематики. Еще политические исследователи А. Негри и М. Хардт в своей работе «Империя» (2000 г.) констатировали, что совре-

менная империя, история которой связана с историей и политической системой США - включает в себя любую зону, которая подпадает под ее контроль [Хардт, Негри: 2004].

Так исторически сложилось, что на Западе развитие получили преимущественно кадровые политические партии - объединение известных людей, созданное для подготовки выборов, проведения избирательных кампаний (нотабли). Такие партии исключают массовое политическое членство и имеют множество «фильтров» при отборе кандидатов. Массовые же партии (например, КПСС) строятся на совершенно иных принципах и делают акцент не на качестве, а на количестве. «Фильтрация» кандидатов идет на либеральных основах.

Собственно, на Украине после развала СССР политические партии стали преимущественно кадровым (де-факто), но сохранили атрибуты массовости (де-юре): право на вступление в политическую партию, членские взносы, партийные билеты согласно Закона Украины о политических партиях в Украине №1540-19 от 2001 г.<sup>1</sup>

Для подтверждения вышеизложенного тезиса приведем несколько примеров. Так, 11 октября 2011 г. лидеру украинской оппозиции Ю. Тимошенко (заняла 2-е место на выборах Президента Украины в 2010 г. - прим. авт.) огласили обвинительный приговор. Соратники Тимошенко, в свою очередь, призвали к тотальной мобилизации членов партии и своих сторонников, которых на тот момент формально насчитывалось более 500 тыс. человек. Максимальное количество протестующих, которое удалось добиться в пик уличной активности — это 10 тыс. человек<sup>2</sup>.

Аналогичная ситуация была и с провластной (по состоянию на февраль 2014 г.) «Партией Регионов». Официальная статистика политической силы свидетельствовала о том, что количество членов достигало 1 млн. человек. Но на практике

участие в провластных акциях «Антимайдан» (зима 2013-2014 гг.) в Киеве принимало не более 7,5-10 тыс. человек. Хотя только в столице, согласно отчетам партийных организаций, насчитывалось 28 тыс. членов партии [1].

В теории «член партии» является высшей степенью вовлеченности гражданина в ту или иную политическую структуру (по теории М. Дюверже). Если «сторонник» или «симпатик» допускает пассивное участие, то «член партии» в теории это активный участник всех процессов. В вышеприведенных примерах мы видим, что между активностью и количеством членов партии - нет корреляции. Это, в свою очередь, говорит о том, что был произведен некачественный или фиктивный рекрутинг.

Анализируя тенденцию появления новых политических партий на Украине сегодня - можно сделать вывод, что количество так и не переросло в качество. Только с 2014 г. («Евромайдан») до 2018 г. - количество партий, которые были зарегистрированы Министерством юстиции Украины составило около 50% от всех политических партий, созданных за весь период Независимости (до февраля 2014 г.). Общее количество партий по состоянию на февраль 2018 г. - 353<sup>3</sup>.

Так же, как и раньше, политические партии можно разделить на две неравномерные части по признаку политического влияния и ценности партийного членства. В первой группе находятся политические партии, которые созданы мощными финансово-промышленными группами («донецкий клан», «днепропетровский клан» и пр.). По состоянию на январь 2018 г. к этим политическим силам можно отнести: «Блок Петра Порошенко», «Народный Фронт», «Самопомощь», «Оппозиционный блок» (ex. «Партия Регионов»), «За жизнь!» и пр. политические партии, имеющие прямую связь с действующими с ФПГ.

<sup>1</sup> Закон про політичні партії в Україні: Закон України від 5 квітня 2001 р. №2635 - III // Відомості Верховної ради України. - 2001 № 23. - 118 с.

<sup>2</sup> Василий Волга "Закулисье украинской политики" / Официальный сайт партии "Союз левых сил" - URL: <http://ppsls.org.ua/2008/06/91>

<sup>3</sup> В Минюсте подсчитали количество партий в Украине. URL: <https://korrespondent.net/ukraine/3937459-v-mynuiste-podschytyaly-kolychestvo-partyi-v-ukrayne> [дата обращения 18.02.2018]

Основное отличие партий первой категории является тот факт, что они реально выполняют функцию рекрутирования для своих членов (нотабли). Типологически их можно отнести к традиционным кадровым политическим партиям. Украинский политик В. Волга в своих мемуарах описывает процесс рекрутирования в украинской политической системе среди подобных партий следующим образом: «<...> Лидеры «Партии Регионов», честно говоря, формируя свои списки, даже не думали, что такое огромное количество людей станет депутатами - 186. После 150-го места они сидели в муках - кого же туда еще записать. Кого-то вспоминали и его сразу же туда записывали <...>»<sup>1</sup> [9].

Ко второй группе политических партий можно отнести абсолютное большинство политических сил Украины. Их задача - быть инструментом (технические партии) в борьбе политических партий первой группы и манипулирование сознанием обществом, путем создания видимости некоей «борьбы» и «плюрализма» в украинском обществе. В свое время, только для политической борьбы с Коммунистической партией Украины в своё время были созданы: Коммунистическая партия рабочих и селян, Коммунистическая партия Украины (обновленная), Социалистическая Украина. Так же отдельно существуют политические силы, которые когда-то были зарегистрированы, но не проявили никакой активности: партия «Гражданская сила», партия «Государственный нейтралитет», партия «Социальная справедливость» и десятки других.

Можно констатировать, что с момента оглашения независимости Украины (август 1991 г.) ново созданные политические партии действительно на короткий период стали каналами рекрутирования для многих современных политиков: В. Кириленко, П. Розенко, О. Семерак, О. Доний и другие.

Параллельно с массовым рекрутированием появились ФПГ, которые контролировались представителями старой партий-

ной номенклатуры и новыми собственниками основным фондов (новая бизнес элита Украины). Роль ФПГ росла в геометрической прогрессии, что согласно Железнодорожного закона Р. Михельса - было неизбежным. Российский политолог Г. Ашин пояснил остановку массового процесса рекрутирования распадом старых политических систем и необходимостью как можно быстрее формировать новые. В 1994-1997 гг. приток новых людей в элиту уменьшается, происходит процесс укрепления исполнительных органов, сравнительно с представительскими.

Параллельно уже к началу 2000-х гг. происходит деидеологизация политических партий и появления политических проектов, которые собой фактически заменили политические партии. Участие в подготовке как «Оранжевой революции» (2004 г.), так и «Евромайдана» (2014 г.) принимали кадровые политические партии («Фронт Перемен» («Народный фронт»), «Батьківщина», ВО «Свобода»), которые по-сути и сместили такие же кадровые политические партии («Партия Регионов»). Что по своей сути является борьбой одних ФПГ против других. Абсолютно закономерно, что процесс смены политической системы завершился лишь сменой политической верхушки, которая продолжила традиции старой олигархической системы управления государством.

## БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України. – 2016 / 5-6 (85-86) – с. 363
2. Зуйковська А. Система, структура та функції політичної культури// Наукові праці НаУКМА. - К. "Видавництво Києво-Могилянська академія", 2009 - с. 23-26.
3. Хардт М., Негри А. Империя. - М. Основа, 2004 – 440 с.
4. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием 2. - М.: Эксмо, 2009, - 528 с.
5. Дугин А. Геополитика - М.: Гаудэамус, 2011 – 592 с.
6. Johansen H. Political Marketing: More than Persuasive Techniques, an Organizational Perspective – 2005 – Vol. 4 (4) -p. 85-105.

<sup>1</sup> Партия мать зовет - Weekly. URL: <http://weekly.ua/pulse/politics/2011/12/09125858> [дата обращения 18.02.2018]

**Об авторе:** Фомин Александр Александрович, магистр второго году обучения магистратуры кафедры Теории и истории журналистики филологического факультета Российского университета дружбы народов. (e-mail: akstudent\_rudn@rambler.ru).

**About the author:** Aleksandr Aleksandrovich Fomin, magister of the second year, Department of Theory and History of Journalism, Faculty of Philology of the RUDN University (e-mail: akstudent\_rudn@rambler.ru).

**SPECIFIC FEATURES OF DEVELOPMENT OF UKRANIAN POLITICAL PARTIES AS A RECRUTING-CHANNEL FOR NATIONAL ELITES AFTER THE "EUROMAIDAN"**

**A.A. Fomin**

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

*Abstract.* There is made an attempt to analyze the peculiarities of the development of Ukrainian political parties as a channel for recruiting national elites after the socio-political changes in the country to which «Euromaydan» had led. Particular attention is paid to comparing the value of party membership «before" and "after» February 2014. In addition, there are analyzed modern theoretical developments on the problems under study. When working on the material the author used the following list of methodological instruments: method of political analysis, comparative method, method of retrospective estimation and content-analysis.

*Keywords:* political party, political membership, Euromaidan, corruption

**REFERENCES**

1. Naukovi zapiski Institutu politichnih i etnonacional'nih doslidzhen' im. I.F. Kurasa NAN Ukraïni. – 2016 / 5-6 (85-86) – p. 363
2. *Zujkovs'ka A.* Sistema, struktura ta funkcii politichnoï kul'turi// Naukovi praci NaUKMA. - K. "Vidavnistvo Kievo-Mogiljans'ka akademija", 2009 - pp. 23-26.
3. *Hardt M., Negri A.* Imperija. - M. Osnova, 2004 – 440 s.
4. *Kara-Murza S.* Manipuljacija soznaniem 2. - M.: Jeksmo, 2009, - 528 p.
5. *Dugin A.* Geopolitika - M.: Gaudjeamus, 2011 – 592 p.
6. *Johansen H.* Political Marketing: More than Persuasive Techniques, an Organizational Perspective – 2005 – Vol. 4 (4) -p. 85-105.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-  
ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ  
«ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ  
АЛИШЕРА НАВОИ  
И СОВРЕМЕННОСТЬ»**

**Д.В. Жигульская  
Ж.С. Сыздыкова**

Институт стран Азии и Африки МГУ  
имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва,

Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова 12 февраля 2018 года приветствовал в своих стенах участников международной научно-практической конференции «Творческое наследие Алишера Навои и современность», посвященной выдающемуся тюркскому поэту и мыслителю, государственному деятелю тимуридского Хорасана Мир Алишеру Навои. В ней принимали участие более 70 ученых из России, Армении, Ирана, Казахстана, Киргизии, Украины, Узбекистана.

Торжественное открытие конференции состоялось в Музее истории востоковедения Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. На нем присутствовали директор Института профессор И.И. Абылгазиев, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Узбекистан в Российской Федерации Б.Б. Ашрафханов, ректор Ташкентского государственного университета узбекского языка и литературы имени Алишера Навои профессор Ш.С. Сирожиддинов, а также представители международных и общественных организаций, в частности, Исполнительного комитета стран СНГ, Российского комитета солидарности и сотрудничества с народами Азии и Африки (РКССАА), Ассамблеи народов России и др.

Открывая конференцию, директор ИСАА МГУ профессор И.И. Абылгазиев выразил слова приветствия и благодарности Чрезвычайному и Полномочному Послу Республики Узбекистан в Российской Федерации Б.Б. Ашрафханову, почетным гостям, участникам и организаторам мероприятия.

В своем выступлении Посол Узбекистана подчеркнул, что ежегодно в День рождения Алишера Навои в России и во

многих других странах проводятся мероприятия, посвященные памяти великого представителя узбекской литературы. Его произведения переведены на языки многих народов мира. Господин Посол отметил высокую ценность творческого вклада Алишера Навои в мировую культуру.

С докладами на пленарном заседании выступили представители Ташкента и Москвы. О проблемах текстологического анализа, а также о мировом значении творческого и духовного наследия великого мыслителя рассказал ректор Ташкентского государственного университета узбекского языка и литературы имени Алишера Навои профессор Ш.С. Сирожиддинов. Кроме того, он отметил, что инициатива проведения конференции, посвященной Алишеру Навои, была принята узбекскими Навоиведами с большим почтением. После долгого перерыва, проведение конференции такого масштаба означает с одной стороны большое внимание к гению Навои, а с другой стороны – искреннее стремление русских ученых к восстановлению прежних дружеских отношений и сближению с узбекскими коллегами.

С докладом о деятельности Алишера Навои на государственной службе выступила заместитель директора ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова профессор Ж.С. Сыздыкова (тема доклада «Основные направления государственной деятельности Алишера Навои»).

Пленарное заседание завершилось презентацией учебно-методического пособия «Узбекский язык. Тексты и типовые примеры», которое явилось результатом совместной работы доцента кафедры стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова Д.В. Жигульской и коллег из Ташкента, представителей кафедры узбекского языка Узбекского государственного университета мировых языков (УзГУМЯ) З.И. Салишевой, Д. З. Пулатовой и З.Д. Усмановой.

За презентацией последовали творческие номера студентов Института, которые порадовали участников и гостей конференции блестящим исполнением стихотворений на чагатайском, персидском и современном узбекском языках.

Работа конференции была продолжена по трем секциям:

1. Культурно-философский контекст становления мировоззрения творческой личности Алишера Навои. Суфизм.

2. Творчество Алишера Навои и тюркоязычная литература. Развитие тюркского литературного языка. Проблемы современного языкознания и методика преподавания тюркских языков.

3. Историческое наследие. Писатели – современники Алишера Навои, выдающиеся творческие деятели Востока. Проблематика патриотизма и гуманизма, формирования и развития национальной идеи.

В первой секции заслуживают внимания доклады Ю.А. Аверьянова (ИВ

РАН, Москва) «Суфийские мотивы в позднемуридской живописи как отражение взглядов Алишера Навои», А.Б. Невелева (ЧелГУ, Челябинск) «Образ справедливого правителя в мировоззрении А.Навои: философско-методологический взгляд», а также А.И. Пылева (СПбГУ, Санкт-Петербург) «Шейх Йусуф Ал-Хамадани и его роль в развитии суфизма и суфийской литературы в Средней Азии», в которых авторы продемонстрировали влияние гуманистического универсализма суфийского вероучения на развитие философской мысли, литературы и искусства средневекового Востока.

Большой интерес вызвали доклады С.А. Семедова (РАНХиГС, Москва) «Суфийская мудрость Алишера Навои» и А. Арамджу (Тегеранский университет, Тегеран) «Суфийский орден Накшбандийя и его место в тюркской культуре», в которых авторы привели подробное описание особенностей суфийского тариката *Накшбандийя*, к которому принадлежал Алишер Навои. Это суфийское братство распространено на Ближнем и Среднем Востоке, на Балканах, на Кавказе (трансформировалось в мюридизм – военно-политическое течение). В современном мире орден *Накшбандийя* прочно вошел в общественную жизнь десятков стран мира, став частью мировой культуры. В своем докладе С.А. Семедов, в частности,

уделил внимание *суфийскому адабу* Алишера Навои, «который состоял из трех основных частей: светского этикета, религиозных предписаний и избранных правил. При этом, светский этикет подразумевал изысканную речь, образованность, элегантные манеры, знание поэзии, риторики и т.п.; религиозные предписания – требования шариата, дисциплинирующие душу и тело. Избранные правила регулировали поведение суфиев, их обряды и специальные приемы, такие как очищение сердца, духовную медитацию, концентрацию на мистических состояниях». При этом автор отметил, что «суфийская догма не властвовала над Навои: он во многом обогатил суфийскую философию, как и его великие предшественники, Джами, Фирдоуси, Низами, Руми».

Высокую оценку получил доклад Э.Ф. Шафранской (МГПУ, Москва) «Алишер Навои и русские художники середины XX века: эпоха и провенанс», в котором автор обозначила «вектор советской мифологии по созданию образов культурных героев в области литературы, стартовавший в 1937 году (А. Пушкин, Ш. Руставели, Д. Джабаев)». В докладе рассмотрена судьба работ, посвященных Алишеру Навои и персонажам его поэм, а также сложившиеся вокруг них провенансы. Это работы таких полузабытых художников 1930–40-х годов, как Борис Пестинский («Детство Навои»), Георгий Никитин («Портрет Алишера Навои»). Из известных – Усто Мумин («Фархад и Ширин»), портреты Навои Надежды Кашиной, Чингиза Ахмарова. Упомянута роль художника Варшама Еремяна в создании кинофильма «Алишер Навои».

Во второй секции особенно стоит выделить доклады Б.А. Захарьина (ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) «Эпоха тюркского правления средневековой Индии и ее отражение в лексике и грамматике индийских языков» и Л.В. Хохловой (ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) «Повышающая актантная деривация в тюркских и индоарийских языках (на примере хинди, панджаби и гуджарати)».

Заслуживают внимания доклады Е.А. Огановой (ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) «О влиянии творчества Алишера Навои на турецкую политическую традицию» и О.Г. Акининой (ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) «Нравственная составляющая творчества Алишера Навои глазами современных арабских читателей», в которых была продемонстрирована значимая роль творческого наследия поэта в развитии турецкой литературы, а также отмечен неподдельный интерес к произведениям Алишера Навои в современном арабском мире.

В частности, в докладе Е.А. Огановой особое внимание уделялось средневековой литературной традиции *тезкире* – антологиям, включавшим в себя биографические данные и оценки деятельности поэтов. Так, было отмечено, что *тезкире* Алишера Навои стало своего рода «моделью» для антологий анатолийских поэтов: «стихи Алишера Навои изучались в Османской империи повсеместно; составлялись толковые словари на базе поэтической лексики великого узбекского поэта. Для турецких поэтов считалось нормой знать наизусть стихотворения Алишера Навои. Для того чтобы лучше их понимать, они даже изучали чагатайский язык. Кроме того, значительное число турецких поэтов писали *назире* на произведения Алишера Навои (прежде всего, на его газели) на чагатайском, а не на турецком языке».

Живой интерес и обсуждения вызвал доклад коллеги из Узбекистана

Д. З. Пулатовой (УзГУМЯ, Ташкент) «Переход на латинскую графику в Узбекистане: проблемы и перспективы», в котором автор подробно осветила аспекты государственной политики в отношении языка, а также сложности, вызванные частой сменой графики: «в XX веке Узбекистан трижды менял алфавит. До 1929 года использовалась арабская графика, 1929-1940 годы латиница, с 1940 года по 1993 год использовалась кириллица, а в настоящее время упорно делается акцент на латинскую графику». В докладе дана оценка этому процессу, сделаны прогнозы его дальнейшего развития.

На заседании третьей секции был заслушан ряд докладов, посвященных идеям государственности, гуманизма и патриотизма, в частности, доклад Т.М. Махаматова (Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва) «Философия жизни в произведениях Алишера Навои и задачи развития социального капитала Узбекистана», В.Л. Пархимовича (ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) «Эволюция института главы государства в странах Центральной Азии».

Высокую оценку получил доклад Р.Ю. Почекаева (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) «Деятели искусства – представители и жертвы власти (к вопросу о «меценатстве» Шайбани-хана в Хорасане)», в котором автор привел анализ имеющихся в источниках противоречивых данных о политике Шайбани-хана по отношению к деятелям искусства – поэтам, музыкантам, художникам, каллиграфам. Исследование Р.Ю. Почекаева представляет особый интерес в связи с отсутствием единого подхода в оценке исторической личности Шайбани-хана: «даже авторитетные исследователи, опираясь на разные источники, не могут прийти к единому мнению, в частности по вопросам о его образованности и творческом наследии. Одни оценивают их весьма высоко, другие же – достаточно критически».

Кроме того, необходимо выделить доклад С.Ш. Аязбековой (Казахстанский филиал МГУ имени М.В. Ломоносова, Астана) «Творческое наследие Алишера Навои в контексте тюркской цивилизации», в котором автор исследовала роль творчества поэта через призму тюркской цивилизации, особенность которой, по мнению С.Ш. Аязбековой, состоит в том, что «качественное наполнение набора её цивилизационных элементов во многом определяется совершенно иным, нежели в других локальных цивилизациях, содержанием, обусловленным взаимодействием номадизма и оседлости, тенгрианства и космоцентризма». Сделан вывод о том, что «Алишер Навои в полной мере воплотил в своем творчестве все признаки и основные характеристики тюркской цивилизации несмотря на то, что тенгрианство к этому времени

уже потеряло свою доминирующую роль, поскольку широкое распространение получил ислам, поддерживаемый государством».

Выступления на секциях вызвали живой интерес, представляют собой обширный научный материал и будут опубликованы в виде сборника докладов конференции. Профессор Р.Ю. Почекаев так описал свои впечатления от конференции: «Очень понравилась сама идея конференции, позволяющая через изучение личности и деятельности одного человека рассмотреть самые разные проблемы от средневековой истории до современности. Многогранность деятельности Алишера Навои обусловила интерес к нему представителей самых разных научных направлений. При этом, что очень важно, доклады по разным тематикам, наукам и дисциплинам в рамках одной конференции взаимно дополняли друг друга».

Важно заметить, что конференция привлекла внимание не только российских ученых, но и иностранных коллег. А. Арамджу из Тегеранского университета заметил, что «глубокий анализ таких значимых для истории личностей, как Алишер Навои, несомненно, способствует сохранению культурного и исторического наследия региона Центральной Азии, а также помогает вывести исследования на принципиально новый уровень».

После оживленных обсуждений и интенсивной работы в рамках секций, модераторы подвели итоги заседаний. По результатам работы было принято решение развивать междисциплинарный подход в вопросе изучения культурного наследия средневекового Востока. Рабочий день конференции завершился торжественным приемом в Посольстве Республики Узбекистан в Москве.

**Сведения об авторах:** Жигульская Дарья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: [daria.zhigulskaya@rambler.ru](mailto:daria.zhigulskaya@rambler.ru)); Сыздыкова Жибек Сапарбековна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: [ccca-iaas@yandex.ru](mailto:ccca-iaas@yandex.ru))

**About the author:** Daria Zhigulskaya Institute of Asian and African Studies, Moscow State University (e-mail: [daria.zhigulskaya@rambler.ru](mailto:daria.zhigulskaya@rambler.ru)); Zhibek Syzdykova Institute of Asian and African Studies, Moscow State University (e-mail: [ccca-iaas@yandex.ru](mailto:ccca-iaas@yandex.ru))